

Министерство культуры Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
**«КРАСНОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»**

Кафедра истории, культурологи и музееведения

МЕТОДИКА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Хрестоматия
для подготовки к семинарским занятиям и
самостоятельной работе

для студентов, обучающихся
по направлению подготовки 072300 (51.03.04)
Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия

Краснодар
2016

УДК 001.891(075.8)
ББК 72.65я7
М 545

Рецензенты:

С.М. Сивков, кандидат исторических наук, доцент Южного института менеджмента

И.Г. Иванцов, кандидат исторических наук, доцент Краснодарского государственного института культуры

Пособие разработано в соответствии с ФГОС ВПО по направлению подготовки 072300 (51.03.04) Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия

М 545 Методика научного исследования : хрестоматия для подготовки к семинарским занятиям и самостоятельной работе / Сост. Н.Б. Акоева. – Краснодар: КГИК, 2016. – 98 с.

Хрестоматия предназначена для подготовки к семинарским занятиям и самостоятельной работе студентов очной и заочной форм обучения, обучающихся по направлению подготовки 072300 (51.03.04) Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия по дисциплине «Методика научного исследования». Наиболее важной частью пособия являются фрагменты из произведений философов, социологов, историков по изучаемым темам.

Может быть полезна магистрантам и аспирантам, а также все, кто интересуется проблемами научного исследования.

Рекомендовано к изданию учебно-методическим советом ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (протокол № 4 от 23.12. 2015 года).

©Н.Б. Акоева, 2016
© КГИК, 2016

Пояснительная записка

Хрестоматия предназначена студентам очной и заочной форм обучения по направлению подготовки 072300 (51.03.04) Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия, изучающим дисциплину «Методика научного исследования».

Наука – это сфера человеческой деятельности, результатом которой является новое знание о действительности, отвечающее критерию истинности.

Наука как феномен - явление чрезвычайно многоаспектное. В любом случае, говоря о науке, необходимо иметь в виду, как минимум, три ее основных аспекта, в каждом конкретном случае четко различая, о чем идет речь:

наука как социальный институт (сообщество ученых, совокупность научных учреждений и структур научного обслуживания);

наука как результат (научные знания);

наука как процесс (научная деятельность).

Научные открытия совершаются с использованием научных методов.

Метод – в широком смысле – способ познания явлений природы и общественной жизни с целью построения и обоснования системы знаний.

Наука поддерживается и развивается в результате исследовательской деятельности общества.

Научное исследование – это форма существования и развития науки, целенаправленное познание, результаты которого выступают в виде системы понятий, законов и теорий и воплощаются в научных трудах (статьи, монографии, учебники, диссертации и пр.).

После всесторонней оценки, результаты научных исследований используются в практике, учитываются в процессе практического познания и в обобщенном виде включаются в руководящие документы.

Хрестоматия «Методика научного исследования» содержит фрагменты из работ отечественных и зарубежных историков, политологов, социологов, позволяющие студентам выполнять задания семинарских занятий и самостоятельно осваивать программу курса.

В приложение хрестоматии включены тематика семинарских занятий, литература и интернет-ресурсы по изучаемым разделам, словарь основных понятий.

РАЗДЕЛ 1. НАУКА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

В этом разделе представлены материалы, дающие целостное представление о современной науке и путях ее становления.

В статье Е. Макаровой определяются функции науки, зависящие от общего назначения ее отраслей и их роли в освоении окружающего мира. Студентам надо обратить внимание на понятие научного знания, основные задачи научного познания.

Необходимо понимать, что весьма противоречивым, логически несовместимым является диахронное (историческое) многообразие форм «науки»: 1) древняя восточная преднаука (вавилонско-шумерская, египетская, древнеиндийская, древнекитайская); 2) античная наука; 3) средневековая европейская наука; 4) новоевропейская классическая наука; 5) неклассическая наука; 6) постнеклассическая наука.

Студентам полезно внимательно прочитать статью В. Гаташа «Как отличить науку от лженауки». Тема лженауки (псевдонауки, квазинауки, ненауки) особенно популярна и актуальна на современном этапе развития научного знания. По этому поводу пишутся статьи, проводятся конференции. Ученые всесторонне проанализировали это явление и нашли признаки лженауки даже в самых официально признанных научных областях.

Важное значение для понимания предмета имеет отрывок классического текста Т. Куна «Структура научных революций», который впервые ввел это понятие, назвал его составные части, признаки.

Работа М. Вебера посвящена обоснованию сегодняшней науки есть профессии, осуществляемой как специальной дисциплине и служащей делу самосознания и познания фактических связей.

Макарова Е. Функции науки*

Функции науки выделяют в зависимости от общего назначения ее отраслей и их роли в освоении окружающего мира с конструктивной целью. Функции науки – это внешнее проявление каких-либо ее существенных свойств. По ним можно судить ее о возможностях участвовать в решении проблем, поставленных перед обществом, и способностях создавать более благоприятные условия для жизни людей и развития культуры. Функции науки выделяются по основным видам деятельности исследователей, их основным задачам, а также сфере применения полученных знаний. Таким образом, основные функции науки можно определить как познавательную, мировоззренческую, производственную, социальную и культурную.

Познавательная функция является основополагающей, заданной самой сутью науки, назначение которой заключается в познании природы, человека и общества в целом, а также в рационально-теоретическом постижении мира, объяснении процессов и явлений, открытии закономерностей и законов, осуществлении прогнозирования и т.д. Данная функция сводится к производству новых научных знаний. Мировоззренческая функция во многом переплетается с познавательной. Они взаимосвязаны, поскольку ее целью является разработка научной картины мира и соответствующего ей мировоззрения. Также эта функция подразумевает исследование рационалистического отношения человека к миру, разработку научного миропонимания, что означает, что ученые (наряду с философами) должны разрабатывать научные мировоззренческие универсалии и соответствующие ценностные ориентации.

Производственная функция, которую также можно назвать технико-технологической функцией, необходима для внедрения инноваций, новых форм организаций процессов, технологий и научных нововведений в производственные отрасли. В связи с этим наука превращается в производительную силу, работающую на благо общества, своего рода «цех», в котором разрабатываются и внедряются новые идеи

и их воплощения. В этом плане ученых даже иногда относят к производственным работникам, что как нельзя более полно характеризует производственную функцию науки. Социальная функция начала выделяться особенно существенно в последнее время. Это связано с достижениями научно-технической революции. В связи с этим наука превращается в социальную силу. Это проявляется в ситуациях, когда данные науки используются в разработках программ социального и экономического развития. Поскольку такие планы и программы имеют комплексный характер, то их разработка предполагает тесное взаимодействие различных отраслей естественных, общественных и технических наук. Культурные функции науки (или образовательные) сводится к тому, что наука является своего рода феноменом культуры, важным фактором развития людей, их образования и воспитания. Достижения науки существенно влияют на учебно-воспитательный процесс, содержание программ образования, технологии, методы и форму обучения. Эта функция реализуется через систему образования, СМИ, публицистическую и просветительскую деятельность ученых. Структура и функции науки тесно связаны. Объективное существование включает три основных сферы: природу, человека и общество. В связи с этим в структуре науки выделяются три главных элемента. По сфере изучаемой действительности научные знания делятся на естествознание (науки о природе) и обществознание (науки о человеке и науки об обществе). Естествознание исследует все, что относится к природе. Оно отражает логику природы. Структура естественнонаучных учений и знаний сложна и разнообразна. В нее входят знания о веществе, взаимодействии веществ, химических элементах, живой материи, Земле, Космосе. Отсюда развиваются фундаментальные естественнонаучные направления. Обществознание изучает общественные явления, системы, их структуры, процессы и состояния. Эти науки дают знания о различных общественных связях и отношениях между людьми. Научные знания об обществе объединяют три направления: социологическое, экономическое и государственно-правовое. Отдельным направлением являются знания о человеке и его сознании.

*Макарова Е. Функции науки // <http://fb.ru/article/3026/funksii-nauki>

Особенности и характерные черты наук*

Дать ответ на казалось бы ясный вопрос, что такое наука, оказывается не так просто. Дело в том, что наука представляет собой очень сложный и во многих отношениях противоречивый в своем эмпирическом бытии объект. Это относится и к историческому бытию науки, к ее, так сказать, диахронному аспекту и к ее синхронному бытию, имея в виду ее современное состояние.

Так весьма противоречивым, логически несовместимым является диахронное (историческое) многообразие форм «науки»: 1) древняя восточная преднаука (вавилоно-шумерская, египетская, древнеиндийская, древнекитайская); 2) античная наука; 3) средневековая европейская наука; 4) новоевропейская классическая наука; 5) неклассическая наука; 6) постнеклассическая наука.

Особенностями восточной преднауки являлись: непосредственная вплетенность и подчиненность практическим потребностям (искусству измерения и счета — математика, составлению календарей и обслуживанию религиозных культов — астрономия, техническим усовершенствованиям орудий производства и строительства — механика и т. д.); рецептурность (инструментальность) «научного» знания; эмпирический характер его происхождения и обоснования; кастовость и закрытость научного сообщества.

Прямо противоположные свойства обретает то, что называется «наукой» в Древней Греции: теоретичность (источник научного знания — мышление), логическая доказательность, независимость от практики, открытость критике, демократизм. Образцом античного понимания научности, безусловно, являются «Начала» Евклида.

Сущностные черты средневековой «науки»: теологизм, непосредственное обслуживание социальных и практических потребностей религиозного общества, схоластика, догматизм. В средневековой религиозной культуре наука вынуждена была выполнять роль служанки богословия и согласовывать с ним свои утверждения. Астрология, алхимия, религиозная герменевтика были парадигмальными образцами средневековой науки. Ясно, что средневековая «наука» противоречила по своим знаниевым и операциональным характеристикам как античной «науке», так и древней «преднауке».

Однако и новая (модернистская) наука претерпела за 300 лет своего существования и развития существенные изменения, пройдя в ходе своей эволюции ряд качественно различных этапов, которые по целому ряду параметров противоречат друг другу. Среди этих этапов выделяют классическую, неклассическую и постнеклассическую науку (В.С. Степин). Эти типы «науки» отличаются друг от друга не только своим предметным содержанием и дисциплинарным объемом, но и своими основаниями (онтологическими, гносеологическими, социальными и др.).

Так, онтологическими основаниями классической науки являлись: антитеологизм, однозначный детерминизм, механицизм. Гносеологические основания классической науки: объективные методы исследования, эксперимент, математическая модель объекта, дедуктивно-аксиоматический способ построения теории. Ее социальные основания: дисциплинарная организация, создание научных и учебных заведений нового типа (исследовательские лаборатории, институты, академические и инженерные сообщества).

Понятие «неклассическая наука»

Качественно новый этап в осуществлении проекта науки «Science» — неклассическая наука, основанная на существенно отличном от классической фундаменте.

Онтология неклассической науки: релятивизм (пространства, времени, массы), индетерминизм (фундаментальных взаимосвязей объектов), массовость (множество объектов любого рода — статическая система), системность, структурность, организованность, эволюционность систем и объектов.

Гносеология неклассической науки: субъект-объектность научного знания, гипотетичность, вероятностный характер научных законов и теорий, частичная эмпирическая и теоретическая верифицируемость научного знания.

Методология неклассической науки: отсутствие универсального научного метода, плюрализм научных методов и средств, интуиция, творческий конструктивизм.

Социология неклассической науки: «зернистая» структура научного сообщества, многообразие форм научной кооперации, наука — объект экономического, правового, социального и государственного регулирования, противоречивое многообразие норм научного этоса.

Аксиология (теория ценностей) неклассической науки: субъект-объектность знания, общезначимость, консенсуальность, дополнительность, вероятная истинность.

Неклассическая естествознание она охватывает период с конца XIX века до середины XX столетия.

В эту эпоху происходит своеобразная цепная реакция революционных перемен в различных областях знания: в физике (открытие делимости атома, становление реактивистской и квантовой теорий), в космологии (концепция нестационарной Вселенной). Возникают кибернетика и теория систем, сыгравшие важнейшую роль в развитии современной научной картины мира. В процессе всех этих революционных преобразований формировались идеалы и нормы новой неклассической науки. Она характеризовалась отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картинки природы, выбранной на том или ином этапе развития естествознания.

Постнеклассическая наука, ее особенности

Неклассический этап развития «новоевропейской» науки проходит пик развития в 70-е гг. XX в. Ему на смену приходит парадигма «постнеклассической» науки, фиксация, выделение и описание особенностей которой основательно осуществлено в работах В.С. Степина.

Лидеры постнеклассической науки — биология, экология, синергетика, глобалистика, науки о человеке. Преимущественный предмет исследования постнеклассической науки — сверхсложные системы, включающие человека в качестве существенного элемента своего функционирования и развития (механические, физические, химические, биологические, экологические, инженерно-технические, технологические, компьютерные, медицинские, социальные и др.). Идеология, философские основания и методология постнеклассической (современной) science существенно отличаются и во многом несовместимы с принципами и «духом» не только «классического» этапа развития модернистской (новоевропейской) науки, но и ее «неклассического» этапа.

Принципы онтологии постнеклассической science: системность, структурность, органицизм, нелинейный (многовариантный) эволюционизм, телеологизм, антропологизм.

Ее гносеологические основания: проблемная предметность, с социальность (коллективность) научно-познавательной деятельности, контекстуальность научного знания, полезность, экологическая и гуманистическая ценность научной информации.

Методология постнеклассической науки: методологический плюрализм, конструктивизм, консенсуальность, эффективность, целесообразность научных решений.

Четвертая глобальная научная революция, в ходе которой рождается новая постнеклассическая наука.

Интенсивное применение научных знаний практически во всех сферах социальной жизни, изменение самого характера научной деятельности, связанное с революцией в средствах хранения и получения знаний (компьютеризация науки, появление сложных и дорогостоящих приборных комплексов, которые обслуживают исследовательские коллективы и функционируют аналогично средством промышленного производства и т. д. Меняется характер научной деятельности.

*Философия науки // <http://192.165.67.156/shpargalki-po-filosofii-nauki>

Гаташ В. Как отличить науку от лженауки*

Тема лженауки (псевдонауки, квазинауки, ненауки) особенно вдохновила участников интернет-конференции «Российская наука и СМИ». (С материалами конференции можно ознакомиться на сайте www.adenauer.ru.) На сессию «Как отличить науку от лженауки» было прислано рекордное количество докладов. Ученые всесторонне проанализировали это явление и нашли признаки лженауки в самых что ни на есть официально признанных научных областях.

«Проблема «борьбы со лженаукой» имеет несколько аспектов, — утверждает доктор философских наук, профессор Владимир Порус. — Во-первых, она может рассматриваться как ностальгическое воспоминание о том, что наука некогда была лидером духовного развития человечества, знающим высокую цель этого развития и способы ее достижения.

Во-вторых, «борьба со лженаукой» выступает как элемент конкурентной борьбы за субсидии и гонорары, а бывает, и за власть. Государству нужны ученые, чтобы поддерживать свою военную мощь, справляться с надвигающимися кризисами, обеспечивать устойчивость технологических, социальных и экологических систем и так далее. С этой точки зрения, оно предпочитает финансировать не магов и колдунов, а доказавшие свою эффективность научные коллективы. В-третьих, «борьба со лженаукой» может рассматриваться как форма научной самокритики и «очищение рядов».

Но есть поле, где лженаука легко обыгрывает науку. Это рынок услуг населению. Лженаука более близка интересам и запросам широких масс обывателей, менее отягощена моральными устоями, более мобильна, не бюрократизирована и умеет быстро менять обличья. Ее не волнует проблема смены поколений, она не тратит ни сил, ни времени на воспроизводство своего «сообщества». Лженаука просто зарабатывает деньги на рынке услуг! И на этом поле ей пока нет равных.

«Основной причиной расцвета лженауки в России явилось состояние самой науки в СССР, — считает заместитель директора ЗАО «Планета персонала» Виктор Леглер. — Советская и унаследовавшая ее традиции российская наука склонна создавать научные учения, предназначенные либо для захвата, либо для сохранения власти определенных лиц и групп в определенном научном сообществе. Чаще всего локальные идеологии создаются профессионалами в данной области науки, занимающими в научном сообществе господствующие позиции. Начинаются с небольших отклонений от правил научной корректности, но постепенно развиваются в настоящие лженауки. Большинство из них погибают при первой же встрече с экспертом, но некоторым удается социально реализоваться внутри научного сообщества (мичуринская биология) либо вне его (новая хронология Фоменко)».

Российские военные историки имеют свою локальную идеологию, относящуюся к Великой Отечественной войне, которая формулируется примерно следующим образом: «Мирная жизнь советских людей была нарушена вероломным нападением немецко-фашистских захватчиков». Виктор Суворов практически в одиночку совершил научную революцию в этой области. Он ввел в научный оборот массу новых фактов, показал, что история войны была совершенно не такой, какой она описана в официальных исторических трудах, и что это требует в значительной степени пересмотреть вообще всю историю ключевых событий XX века. Суворов применил принцип обхода и победил, изложив свои идеи в популярной форме и обратившись через голову официальной науки непосредственно к массам читателей и телезрителей.

Министерство обороны сегодня справедливо критикуют за то, что оно создало у себя явно шарлатанские астрологические лаборатории. На это, к сожалению, можно возразить, что когда-то именно так в его недрах создавались первые вычислительные машины, поскольку локальная идеология, отрицающая кибернетику, была обойдена именно при посредстве Министерства обороны.

Принцип обхода был эффективен в тех случаях, когда советская локальная идеология отказывалась от достижений мировой науки. Соответственно, страна отставала в этих областях, и научная оппозиция указывала руководству страны на происходящие от этого прямые материальные потери.

В мировой науке нет локальных идеологий не потому, что там ученые умнее и нравственнее, а потому, что там нечего захватывать. Попробуйте «захватить» западное научное сообщество (например, Геологическое общество Америки). Не имея жесткой структуры, оно уйдет у вас между пальцев. В этой свободной ассоциации нет ни командных высот, которые можно завоевать, ни «пирога», на который можно наброситься.

«Знаменитый Кеплер был скорее астрологом, чем ученым, — напоминает главный редактор альманаха «Кентавр» Геннадий Копылов. — В своих книгах «Новая астрономия» и «Гармония мира» он приводит сотни астрономических и астрологических открытий, сделанных им в рамках грандиозной задачи по выявлению «божественного замысла архитектуры Вселенной». Среди этих открытий были и три его закона движения планет, известных теперь каждому школьнику.

Впрочем, ни сам Кеплер, ни его современники не придавали законам значения в сравнении с теми достижениями, которые он сам считал выдающимися, поскольку они наиболее полно выявляли тот самый «божественный замысел». Только через полвека

осознал их значимость Ньютон. Но для него эллиптичность орбиты была уже не проявлением «божественного замысла», а следствием силы тяготения.

Открытие новых законов природы было важнейшим делом для ученых вплоть до XIX века, затем важнее всего было построить целостную картину мира. Середина XX века характеризовалась появлением больших научно-технических программ, новых отраслей промышленности и образования, хотя наука еще существовала в национальных и корпоративных рамках.

Сейчас наука работает в транснациональных масштабах. Локальные научные и конструкторские разработки воплощаются в проекты социальных и культурных преобразований, которые продвигаются на мировой рынок на основе «социальной потребности».

Однако в наших учебниках, энциклопедиях, массовой литературе и СМИ поддерживается устаревший образ науки — ее делом по-прежнему считается отыскание истины. Между тем функция научной сферы, реализующаяся нынче в деле, — активно-инженерная, конструктивная, — обществом не осознается и не поддерживается. По-прежнему на плаву миф об озарении, индивидуальном научном творчестве. Миф, который не учитывает сложную систему интеллектуально-организационных предпосылок, обеспечивающих условия для работы современного ученого.

Чего ждет общество от ученых? Адекватных ответов на новые вызовы жизни. И если наука их не предоставляет, общество отказывается от науки в пользу лженаучных, эзотерических либо религиозных учений. За постоянное появление лжеученых и лженаук в нашей стране ответственны кардинально устаревшие представления о науке и ее функциях.

«Сегодня под лженаукой понимают, как правило, шарлатанские учения вроде новой хронологии Фоменко, — говорит редактор еженедельника «Европа-Экспресс» (Германия) Дмитрий Хмельницкий. — Своей популярностью они жутко раздражают настоящих ученых, но по сути безвредны, поскольку жить науке не мешают. Гораздо неприятнее другой вариант лженауки, знакомый еще по советским временам, но существующей и поныне, — идеологически ангажированная наука».

В брежневские времена истории советской архитектуры не существовало вообще — она выглядела как груда имен, дат и названий построек. Иной она тогда и быть не могла, поскольку перед ней, как и перед многими гуманитарными науками, стояла задача не прояснить историческую ситуацию, а смоделировать ее, то есть «запудрить» мозги.

Между тем предметом изучения являлись полвека интереснейших и загадочных событий. Сначала блестящий расцвет художественного авангарда. Вдруг в начале 30-х годов происходит внезапная массовая и мгновенная смена стиля, что-то вроде эпидемии. Авангард исчезает, «из ничего» возникает сталинский ампир. В середине 50-х годов — очередная резкая смена приоритетов. Классицизм заклеяется как украшательство, а зодчие-классицисты становятся модернистами и фанатиками панельного индустриального домостроения. При этом и сталинский ампир, и хрущевский модернизм называются одинаково — «социалистический реализм».

История советской архитектуры была классической лженаукой, то есть фальсификацией, занимавшей место настоящих, но несуществующих исследований. Внезапная гибель объяснялась и объясняется тем, что конструктивистская архитектура была слишком аскетична и посему перестала удовлетворять эстетические и культурные потребности советских людей. Они захотели чего-то более красивого, и архитекторы откликнулись на социальный заказ, предложив народу более красивую и дорогую архитектуру. Циничное и бесстыдное объяснение. Ведь начало 30-х — это время массового террора, депортаций, коллективизации и вообще дикого снижения жизненного уровня жителей СССР. Тем не менее никто эту лженаучную версию не опроверг. Все самые интересные и глубокие исследования истории советской

архитектуры проводятся сейчас, как и в советские времена, за границей. Например, в 2003 году в Берлине вышла замечательная книга «Градостроительство в тени Сталина», которая для российского читателя осталась недоступной.

Существующие и поныне научная иерархия и система регулирования научных исследований — это и есть идеальная атмосфера для функционирования лженаук.

Пресса, не связанная клановыми интересами, открытая и свободная, может играть важную роль в разрушении таких «научных идеологий», то есть лженаук.

«Носителем лжезнаний был объявлен Коперник. Периодический закон, открытый Д. Менделеевым, тоже поначалу отвергался многими его современниками, — напоминает главный редактор научно-популярного журнала «Универсум» Александр Мадера. — А неевклидова геометрия Лобачевского, из-за которой он стал посмешищем своих коллег-соотечественников?»

Все знают и более поздние печальные факты из нашей истории. Против таких «лженаук», как генетика и кибернетика, велась самая настоящая борьба, доходившая до физического уничтожения их приверженцев. Словом «лженаука» клеймили также тех или иных ученых из-за банальной научной зависти коллег или корыстных интересов.

Есть и другой аспект этой проблемы — искренние заблуждения или ошибки исследователей, которые являются неизбежными спутниками творчества в науке. Так, Нильс Бор в одной из своих работ заявил, что закон сохранения энергии может не соблюдаться. Парадоксально, но это заблуждение Бора (вскоре он его осознал) сыграло положительную роль, поскольку ученые обратили внимание на противоречия в квантовой механике. А Эйнштейн до конца своих дней не принимал вероятностную трактовку квантовой механики. Ну и что отсюда следует? Что квантовая механика — лженаука или Эйнштейн — лжеученый? Ни то, ни другое.

Некоторой части наших ученых именно боязнь быть обвиненными в научной ереси сильно мешает мыслить смело и свободно. Этот страх стоит на пути появления новых идей и, по-видимому, является одной из причин отставания нашей науки от западной. По крайней мере, знаменитая фраза Бора — «Достаточно ли эта теория безумна, чтобы быть правильной» — в сегодняшней отечественной науке не работает. Ученые зачастую разрабатывают проверенные, устоявшиеся научные направления, по которым легче защититься, внутри которых спокойнее жить.

Нужно ли бороться с лженаукой?

Да, но не запретами и карательными мерами, а только противопоставив истинное знание ложному.

*Гаташ В. Как отличить науку от лженауки // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/Article/gat_kak.php

Кун Т. Структура научных революций. Извлечение*

IX. ПРИРОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Что такое научные революции и какова их функция в развитии науки? Большая часть ответов на эти вопросы была предвосхищена в предыдущих разделах. В частности, предшествующее обсуждение показало, что научные революции рассматриваются здесь как такие некумулятивные эпизоды развития науки, во время которых старая парадигма замещается целиком или частично новой парадигмой, несовместимой со старой. Однако этим сказано не все, и существенный момент того, что еще следует сказать, содержится в следующем вопросе. Почему изменение парадигмы должно быть названо революцией? Если учитывать широкое, существенное различие между политическим и научным развитием, какой параллелизм может оправдать метафору, которая находит революцию и в том и в другом?

Один аспект аналогии должен быть уже очевиден. Политические революции начинаются с роста сознания (часто ограничиваемого некоторой частью политического

сообщества), что существующие институты перестали адекватно реагировать на проблемы, поставленные средой, которую они же отчасти создали. Научные революции во многом точно так же начинаются с возрастания сознания, опять-таки часто ограниченного узким подразделением научного сообщества, что существующая парадигма перестала адекватно функционировать при исследовании того аспекта природы, к которому сама эта парадигма раньше проложила путь. И в политическом и в научном развитии осознание нарушения функции, которое может привести к кризису, составляет предпосылку революции. Кроме того, хотя это, видимо, уже будет злоупотреблением метафорой, аналогия существует не только для крупных изменений парадигмы, подобных изменениям, осуществленным Лавуазье и Коперником, но также для намного менее значительных изменений, связанных с усвоением нового вида явления, будь то кислород или рентгеновские лучи. Научные революции, как мы отмечали в конце V раздела, должны рассматриваться как действительно революционные преобразования только по отношению к той отрасли, чью парадигму они затрагивают. Для людей непосвященных они могут, подобно революциям на Балканах в начале XX века, казаться обычными атрибутами процесса развития. Например, астрономы могли принять открытие рентгеновских лучей как простое приращение знаний, поскольку их парадигмы не затрагивались существованием нового излучения. Но для ученых типа Кельвина, Крукса и Рентгена, чьи исследования имели дело с теорией излучения или с катодными трубками, открытие рентгеновских лучей неизбежно нарушало одну парадигму и порождало другую. Вот почему эти лучи могли быть открыты впервые только благодаря тому, что нормальное исследование каким-то образом зашло в тупик.

Этот генетический аспект аналогии между политическим и научным развитием не подлежит никакому сомнению. Однако аналогия имеет второй, более глубокий аспект, от которого зависит значение первого. Политические революции направлены на изменение политических институтов способами, которые эти институты сами по себе запрещают. Поэтому успех революций вынуждает частично отказаться от ряда институтов в пользу других, а в промежутке общество вообще управляется институтами не полностью. Первоначально именно кризис ослабляет роль политических институтов, так же, как мы уже видели, он ослабляет роль парадигмы. Возрастает число личностей, которые во все большей степени отстраняются от политической жизни, или же если не отстраняются, то в ее рамках поведение их становится более и более странным. Затем, когда кризис усиливается, многие из этих личностей объединяются между собой для создания некоторого конкретного плана преобразования общества в новую институциональную структуру. В этом пункте общество разделяется на враждующие лагеря или партии; одна партия пытается отстоять старые социальные институты, другие пытаются установить некоторые новые. Когда такая поляризация произошла, *политический выход из создавшегося положения оказывается невозможным*. Поскольку различные лагеря расходятся по вопросу о форме, в которой политическое изменение будет успешно осуществляться и развиваться, и поскольку они не признают никакой надынституциональной структуры для примирения разногласий, приведших к революции, то вступающие в революционный конфликт партии должны в конце концов обратиться к средствам массового убеждения, часто включая и силу. Хотя революции играли жизненно важную роль в преобразовании политических институтов, эта роль зависит частично от внеполитических и внеинституциональных событий.

Остальная часть настоящего очерка нацелена на то, чтобы показать, что историческое изучение парадигмального изменения раскрывает в эволюции наук характеристики, весьма сходные с отмеченными. Подобно выбору между конкурирующими политическими институтами, выбор между конкурирующими парадигмами оказывается выбором между несовместимыми моделями жизни сообщества. Вследствие того что выбор носит такой характер, он не детерминирован и не может быть детерминирован просто ценностными характеристиками процедур нормальной науки.

Последние зависят частично от отдельно взятой парадигмы, а эта парадигма и является как раз объектом разногласий. Когда парадигмы, как это и должно быть, попадают в русло споров о выборе парадигмы, вопрос об их значении по необходимости попадает в замкнутый круг: каждая группа использует свою собственную парадигму для аргументации в защиту этой же парадигмы.

Этот логический круг сам по себе, конечно, еще не делает аргументы ошибочными или даже неэффективными. Тот исследователь, который использует в качестве исходной посылки парадигму, когда выдвигает аргументы в ее защиту, может тем не менее ясно показать, как будет выглядеть практика научного исследования для тех, кто усвоит новую точку зрения на природу. Такая демонстрация может быть необычайно убедительной, а зачастую и просто неотразимой. Однако природа циклического аргумента, как бы привлекателен он ни был, такова, что он обращается не к логике, а к убеждению. Ни с помощью логики, ни с помощью теории вероятности невозможно переубедить тех, кто отказывается войти в круг. Логические посылки и ценности, общие для двух лагерей при спорах о парадигмах, недостаточно широки для этого. Как в политических революциях, так и в выборе парадигмы нет инстанции более высокой, чем согласие соответствующего сообщества. Чтобы раскрыть, как происходят научные революции, мы поэтому будем рассматривать не только влияние природы и логики, но также эффективность техники убеждения в соответствующей группе, которую образует сообщество ученых.

В принципе новое явление может быть обнаружено без разрушения какого-либо элемента прошлой научной практики. Хотя открытие жизни на Луне в настоящее время было бы разрушительным для существующих парадигм (поскольку они сообщают нам сведения о Луне, которые кажутся несовместимыми с существованием жизни на этой планете), открытие жизни в некоторых менее изученных частях галактики не было бы таким разрушительным. По тем же самым признакам новая теория не должна противоречить ни одной из предшествующих ей. Она может касаться исключительно тех явлений, которые ранее не были известны, так, квантовая механика (но лишь в значительной мере, а не исключительно) имеет дело с субатомными феноменами, неизвестными до XX века. Или новая теория может быть просто теорией более высокого уровня, чем теории, известные ранее, — теорией, которая связывает воедино группу теорий более низкого уровня, так что ее формирование протекает без существенного изменения любой из них. В настоящее время теория сохранения энергии обеспечивает именно такие связи между динамикой, химией, электричеством, оптикой, теорией теплоты и т. д. Можно представить себе еще и другие возможные связи между старыми и новыми теориями, не ведущие к несовместимости тех и других. Каждая из них в отдельности и все вместе могут служить примером исторического процесса, ведущего к развитию науки. Если бы все связи между теориями были таковы, то развитие науки было бы подлинно кумулятивным. Новые виды явлений могли бы просто раскрывать упорядоченность в некотором аспекте природы, где до этого она никем не была замечена. В эволюции науки новое знание приходило бы на смену невежеству, а не знанию другого и несовместимого с прежним вида.

Конечно, наука (или некоторое другое предприятие, возможно, менее эффективное) при каких-то условиях может развиваться таким полностью кумулятивным образом. Многие люди придерживались убеждения, что дело обстоит именно так, а большинство все еще, вероятно, допускает, что простое накопление знания по крайней мере является идеалом, который, несомненно, осуществился бы в историческом развитии, если бы только оно так часто не искажалось человеческой субъективностью. Есть важные основания верить в это.

Если человек стремится решать проблемы, поставленные существующим уровнем развития науки и техники, то это значит, что он не просто озирается по сторонам.

Он знает, чего хочет достичь, соответственно этому он создает инструменты и направляет свое мышление. Непредсказуемые новшества, новые открытия могут возникать только в той мере, в какой его предсказания, касающиеся как возможностей его инструментов, так и природы, оказываются ошибочными. Часто важность сделанного открытия будет пропорциональна степени и силе аномалии, которая предвещала открытие. Таким образом, должен, очевидно, возникнуть конфликт между парадигмой, которая обнаруживает аномалию, и парадигмой, которая позднее делает аномалию закономерностью. Примеры открытий, связанные с разрушением парадигмы и рассмотренные в IV разделе, не представляют собой простых исторических случайностей. Наоборот, никакого другого эффективного пути к научному открытию нет.

Та же самая аргументация используется даже более очевидно в вопросе создания новых теорий. В принципе есть только три типа явлений, которые может охватывать вновь созданная теория. Первый состоит из явлений, хорошо объяснимых уже с точки зрения существующих парадигм; эти явления редко представляют собой причину или отправную точку для создания теории. Когда они все же порождают теорию — как было с тремя известными предвидениями, рассмотренными в конце VII раздела, — то результат редко оказывается приемлемым, потому что природа не дает никакого основания для того, чтобы предпочитать новую теорию старой. Второй вид явлений представлен теми, природа которых указана существующими парадигмами, но их детали могут быть поняты только при дальнейшей разработке теории. Это явления, исследованию которых ученый отдает много времени, но его исследования в этом случае нацелены на разработку существующей парадигмы, а не на создание новой. Только когда эти попытки в разработке парадигмы потерпят неудачу, ученые переходят к изучению третьего типа явлений, к осознанным аномалиям, характерной чертой которых является упорное сопротивление объяснению их существующими парадигмами. Только этот тип явлений и дает основание для возникновения новой теории. Парадигмы определяют для всех явлений, исключая аномалии, соответствующее место в теоретических построениях исследовательской области ученого.

Столетие назад, я думаю, можно было бы на этом и остановиться в рассмотрении вопроса о необходимости революций. Но в настоящее время, к сожалению, этого делать нельзя, потому что невозможно отстоять развитую выше точку зрения на предмет, если принять наиболее распространенную сегодня интерпретацию природы и функций научной теории. Эта интерпретация, тесно связанная с ранним логическим позитивизмом и не отброшенная полностью его последователями, обычно ограничивает уровень и значение принятой теории так, чтобы последняя не имела возможности вступать в противоречие с предшествующей теорией, которая давала предписания относительно тех же самых явлений природы. Наиболее известным и ярким примером, связанным со столь ограниченным пониманием научной теории, является анализ отношения между современной динамикой Эйнштейна и старыми уравнениями динамики, которые вытекали из "Начал" Ньютона. С точки зрения настоящей работы эти две теории совершенно несовместимы в том же смысле, в каком была показана несовместимость астрономии Коперника и Птолемея: теория Эйнштейна может быть принята только в случае признания того, что теория Ньютона ошибочна. Но сегодня приверженцы этой точки зрения остаются в меньшинстве.

Необходимость изменить значение установленных и общеизвестных понятий — основа революционного воздействия теории Эйнштейна. Хотя это изменение более тонкое, нежели переход от геоцентризма к гелиоцентризму, от флогистона к кислороду или от корпускул к волнам, полученное в результате его концептуальное преобразование имеет не менее решающее значение для разрушения ранее установленной парадигмы. Мы даже можем увидеть в концептуальном преобразовании прототип революционной переориентации в науках. Именно потому, что такое преобразование не включает введения дополнительных объектов или понятий, переход от ньютоновской к

эйнштейновской механике иллюстрирует с полной ясностью научную революцию как смену понятийной сетки, через которую ученые рассматривали мир.

Следующие друг за другом парадигмы по-разному характеризуют элементы универсума и поведение этих элементов. Иными словами, их отличие касается таких вопросов, как существование внутриатомных частиц, материальность света, сохранение теплоты или энергии. Эти различия являются субстанциональными различиями между последовательными парадигмами, и они не требуют дальнейшей иллюстрации. Но парадигмы отличаются более чем содержанием, ибо они направлены не только на природу, но выражают также и особенности науки, которая создала их. Они являются источником методов, проблемных ситуаций и стандартов решения, принятых неким развитым научным сообществом в данное время. В результате восприятие новой парадигмы часто вынуждает к переопределению основ соответствующей науки. Некоторые старые проблемы могут быть переданы в ведение другой науки или объявлены совершенно "ненаучными". Другие проблемы, которые были прежде несущественными или тривиальными, могут с помощью новой парадигмы сами стать прототипами значительных научных достижений. И поскольку меняются проблемы, постольку обычно изменяется и стандарт, который отличает действительное научное решение от чисто метафизических спекуляций, игры слов или математических забав. Традиция нормальной науки, которая возникает после научной революции, не только несовместима, но часто фактически и несоизмерима с традицией, существовавшей до нее.

Другие примеры таких несубстанциональных различий между следующими друг за другом парадигмами могут быть взяты из истории любой науки почти в любой период ее развития. В данный момент ограничимся лишь двумя другими и достаточно краткими иллюстрациями. Прежде чем произошла революция в химии, одна из широко распространенных задач этой науки состояла в объяснении свойств химических веществ и изменений, которые эти свойства претерпевают в реакции. С помощью небольшого числа элементарных "первопричин" — среди которых был и флогистон — химик должен был объяснить, почему одни вещества обладают свойствами кислоты, другие — свойствами металла, третьи — свойствами возгораемости и тому подобное. В этом направлении был достигнут заметный успех. Мы уже указывали, что флогистонная теория объясняла, почему металлы так сходны между собой, и можно представить подобную аргументацию для кислот. Реформа Лавуазье, однако, окончательно отбросила химические "первопричины" и таким образом лишила химию некоторой реальной и потенциальной объяснительной силы. Чтобы компенсировать эту утрату, требовались изменения в стандартах. В течение большей части XIX века неудачи в объяснении свойств соединений не могли умалить достоинства ни одной химической теории.

Перенос акцент с познавательной на нормативную функцию парадигмы, предшествующие примеры расширяют наше понимание способов, которыми парадигма определяет форму научной жизни. Ранее мы главным образом рассматривали роль парадигмы в качестве средства выражения и распространения научной теории. В этой роли ее функция состоит в том, чтобы сообщать ученому, какие сущности есть в природе, а какие отсутствуют, и указывать, в каких формах они проявляются. Информация такого рода позволяет составить план, детали которого освещаются зрелым научным исследованием. А так как природа слишком сложна и разнообразна, чтобы можно было исследовать ее вслепую, то план для длительного развития науки так же существен, как наблюдение и эксперимент. Через теории, которые они воплощают, парадигмы выступают важнейшим моментом научной деятельности. Они определяют научное исследование также и в других аспектах — вот в чем теперь суть дела. В частности, только что приведенные нами примеры показывают, что парадигмы дают ученым не только план деятельности, но также указывают и некоторые направления, существенные для реализации плана. Осваивая парадигму, ученый овладевает сразу теорией, методами и стандартами, которые обычно самым теснейшим образом переплетаются между собой.

Поэтому, когда парадигма изменяется, обычно происходят значительные изменения в критериях, определяющих правильность как выбора проблем, так и предлагаемых решений.

Это наблюдение возвращает нас к пункту, с которого начинался этот раздел, поскольку дает нам первое четкое указание, почему выбор между конкурирующими парадигмами постоянно порождает вопросы, которые невозможно разрешить с помощью критериев нормальной науки. В той же степени (столь же значительной, сколько и неполной), в какой две научные школы несогласны друг с другом относительно того, что есть проблема и каково ее решение, они неизбежно будут стремиться переубедить друг друга, когда станут обсуждать относительные достоинства соответствующих парадигм. В аргументациях, которые постоянно порождаются такими дискуссиями и которые содержат в некотором смысле логический круг, выясняется, что каждая парадигма более или менее удовлетворяет критериям, которые она определяет сама, но не удовлетворяет некоторым критериям, определяемым ее противниками. Есть и другие причины неполноты логического контакта, который постоянно характеризует обсуждение парадигм. Например, так как ни одна парадигма никогда не решает всех проблем, которые она определяет, и поскольку ни одна из двух парадигм не оставляет нерешенными одни и те же проблемы, постольку обсуждение парадигмы всегда включает вопрос: какие проблемы более важны для решения? Наподобие сходного вопроса относительно конкурирующих стандартов, этот вопрос о ценностях может получить ответ только на основе критерия, который лежит всецело вне сферы нормальной науки, и именно это обращение к внешним критериям с большой очевидностью делает обсуждение парадигм революционным. Однако на карту ставится даже нечто более фундаментальное, чем стандарты и оценки. До сих пор я рассматривал только вопрос о существенном значении парадигм для науки. Сейчас я намереваюсь выявить смысл, в котором они оказываются точно так же существенными для самой природы.

*Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. Общая ред. и послесловие С.Р.Микулинского и Л.А.Марковой. М.: Прогресс, 1977 // http://krotov.info/lib_sec/11_k/kun/tomas_09.html

Вебер М. Наука как призвание и профессия. Извлечение*

«...В настоящее время отношение к научному производству как профессии обусловлено, прежде всего, тем, что наука вступила в такую стадию специализации, какой не знали прежде, и что это положение сохранится и впредь. Не только внешне, но и внутренне дело обстоит таким образом, что отдельный индивид может создать в области науки что-либо завершённое только при условии строжайшей специализации. Всякий раз, когда исследование вторгается в соседнюю область, как это порой у нас бывает, у социологов такое вторжение происходит постоянно, притом по необходимости, у исследователя возникает смиренное сознание, что его работа может разве что предложить специалисту полезные постановки вопроса, которые тому при его специальной точке зрения не так легко придут на ум, но что его собственное исследование неизбежно должно оставаться в высшей степени несовершенным. Только благодаря строгой специализации человеку, работающему в науке, может быть, один-единственный раз в жизни дано ощутить во всей полноте, что вот ему удалось нечто такое, что останется надолго. Действительно, завершённая и дельная работа в наши дни всегда специальная работа. И поэтому кто не способен однажды надеть себе, так сказать, шоры на глаза и проникнуться мыслью, что вся его судьба зависит от того, правильно ли он делает это вот предположение в этом месте рукописи, тот пусть не касается науки. Он никогда не испытает того, что называют увлечением наукой. Без странного упоения, вызывающего улыбку у всякого постороннего человека, без страсти и убежденности в том, что «должны были пройти тысячелетия, прежде чем появился ты, и другие тысячелетия молчаливо

ждут», удастся ли тебе твоя догадка, - без этого человек не имеет призвания к науке, и пусть он занимается чем-нибудь другим. Ибо для человека не имеет никакой цены то, что он не может делать со страстью. <...>

Наконец, вы можете спросить: если все это так, то что же собственно позитивного дает наука для практической и личной «жизни»? И тем самым мы снова стоим перед проблемой «призвания» В науке. Во-первых, наука, прежде всего, разрабатывает, конечно, технику овладения жизнью - как внешними вещами, так и поступками людей - путем расчета. Однако это на уровне торговли овощами, скажете вы. Я целиком с вами согласен.

Во-вторых, наука разрабатывает методы мышления, рабочие инструменты и вырабатывает навыки обращения с ними, чего обычно не делает торговка овощами. Но на этом дело науки, к счастью, еще не кончается; мы в состоянии содействовать вам в чем-то третьем, а именно в обретении ясности. Разумеется, при условии, что она есть у нас самих. Насколько это так, мы можем вам пояснить. По отношению к проблеме ценности, о которой каждый раз идет речь, можно занять практически разные позиции - для простоты Я предлагаю вам взять в качестве примера социальные явления. Если занимают определенную позицию, то в соответствии с опытом науки следует применить соответствующие средства, чтобы практически провести в жизнь данную позицию. Эти средства, возможно, уже сами по себе таковы, что вы считаете необходимым их отвергнуть. В таком случае нужно выбирать между целью и неизбежными средствами ее достижения. «Освящает» цель эти средства или нет? Учитель должен показать вам необходимость такого выбора. Большого он не может - пока остается учителем, а не становится демагогом. Он может вам, конечно, сказать: если вы хотите достигнуть такой-то цели, то вы должны принять также и соответствующие следствия, которые, как показывает опыт, влечет за собой деятельность по достижению намеченной вами цели.

Все эти проблемы могут возникнуть и у каждого техника, ведь он тоже часто должен выбирать по принципу меньшего зла или относительно лучшего варианта. Для него важно, чтобы было дано одно главное - цель. Но именно она, поскольку речь идет о действительно «последних» проблемах, нам не дана. И тем самым мы подошли к последнему акту, который наука как таковая должна осуществить ради достижения ясности, и одновременно мы подошли к границам самой науки. Мы можем и должны вам сказать: такие-то практические установки с внутренней последовательностью и, следовательно, честностью можно вывести - В соответствии с их духом - из такой-то последней мировоззренческой позиции (может быть, из одной, может быть, из разных), а из других - нельзя.

Если вы выбираете эту установку, то вы служите, образно говоря, одному Богу оскорбляете всех остальных богов. Ибо если вы остаетесь верными себе, то вы неизбежно приходите к определенным последним внутренним следствиям. Это можно сделать, по крайней мере, в принципе. Выявить связь последних установок с их следствиями - задача философии как социальной дисциплины и как философской базы отдельных наук. Мы можем, если понимаем свое дело (что здесь должно предполагаться), заставить индивида или, по крайней мере, помочь ему дать себе отчет в конечном смысле собственной деятельности. Такая задача мне представляется отнюдь не маловажной, даже для чисто личной жизни. <...>

Сегодня наука есть профессия, осуществляемая как специальная дисциплина и служащая делу самосознания и познания фактических связей, а вовсе не милостивый дар провидцев и пророков, приносящий спасение и откровение, и не составная часть размышления мудрецов и философов о смысле мира. Это, несомненно, неизбежная данность в нашей исторической ситуации, из которой мы не можем выйти, пока остаемся верными самим себе...»

*Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990, С.707-735

Захаров В.Е. Наука в России и в современном мире*

Зачем нужна фундаментальная наука?

Луи Пастер сказал: «Наука должна быть самым возвышенным воплощением Отечества, ибо из всех народов первым всегда будет тот, кто опередит другие в области мысли и умственной деятельности». Эти замечательные слова цитируются в Послании президента Д. А. Медведева от 12 ноября 2009 года. Однако одновременное снижение на 11,8% бюджета Российской Академии наук, одобренное и Думой, и Федеральным собранием, находится в резком противоречии с этими словами. Наша политическая элита сочла расходы на науку ненужными и бесполезными, признав тем самым, что опережать другие народы «в области мысли и умственной деятельности» Россия не намерена.

И это происходит в момент, когда российская наука находится в критически плохом состоянии — худшем, чем когда-либо за 285 лет своего существования.

Финансирование науки совершенно недостаточно, и отъезд научной молодежи за рубеж продолжается. Если он происходит меньшими темпами, то лишь потому, что самой научной молодежи стало меньше. Что касается финансирования, то здесь уместно привести некоторые цифры.

Бюджет Академии наук, со всеми ее двумястами научно-исследовательскими институтами и центрами, архивами и библиотеками, составляет один миллиард долларов в год. Научных сотрудников, состоящих в академических институтах, — пятьдесят пять тысяч, а общее число людей, финансируемых из бюджета Академии, более ста тысяч.

Один миллиард в год — это бюджет хорошего американского университета. Лишь часть этой суммы (от 1/5 до 1/3) покрывается за счет платы студентов за обучение и грантов, добываемых профессорами, остальная часть бюджета — средства штата, в котором находится университет (если университет государственный), или доходы от благотворительного фонда (если университет частный). В университете около трех тысяч преподавателей — профессоров трех уровней и лекторов. А таких университетов в США — более сотни).

Недофинансирование российской науки — факт просто вопиющий. Стипендия аспиранта в институтах Академии наук около 2000 рублей в месяц. А каково отношение к этому общественного мнения?

Некоторые утверждают, что уехали неудачники, не сумевшие найти достойного места на родине. Это утверждение заведомо ложно. Многие сделали отличную карьеру и в России — стали профессорами, академиками, руководителями институтов и лабораторий.

Они не стали богатыми людьми, если это имеется в виду под достойным местом на родине, напротив, унижительно низкие зарплаты вынудили их уехать туда, где ценятся талант и квалификация ученого.

В 2012 г. ситуация несколько изменилась. По данным Газета.ру, на 2012, 2013, 2014 годы общее финансирование науки планируется на таком уровне: 323, 327, 283 млрд рублей. В терминах доли ВВП финансирование науки будет неуклонно сокращаться: 0,55%, 0,51%, 0,39%.

Почти половина этой суммы (в 2012 году это 149 млрд рублей) выделена Роскосмосу и Минпромторгу, то есть не «фундаментальной» науке, и еще 12 млрд рублей выделяется Росатому.

Из оставшихся 162 млрд рублей 43 млрд рублей отходят Минобрнауке, а еще 59 млрд рублей (около 2 млрд долларов) — РАН со всеми ее отделениями.

Важнейшая функция фундаментальной науки в том и состоит, что она закладывает основы технологий будущего. Их нелегко предвидеть. Ни Герц, ни Мендель, делая свои опыты, не могли представить себе телевидение и генную инженерию.

Следует задуматься о том, как сильно и необратимо наука меняет мир, как быстро происходит то, что мы называем прогрессом. Люди имеют обыкновение воспринимать прогресс как должное и не задавать себе вопроса: почему он, собственно, происходит? Мы включаем свет, забывая, что использование электричества основано на

великих работах Фарадея. Мы смотрим телевизор, забывая, что иконоскоп придумал Владимир Зворыкин. Мы щелкаем цифровой камерой, не думая о китайце Куэне Као. Мы глотаем лекарства, продлевающие нам жизнь, не думая об их создателях. Мы закачиваем в наши бензобаки бензин, не думая о том, кем и как были разведаны месторождения нефти. А ведь за каждой из этих привычных вещей стоит имя, и это имя ученого. Сегодня идут баталии, делят крупнейшее подводное Штокмановское месторождение газа. А почему оно так называется? Потому что оно было открыто с борта исследовательского судна «Профессор Штокман», названного в честь нашего выдающего океанолога Владимира Борисовича Штокмана.

Следующая важнейшая функция науки — образовательная. Участие ученых, занятых фундаментальными исследованиями, в образовательном процессе дает возможность воспитывать действительно высококлассных специалистов. Оно дает студентам возможность вдохнуть аромат научного творчества. Лишь немногие из них станут профессиональными учеными, зато частные и государственные компании, занятые производством новых технологий, получают молодых и ценных сотрудников, способных совершать «инновационные прорывы».

Еще одна важнейшая функция науки — экспертная. Ученый не может добиться успеха, если он не подвергает постоянно сомнению то, что он делает. Ученые представляют собой наиболее трезво и критически мыслящую часть общества.

Для спасения российской науки не надо изобретать велосипед: ей следует вернуть тот статус, который она имела в советское время и продолжает иметь в мире. Ученые должны принадлежать к верхушке среднего класса, а труд научного работника быть уважаемым и социально престижным. Ученым должны быть созданы необходимые условия для работы, лаборатории оснащены современным оборудованием. Поддерживать необходимо все направления научного поиска в равной мере — наука представляет собой единый организм, и заботиться нужно о его здоровье в целом. Попытка разделить ученых на полезных, чья деятельность приносит немедленную выгоду, и бесполезных игнорирует огромный мировой опыт.

«Полезных» можно дополнительно стимулировать грантами: эта стратегия возникла как результат естественной эволюции западной культуры. Сообщество ученых должно быть самоуправляемым, а административное вмешательство государства минимальным. Оно должно осуществляться через дополнительные фонды, финансирующие приоритетные направления.

Да, на это нужны немалые средства. В 2010 году Соединенные Штаты вкладывают в научные исследования более 3% ВВП, Китай — более 2%. Для сравнения — бюджет Академии наук составляет менее 0,3% нашего, несравнимого с американским, ВВП.

Следствием упадка науки и образования в России будет полное падение международного престижа страны. Никакими олимпийскими играми восстановить его будет невозможно. Когда-то Маргарет Тэтчер назвала нашу страну Верхней Вольтой с ракетами. Это было неточно. Мы были Верхней Вольтой — с ракетами и Нобелевскими лауреатами. И когда мы все прогуляем, отношение к нам будет хуже, чем к Верхней Вольте, где ни ракет, ни Нобелевских премий никогда не было. К нам будут относиться, как к незадачливому купчику, который разбазарил отцовское состояние. Таких людей не любят на протестантском Западе, а в Китае над ними просто смеются. Мы превратимся в страну-изгоя, и в случае любого дипломатического или военного конфликта весь мир встанет на сторону, противную нам.

Заключая этот мрачный прогноз, приходим к неизбежному выводу: от судьбы российской науки зависит судьба России. Потеряв науку, Россия перестанет быть независимым государством, сохраняющим контроль над своей территорией и своими природными богатствами. Это обстоятельство следует положить в основу стратегии будущего развития страны.

Если оставить в стороне такие «мелочи», как коррупция, для этого потребуется преодолеть сопротивление чиновников, желающих руководить наукой и делить научное знание на полезное и бесполезное. Наука никому ничего не должна. Наука существует для того, чтобы быть наукой. Как сказала американская писательница Гертруда Стайн: «Роза — это роза, это — роза». Дайте этой розе расцвести, и остальное все приложится.

Наука будет производить знания, промышленность будет их использовать. Но роза — это нежное растение. Ее нужно поливать, подкармливать, охранять от града и заморозков.

Наука тоже нуждается в уходе. Собственно, необходимы два главных условия: полное уважение к научному знанию и профессии ученого и адекватное финансирование.

*Захаров В.Е. Наука в России и в современном мире // <http://magazines.russ.ru/continent/2010/143/za12.html>

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

В этой главе представлены статьи, рассматривающие проблемы, стоящие перед современной наукой.

И. Савельева и А. Полетаев исследуют специализированные типы знания, в которых конструируется прошлая социальная реальность (религия, философия, идеология, искусство и общественные науки), рассматривают разнообразные концепции, течения, школы и даже дисциплины, характеризующиеся наличием разных научных содержательных уровней.

В. Любарский изучает критерии научности, ее типы.

Студентам необходимо внимательно прочесть статью В. Канке «Наука в поисках истины», чтобы четко представлять различия в подходах и отличать корреспондентскую концепцию истины от когерентной и прагматической концепций.

В статье С.А. Ермахановой рассматриваются пользующиеся в современном отечественном обществоведении наибольшей популярностью три социологические макротейории: формационная, цивилизационная и модернизационная. Особое внимание уделяется историографии, истории становления модернизационной парадигмы.

Исследование И.В. Побережникова «Теоретико-методологические проблемы модернизационного подхода» покажет все сложности изучения данной темы.

Студентам надо обратить внимание, что на современном этапе идет активная смена научных парадигм, в частности в исторической науке. Возникает необходимость междисциплинарного сотрудничества. Первыми об этом заговорили представители школы французской «Анналов».

Характерной чертой их исследовательской практики с самого начала стало применение не только специальных исторических концепций и методов, но и методологического инструментария других социальных и гуманитарных наук. Междисциплинарное сотрудничество ведет не к изменению целей исторического исследования, а к переориентации его интереса, фокуса, пересмотру вопроса о границах возможного и исследовательских процедур.

Савельева И., Полетаев А. Знание о прошлом: теория и история. Конструирование прошлого. Типы знания о прошлом*

Как уже отмечалось в предшествующих главах, иногда под «историей» понимают всю совокупность знаний о прошлом, однако мы считаем, что в современной культуре «историей» целесообразно обозначать только общественнонаучное знание о прошлой социальной реальности. В настоящее время этот тип знания играет доминирующую роль в общей совокупности представлений о прошлом, и именно он является основным объектом нашего исследования. Однако это не значит, что следует пренебрегать другими символическими универсумами, особенно когда речь идет о досовременных обществах, в которых, строго говоря, вообще не существовало общественных наук как самостоятельного типа знания. Более того, и в настоящее время вненаучные формы знания о прошлом занимают достаточно важное место в создании общей картины мира.

Линии демаркации разных видов знания ныне являются весьма расплывчатыми и довольно подвижными. Тем не менее отсутствие четких границ между разными символическими универсумами, присутствие элементов одного типа знания в дискурсах, считающихся принадлежащими к другому типу, не снимают проблемы различий между видами знания, в том числе и по функциям, которые они выполняют в обществе. С эвристической точки зрения, признание наличия разных типов знания, их специфичности и несводимости одного к другому дает гораздо более широкие возможности для понимания и объяснения социальной реальности, чем представления об аморфном и недифференцированном образе прошлого.

Специализированные типы знания, в которых конструируется прошлая социальная реальность (религия, философия, идеология, искусство и общественные науки), наряду с разнообразием концепций, течений, школ и даже дисциплин, характеризуются и наличием разных содержательных уровней. В каждом из типов знания можно выделить, как минимум, два среза — узкопрофессиональное «высокое» знание и «массовое», или «популярное», своего рода полупрофессиональное знание (хотя его носители и распространители во многих случаях являются профессионалами). Массовое знание (популярная религиозная, философская, научная литература, так же как и массовое искусство) связано с «высоким» знанием, но отнюдь не тождественно ему.

Основываясь на посылке о знании как форме конструирования реальности, попытаемся в какой-то мере прояснить вопрос о различиях в объектах, способах и результатах конструирования прошлого в разных типах знания.

1. Вненаучное знание

В соответствии с задачами нашего исследования мы рассматриваем в первую очередь те типы знания, в рамках которых активно конструируется прошлая социальная реальность, концентрируя внимание в основном на «высоком» специализированном знании. Общественнонаучное знание мы разберем более детально в следующем параграфе, а здесь коротко охарактеризуем основные вненаучные формы знания о прошлом: религиозное, философское, идеологическое и эстетическое (подробнее см. т. 2). Но прежде чем перейти к рассмотрению специализированных символических универсумов, необходимо хотя бы коротко остановиться на первичном, архаичном знании, которое часто также именуется мифологическим. Именно из этих исходных представлений выросли все гораздо более сложные специализированные виды знания.

а) Архаичное знание

Архаичное знание привлекает внимание исследователей не только как общая праоснова современных представлений о мире. Многие компоненты или характеристики архаичных представлений сохраняются по сей день и постоянно проявляются в современном знании. Иногда они именуется архетипами, но в силу неоднозначности данного термина мы предпочитаем называть их архаичными представлениями о мире.

Как отмечалось в гл. 3, важную роль в формировании представлений об архаичной системе знаний в последней трети XIX в. сыграли работы английских

этнологов (Э. Тайлора, Э. Лэнга), а в начале XX в. эту проблему начали активно разрабатывать французские исследователи (Э. Дюркгейм, М. Мосс, А. Юбер, А. ван Геннеп). В 1920—1930-е годы благодаря работам Ф. Боаса, Л. Леви-Брюля, Б. Малиновского, А. Рэдклифф-Брауна, А. Кребера и других по сути формируется новая дисциплина — культурная, или социальная, антропология, одним из основных объектов которой становятся именно представления о мире, существующие у примитивных племен. В дальнейшем этнографический подход был генерализован в соответствии с идеей эволюции человеческого общества и культуры, что позволяет, хотя и с некоторой долей условности, говорить о простейших представлениях о мире как об архаичных.

Как полагает большинство исследователей, главной отличительной чертой архаичной картины мира является ее недифференцированность. Следствием этой недифференцированности «...явилось наивное очеловечивание всей природы, всеобщая персонификация, „метафорическое“ сопоставление природных, социальных и культурных объектов. На природные объекты переносились человеческие свойства, им приписывалась одушевленность, разумность, человеческие чувства, часто и внешняя антропоморфность, и, наоборот, мифологическим предкам могли быть присвоены черты природных объектов, особенно животных» (Мелетинский 1990: 634).

Особую роль в архаичном знании играли мифологические (трансцендентные) компоненты, и именно они в первую очередь привлекали внимание исследователей так называемых примитивных культур в конце XIX—начале XX в. (поэтому все архаичное знание часто именуется мифологическим). Мифология может трактоваться как прообраз специализированного религиозного знания: в этом качестве она рассматривалась, например, в работах Э. Дюркгейма и фигурирует в современном религиоведении. Но в архаичных культурах миф не был отделен от всех других знаний о мире, а органично вплетался в них и одновременно служил своего рода соединительной тканью. Так, по мнению Б. Малиновского, миф примиряет различные аспекты архаичного мироощущения: он увязывает воедино слово и дело, настоящее и прошлое, предсказание будущего и ожидание его свершения, коллективное и индивидуальное. К. Леви-Строс определяет миф как логический инструмент для разрешения противоречий, для ликвидации или смягчения существующих разрывов в понимании бытия. Следуя П. Бергеру и Т. Лукману, можно сказать, что для наших целей «...будет достаточно определить мифологию как концепцию реальности, которая полагает непрерывное проникновение священных сил в мир повседневного опыта. Подобная концепция, естественно, предполагает непрерывную последовательность между социальным и космическим порядками, равно как и между соответствующими их легитимациями; вся реальность выступает как сотканная из единой ткани» (Бергер, Лукман 1995 [1966]: 180—181).

К числу других важных характеристик архаичного типа знания относится его предметность — мир мыслится в виде предметных (вещных) образов, что удивительным образом сочетается со сквозной мифологичностью мышления и всепроникающим присутствием «духов». По мере возникновения абстрактных понятий они «опредмечиваются» или «овеществляются» (реифицируются), порождая архаичный символизм, который, в частности, необычайно расцвел в позднем Средневековье. Одновременно практически отсутствует различие между предметом и знаком или символом. Наконец, в архаичных культурах закладывается традиция объяснения «непонятного» через «понятное», прежде всего путем уподобления. Например, уже в архаичных культурах начали уподоблять время реке, стреле, человеку и т. д., задав не только словесные клише, но и представления о том, что время течет, летит, идет или что по времени можно двигаться (плыть, идти).

В XX в. много внимания уделяется роли архаичного (мифологического) знания в современной культуре. Однако систематической разработке этой темы препятствуют, как ни странно, разноплановость подходов и традиционная понятийная нечеткость. Очень часто под архаичным знанием понимается лишь один из его компонентов — например,

антропоморфность картины мира, предметность, мифологичность и т. д. Особенно не повезло термину «мифы», который используется не только в разных смыслах, но и в разных значениях — от синонима религиозного знания до обозначения «неправильного» знания (не знания). Поэтому зачастую совершенно невозможно понять, что означают те или иные размышления о «мифах».

Нас главным образом интересуют архаичные представления о прошлой социальной реальности и их проявления в современной культуре. Как отмечалось в гл. 4, уже в архаичных культурах возникает понятие прошлого как некоего времени, отличного от настоящего, и тогда же возникает традиция насыщения прошлого мифологическими элементами. Степень мифологизации «прошлого» в некотором смысле превосходит степень мифологизации настоящего или примыкающего к нему «актуального прошлого». Проще говоря, наполненность прошлого трансцендентными компонентами возрастает по мере удаления от настоящего (это же, заметим, относилось и к будущему).

Во втором томе мы обратимся к более подробному анализу мифологического знания в современном обществе и прежде всего тех компонентов архаичных представлений, которые имеют непосредственное отношение к конструированию прошлой социальной реальности (об этом см. т. 2). Здесь же отметим лишь, что наиболее очевидным примером, демонстрирующим заимствования из архаичного знания о прошлом, является религия. Как хорошо известно, существенная часть представлений о прошлом в высших формах религии (моно- и политеистических) восходит к архаичным мифам и наследует им.

Если религия использовала собственно трансцендентный компонент, то в других типах знания, скорее, можно констатировать сохранение архаичных *принципов* построения картины прошлого. Например, в историософии (философском знании о прошлом) архаичная предметная символика активно используется для выражения философских представлений об «историческом процессе» — работы по философии истории пестрят 'корнями', 'истоками', 'путями', 'перекрестками', 'тупиками', 'ступенями' и т. д.

Особенно важную роль играют архаичные способы конструирования прошлой реальности в идеологии. Достаточно напомнить мифы о первопредках и мифических героях, которые, как известно, наделяются не столько сакральными, сколько сказочными характеристиками (о различии между сказочностью и сакральностью мы упоминали в гл. 1). Эти два типических элемента архаичного знания по сей день выступают в качестве прототипов при формировании образа прошлого (прошлого данной нации и ее исторических деятелей). Примеров тому достаточно много в современной истории: например, «первопредческий» мотив отчетливо проступает в рассказах об «арийцах», «Великой Албании», «Великой Алании» и т.д. Точно так же признаки мифологической героизации наглядно проявляются в описаниях деяний «великих» исторических личностей, особенно политических деятелей (для современной России — прежде всего Петра I, Ленина и Сталина). В идеологии также активно используются и традиционная архаичная символика — «кровь и почва», «народный дух», «евразийские корни» и т. д.

б) Религия

Религиозное знание — это знание о трансцендентной реальности, или знание, основанное на представлении о существовании трансцендентной реальности. Следуя Канту, мы используем термин «трансцендентный» для обозначения «потустороннего» — того, что лежит за границами сознания и познания или за пределами мира. Условно религиозное знание можно разделить на три вида: политеистические религии (иногда также именуемые «мифологиями»); монотеистические религии (иудаизм, христианство, ислам и буддизм); невероисповедные формы религии (окультизм, мистицизм и проч.). Поскольку в центре нашего внимания находится европейская культура, мы сосредоточимся прежде всего на христианском монотеистическом религиозном знании.

Как отмечалось в гл. 3, впервые тезис о том, что религия представляет собой особый вид знания, был выдвинут в XIII в. Альбертом Великим и затем поддержан Фомой

Аквинским, Роджером Бэконом, Сигером Брабантским и другими «аристотелианцами». В Новое время тематизация религии как отдельной формы знания развивалась крайне неровно. Прежде всего это относится к христианской теологии как теоретическому и концептуальному ядру христианского религиозного знания.

В раннее Новое время теология «по наследству» от Средневековья сохраняла статус «абсолютного» или «доминирующего» («суперлативного») знания по отношению к науке и философии. Затем, по мере повышения авторитета естественных наук, постепенной секуляризации общества и распространения атеистических представлений, христианская теология и религия в целом начали трактоваться преимущественно как «вера» и по сути были лишены статуса знания. Но постепенно антиклерикализм XVIII в., породивший атеизм XIX—начала XX в., в рамках которого вера выступала как антипод знания, в XX в. стал сменяться новым отношением к религии как к существенному элементу культуры. «Культурологический» подход к религии, который формировался по крайней мере со времен Э. Дюркгейма и утвердился во второй половине XX в., стимулировал попытки вернуть ее в пространство знания. Подчеркнем, что религия не тождественна божественной (трансцендентной, или «высшей», по терминологии Парсонса) реальности — первая является формой знания о второй. Но при этом именно в рамках религиозных представлений собственно и постулируется существование божественной реальности, и в этом смысле она неотделима от религии.

«Религиозное отношение в своей целостности есть и познавательное отношение. Ведь каждый момент и аспект этого отношения, т. е. отношения к божественной реальности, включает в себя и определенное знание об этой реальности, а также связанное с этим знанием знание человека о мире и о самом себе...» (Кимелев 1998: 33).

Существенные разногласия вызывает вопрос о соотношении религии и мифов. С социологической точки зрения, это различие было концептуализировано Бергером и Лукманом следующим образом:

«Для наших нынешних целей достаточно отличия теологического мышления от его мифологического предшественника просто по большей степени теоретической систематизации... Хотя теология по религиозному содержанию своих определений реальности стоит ближе к мифологии, по своему социальному местоположению она приближается к более поздним секуляризованным концептуализациям. В отличие от мифологии, три остальные исторически детерминированные формы концептуализации (религия, философия, наука) переходят в ведение элит специалистов, системы знания которых все дальше удаляются от обыденного знания общества в целом» (Бергер, Лукман 1995 [1966]: 182—183).

Таким образом, если говорить о демаркации религии от других типов знания, то основное отличие религиозного знания в настоящее время определяется его предметом — божественной (трансцендентной) реальностью. С точки зрения метода, религия как априорное знание практически не дифференцируется от многих других типов знания — философии, этики, идеологии и т. д. Более того, как отмечалось в гл. 3, в современных исследованиях по философии науки и религии наглядно показано, что по степени априорности религия мало чем отличается даже от естествознания.

К религиозному знанию следует также отнести разные виды оккультизма, понимаемого в широком смысле как знание о таинственных, сверхъестественных, магических силах, существующих и действующих в мире. Роль оккультизма в системе знания также существенно менялась на протяжении последних пятисот лет. Хорошо известно, что в эпоху Ренессанса и раннего Нового времени разные формы оккультизма (каббала, герметизм, астрология, алхимия, а также магия) играли огромную роль в формировании научного знания. Более того, именно оккультизм способствовал отделению науки от христианской теологии, выступая мировоззренческой основой для формирования естественнонаучного подхода, и многие ученые XV—XVII вв. отдали ему дань.

Постепенно, как и в случае с христианской религией, роль оккультного знания в системе культуры стала уменьшаться, хотя никогда не исчезала полностью. А на исходе XIX в., в призрачной атмосфере *fin de siècle*, популярность оккультизма снова заметно выросла и сохранялась на протяжении всего прошлого столетия. При этом к традиционным видам оккультизма постоянно добавляются новые — космические пришельцы, парапсихология, экзотические культы (вудизм и проч.). Этот тип знания не только поддерживается довольно многочисленными экспертами (носителями оккультного знания) и группами их непосредственных приверженцев, но и оказывает определенное влияние на массовое сознание.

В целом роль религиозного знания в системе представлений о прошлой социальной реальности, естественно, сильно варьировалась как во времени, так и в культурном пространстве. Кроме того, говоря о высших религиях (монотеистических, дуалистических и некоторой части политеистических), следует различать две части религиозного знания: по терминологии, принятой в христианстве, речь идет о священной (сакральной) истории и церковной истории. Конкретные способы конструирования прошлой социальной реальности в рамках религиозного знания мы рассмотрим более подробно во втором томе нашей работы; здесь же остановимся на некоторых ключевых моментах.

Общей особенностью религиозного знания о прошлом можно считать крайне неравномерное «покрытие» исторического времени. Религиозное знание, сформировавшееся в дифференцированных обществах, унаследовало некоторые архаичные (мифологические) традиции, в соответствии с которыми сакральный компонент проявлялся наиболее отчетливо в формировании представлений об отдаленном прошлом — времени первотворения, первопредков и т. д. Эта традиция сохраняется и поддерживается во всех типах религии — как поли- так и монотеистических, где начальный момент истории, в том числе истории человека, полностью связывается с действием трансцендентных сил.

Помимо времени творения, любое религиозное знание выделяет некоторые ключевые моменты человеческой истории. В более архаичных или традиционных религиозных системах речь идет прежде всего о природных катаклизмах, обрушивавшихся на человечество (всемирный потоп, мировой пожар и т. д.). К этому добавляются более поздние «исторические» кульминационные события, во время которых также проявляется воздействие трансцендентных сил на социальную реальность.

Большинство этих событий связано с отдельными личностями, прообразом которых выступали так называемые культурные герои. В иудаизме, христианстве и исламе такие эпизоды связаны прежде всего с идеей Откровения, прямого контакта Бога с конкретным человеком (Авраам, Моисей, Мухаммед). Постепенно количество таких событий множится, и они теряют роль «узловых моментов» истории человечества, как это происходит в случае с бесчисленными христианскими житиями святых.

Наконец, к числу ключевых трансцендентных пунктов прошлого относятся эпизоды сошествия Бога (богов) на Землю, его воплощения или земного рождения. Такого рода представления существуют и в примитивных религиозных системах, но, например, в манихействе, буддизме и христианстве они становятся кульминационными пунктами истории. В некотором смысле эти события соотносятся с предыдущими, так как ориентированы на время возникновения той или иной религии и идею Божественного откровения (открытия людям нового знания).

Стремление к конструированию ключевых эпизодов человеческой истории характерно и для многих невероисповедных форм религиозного знания. В современном паранаучном знании в качестве распространенного кульминационного события выступает появление в прошлом на Земле космических пришельцев и передача ими знания землянам. А, скажем, в оккультизме одним из таких ключевых пунктов является сочинение Гермесом Трисмегистом своего труда. В этой связи интересно отметить, что

началом заката оккультизма раннего Нового времени стала научная датировка «Герметического корпуса». Удар по оккультизму, который долго являлся союзником научного знания, был нанесен как раз со стороны наук — филологии и истории.

В 1614 г. швейцарский филолог и теолог-кальвинист Исаак Казобон опубликовал трактат «De rebus sacris et ecclesiasticis exercitationes...», в котором и доказывалось, что главное собрание оккультных текстов — так называемый «Герметический корпус», авторство которого приписывалось египетскому священнику Гермесу Трисмегисту, считавшемуся современником Моисея, было написано не ранее I в. н. э. Позднее было установлено, что тексты, входящие в «Герметический корпус», датируются II—III вв. н. э. Лишение герметизма ореола древности подорвало и интерес к этому учению.

Наряду с ориентацией на кульминационные моменты истории, естественно, всегда существовали и по-прежнему сохраняются представления о постоянном вмешательстве трансцендентных сил в социальную реальность. Восходящие ко временам архаики, они постепенно ослабевают по мере развития и специализации религиозного знания, присутствуя в качестве фона на уровне массового сознания.

Если говорить о христианской религии, то в настоящее время она продолжает играть важную роль в содержании представлений о двух ключевых событиях прошлого — Сотворении мира (вселенной) и Воплощении Христа. Если первый момент связан с прошлой *природной* реальностью и не представляет для нас интереса, то второй имеет уже непосредственное отношение к реальности *социальной*. Достаточно вспомнить, что во всех европейских странах летосчисление ведется от Рождества Христова. В исламе ключевым этапом истории является период жизни Мухаммеда, и летосчисление ведется от момента его бегства из Мекки в Медину (правда, в иудаизме летосчисление ведется от Сотворения мира, а не от Авраама или Моисея).

Немаловажную роль в формировании представлений о прошлом играет и более конкретное религиозное знание — то, что в христианстве называется церковной историей (историей Церкви) в отличие от Священной истории, зафиксированной в Священном Писании. События церковной истории, связанные с конкретными личностями или институциональными изменениями, находятся в поле зрения исторической науки (история Соборов, папства, крестовых походов, Реформации и т. д.). Если говорить об историческом (научном) знании, то оно активно опирается (естественно, после существенной переработки) на большие «куски» конкретного знания о прошлом, разработанные в рамках религиозного знания. В свою очередь, церковная история (и соответствующее знание в других религиях) ныне широко использует фактологическую основу научных (исторических) сочинений, давая им в некоторых случаях специфическую религиозную интерпретацию.

Влияние религиозного знания о прошлом очень заметно в искусстве, в частности в изобразительных видах искусства (живопись и скульптура) и в музыке. Речь, правда, идет не столько о современном, сколько о «классическом» искусстве, где веками присутствовали мифологические и библейские сюжеты. Но поскольку «классические» произведения изобразительного искусства входят в активную часть системы культуры, через них религиозное знание продолжает оказывать заметное влияние на формирование массовых представлений о прошлом.

в) Философия

Со времен античности философия выступала в качестве одного из наиболее общих типов знания, охватывая едва ли не все мыслимые явления. В самом деле, философской рефлексии подвергаются как все три типа реальностей (божественная, природная и социальная), так и все подсистемы социальной реальности — культуры, личности и общества. В целом философское знание остается, как и во времена античности, прежде всего знанием априорным, «сущностным», а не конкретным. Тем не менее, в целом система философского знания ныне довольно сильно дифференцирована.

С одной стороны, неоднородность философии определяется индивидуализированным характером этого вида знания, что резко отличает его от науки и сближает с искусством. Не существует никакого стандарта или общепринятого канона, есть лишь взгляды отдельных философов, что отражено в учебниках по философии, которые, по сути представляют собой историю философской мысли. Это не отрицает наличия философских школ и направлений, в рамках которых группы философов разделяют некоторые общие положения, но при этом философское знание по-прежнему является глубоко индивидуализированным.

С другой стороны, в философию явно проникла такая характеристика современного знания, как специализация. Как и в науке, где уже давно нет «просто ученых», а есть специалисты в той или иной конкретной области, больше не существует «философов вообще». Специализация философского знания проходит по объектам анализа — божественной реальности (философия религии как философская теология), природной реальности (философия природы) и социальной реальности. В последнем случае философское знание также довольно отчетливо делится по трем выделяемым нами подсистемам: система культуры, система личности и социальная система. Достаточно разнообразны, особенно в XX в., и формы философской рефлексии: от сугубо умозрительных и априорных (метафизических) до полуэмпирических, сближающих философские методы выработки знания с научными.

Попытки демаркации философии от других видов знания впервые предпринимаются, как отмечалось выше, в XIII в., когда возникла необходимость разделения философии/науки и теологии (религиозного знания). В Новое время, в связи с ростом статуса научного знания (прежде всего естественнонаучного), появилась потребность в осмыслении различий между философией и наукой. Параллельно с этим, по крайней мере с середины XVIII в., возникает стремление к сциентизации философии, приближению ее к научному знанию.

Как нам представляется, попытки четкой демаркации всей философии от других видов знания до сих пор оказывались не слишком успешными. Это объясняется, в частности, отмеченной выше специализацией философии и соответствующей ее сегментацией. В результате разные компоненты философского корпуса по-разному демаркируются относительно иных типов знания. Столь же безуспешными, на наш взгляд, являются и попытки приравнять философию к научному знанию. Действительно, часть современных философских исследований весьма сблизилась с наукой, и разделять их становится все труднее. В то же время другие направления философии тесно примыкают и едва ли не сливаются с нефилософскими вненаучными типами знания — религией, моралью, искусством и т. д.

Тем не менее, несмотря на всю свою разнородность, философия продолжает существовать как самостоятельный и весьма значимый для европейской культуры тип знания, что подчеркнул, в частности, известный американский философ Х. Патнем в интервью, данном Дж. Боррадори.

«Боррадори: Вы утверждаете, что философия — это не искусство и не наука, а некая третья модальность.

Патнем: Философия столь же фундаментальна, как искусство и наука. В течение долгого времени она была поглощена религией. Сегодня Деррида, с одной стороны, а аналитические философы — с другой, стараются уподобить эту уникальную модальность либо искусству, либо науке. Аналитические философы в основном видят в философии науку, только менее развитую, менее ясную и более молодую, тогда как Деррида главным образом видит в философии литературу, искусство. Думаю, и то, и другое неверно. Философия не может стать ни чистой литературой, ни чистым доказательством» (Боррадори 1998 [1991]: 83).

Говоря о роли философского знания в конструировании прошлой социальной реальности, необходимо отметить, что, в принципе, философия в основной своей части

является атемпоральным типом знания: еще Аристотель сформулировал тезис о том, что предметом метафизики (точнее, первой, или теологической, философии) является то, что существует субстанциально и неподвижно в пространстве и времени. Конструирование прошлой социальной реальности занимает весьма скромное место в рамках самого философского знания и по сути ограничено лишь одной из философских дисциплин, которая определяется как историософия или субстанциальная философия истории. Однако в общей системе знаний о прошлой социальной реальности историософия в течение последних двух с половиной столетий играла весьма важную роль.

Возникновение историософии как самостоятельного философского направления обычно связывают с работой Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе наций» (1725 г.), но заметную роль этот вид знания стал играть лишь с конца XVIII в., начиная с работ А. Тюрго, Вольтера, Ж. Кондорсе во Франции, И. Гердера и философов-романтиков в Германии. Существенное значение философское знание о прошлом сохраняло в XIX — XX вв.: от Г. Гегеля и К. Маркса до А. Тойнби, К. Ясперса и М. Фуко. Философия истории, схемы всемирной истории, социальный прогресс и регресс, циклы, осевое время — все это понятия, с помощью которых философы конструировали историю, т. е. прошлую социальную реальность. Конкретные направления и способы конструирования прошлой социальной реальности в рамках философии мы рассмотрим более подробно во втором томе нашей работы. Здесь же отметим некоторые наиболее важные характеристики историософских построений.

Во-первых, субстанциальная философия истории в существенной мере связана с религиозным знанием о темпоральной структуре социальной реальности, включая прошлое, настоящее и будущее, представляя собой более секуляризованную версию священной истории. По сути историософия в основной своей части пытается ответить на те же вопросы, что и религия: в чем смысл существования человечества и на какие этапы можно разделить его бытие. Этим определяется и наличие телеологических мотивов в большинстве историософских концепций, их сильная ориентация на будущее.

Во-вторых, субстанциальная философия истории в несколько большей степени, чем другие философские течения, использует эмпирический материал в качестве основы для рефлексий. Это направление изначально претендовало на некоторую сциентизированность, начиная с названия работы Вико и кончая поиском «научных законов» развития общества, что постоянно создавало и отчасти продолжает создавать демаркационные проблемы, более существенные, чем в отношении других философских направлений. Тем не менее к настоящему времени в целом можно говорить об историософии как относительно четко очерченном самостоятельном виде знания о прошлой социальной реальности, существенно отличающемся от общественно-научного знания.

Влияние философского знания на процесс познания прошлой социальной реальности сохраняется и поныне, но постепенно идет на убыль, о чем свидетельствует отсутствие принципиально новых глобальных историософских концепций в течение последнего полувека. Историософия в значительной мере трансформировалась в социальную философию, ориентированную на осмысление настоящего и будущего и лишь в малой степени интересующуюся прошлым. Но «классические» историософские схемы не утратили полностью своего влияния.

г) Идеология

Идеология, в отличие от рассмотренных ранее типов знания, — явление Нового времени. Сам термин ввел французский философ и экономист А.-Л.-К. Дестют де Треси в своей четырехтомной работе «Элементы идеологии» (1801 — 1815 гг.) для обозначения *учения об идеях*, устанавливающего твердые основы для политики, этики и т. д. Несмотря на свою короткую историю, понятие «идеология» употребляется в настолько различных смыслах, что можно вообще отчаяться по поводу нахождения сколько-нибудь строгого определения. Путаница начинается уже с самого слова, которое, как отметила Х. Арендт,

«... по-видимому, подразумевает, что идеи могут стать предметом науки, подобно тому как животные есть предмет зоологии, и что вторая часть — „логия“ в слове „идеология“, как и в слове „зоология“, указывает не на что иное, как на *logoi*, научные высказывания о своем предмете... (На самом деле) идеология есть то, что буквально выражает это название: она есть логика идеи, „идеологика“» (Арендт 1996 [1951/1966]: 608).

Поскольку термин «идеология» выступает как «идеологический» концепт, его осмысление неизбежно связано с внетеоретическими мотивами. Основные подходы к трактовке идеологии можно условно разделить на две интерпретации: широкую (идеология как совокупность «ложных взглядов», «неверно» отражающих «объективную реальность») и узкую (идеология как самостоятельная форма знания).

В расширительной трактовке проблема идеологии довольно долго разрабатывалась преимущественно в марксизме, что существенно влияло на базовые представления в этой области. Исходное определение идеологии было в общих чертах дано К. Марксом в предисловии «К критике политической экономии» и отражало установки середины XIX в., в соответствии с которыми наука как «внутренне объективное» знание противопоставлялась всему остальному. Поскольку термин «знание» был закреплен за наукой, Маркс предпочел называть вненаучные типы знания «формами общественного сознания» или «идеологическими формами».

В марксистской концепции идеологии можно выделить два ключевых пункта. Первый связан с традиционной для Нового времени теологической установкой на существование внеположенной, *предсущей реальности*, которая «отражается» в сознании людей. Поэтому идеология рассматривалась как одна из форм отражения объективной реальности, точнее, объективная реальность отражалась (среди прочего) в «идеологических формах». Второй исходный момент касался спецификации идеологии как особой формы отражения действительности. А именно, идеология определялась как «ложное», «неправильное», «смещенное», в общем — «необъективное» отражение объективной действительности, что отличало ее от других форм отражения. Тон задавала формула Маркса, определявшая идеологию как «ложное сознание». (Заметим, что ни Маркс, ни Энгельс не применяли термин «идеология» к собственной системе воззрений.)

Первоначально интерпретация идеологии как «ложного сознания» ограничивалась областью знаний о божественной и социальной реальности (религия, философия, мораль, общественные науки и т. д.). Однако уже Д. Лукач в работе «История и классовое сознание» (1923 г.), исходя из представления о тотальности, детерминирующей все части целого, распространил понятие идеологии как «необъективного отражения действительности» на естественные науки и соответствующую им природную реальность.

В неомарксизме слово «идеология» начинает использоваться для характеристики любых типов знания, когда хотят подчеркнуть их «необъективность». В 1920—1930-е годы этот подход четко прослеживается в работах А. Грамши и представителей Франкфуртской школы. Ту же линию продолжили многие неомарксисты во второй половине XX в. — достаточно упомянуть Л. Альтюссера («Идеология и идеологический аппарат государства», 1970 г.) или П. Фейерабенда («Против метода: очерк анархистской теории знания», 1975). Поскольку теория идеологии в значительной мере ассоциировалась с марксизмом, то упадок влияния марксизма в 1950-е годы (прежде всего в США) стал рассматриваться некоторыми авторами, вслед за Д. Беллом, как «Конец идеологии» (1960 г.). Однако не тут-то было.

С конца 1950-х годов в рамках неомарксизма (точнее, среди интеллектуалов, придерживающихся лево-анархистских взглядов) начинает формироваться «лингвистический» подход к определению идеологии. Одним из первых его попытался ввести Р. Барт («Мифологии», 1957 г.), а развитие он получил прежде всего в работах Ж. Деррида, Э. Лаклау и С. Жижека. По существу этот подход сохраняет понимание идеологии как опосредованного, непрямого отражения реальности, «неверного» или

«иллюзорного знания», но по другим основаниям. Акцент делается на трактовке идеологии как исключительно языкового феномена. Идеология интерпретируется как жестко структурированное языковое отражение (описание) реальности, фиксирующее определенные смысловые значения. А поскольку реальность изменчива, текуча и т. д., то описывающие ее жесткие языковые структуры (лингвистические и дискурсивные) заведомо неверны и борьба с существующими языковыми структурами, прежде всего путем производства и насаждения неструктурированных дискурсов, трактуется как необходимая борьба с идеологией.

Узкая трактовка понятия «идеология» как самостоятельного типа знания связана с работой К. Манхейма «Идеология и утопия» (1929 г.). В послевоенный период существенную роль в развитии этого подхода сыграла, в частности, работа Х. Арндт «Истоки тоталитаризма», первое издание которой появилось в 1951 г.

Идеологию как тип знания отличает явно выраженная привязка к интересам определенной социальной группы. Для своих приверженцев представители той или иной идеологии формируют коллективно признанную социальную реальность. Чтобы чувствовать себя в ней как дома, надо чувствовать себя демократом, пролетарием, патриотом и т. д. По определению Бергера и Лукмана, «когда частное определение реальности соединяется с конкретным властным интересом, его можно назвать идеологией». Идеологии существенно отличаются от религиозного знания тем, что они — *не одинаковые* для всего общества, и поэтому Бергер и Лукман обращают внимание на то, что понятием «идеология» не стоит пользоваться, когда речь идет о монополярной ситуации.

«Например, не слишком осмысленно говорить о христианстве как об идеологии в Средние века — несмотря на то, что оно имело явное политическое значение для правящих групп, — по той простой причине, что в христианском универсуме „жили“ все члены средневекового общества» (Бергер, Лукман 1995 [1966]: 201).

То обстоятельство, что идеология теснейшим образом соединена с властными интересами различных социальных групп, объясняет ее изначальную связь со сферой политики, политической жизни, политической борьбы, поскольку политическая власть является наиболее очевидной формой власти. Действительно, появление понятия «идеологии» совпало с формированием политических интересов разных классов общества и их самоидентификацией с помощью соответствующих идеологий. Поэтому, в частности, первое систематическое исследование идеологии как типа знания, выполненное К. Манхеймом, по сути ограничивало это понятие только «политическими идеологиями», задавая тем самым жесткую связь идеологий с политическими движениями или течениями. Этот подход является вполне правомерным, и он до сих пор разделяется многими исследователями.

Ему противостоит предложенное Х. Арндт определение идеологии как «всяческих „измов“», связанных с «властью идеи», т. е. с навязыванием какой-либо группой своего видения реальности всему обществу⁹. Большинство исследователей все же склоняется к некоторой компромиссной точке зрения, не ограничиваясь только политическими идеологиями, но и не включая в него абсолютно все «измы» (например, деизм, который Х. Арндт приводила в качестве примера идеологии).

Поскольку идеологии тесно связаны с интересами членов определенной группы, для *радикальных* идеологий характерно наличие представлений о превосходстве данной группы над другими. Яркими примерами являются расизм, феминизм, антисемитизм, шовинизм (как крайняя форма национализма), в которых идея превосходства одной группы над другой формируется по признаку расы (расизм, фашизм), национальности (шовинизм, антисемитизм), вероисповедания (тот же антисемитизм, исламский фундаментализм), пола (феминизм) и даже класса (марксистский социализм).

Идеологии играют особенно важную роль в формировании образа прошлого. Это объясняется не столько даже значимостью данного типа знания в современных обществах,

сколько местом, которое, как показали еще Манхейм и Арендт, формирование образа прошлого занимает в идеологиях. Траектория идеологических концепций социума прочерчена от прошлого через настоящее к будущему. В силу своей темпоральной конструкции идеологии не могут обойтись без собственных интерпретаций прошлого. Это касается и прошлого в целом (история государства), и истории отдельных социальных и этнических общностей, и трактовки конкретных ключевых событий (например, восстаний, революций и войн). Исторические интерпретации придают убедительность политическим решениям в настоящем и используются для обоснования проектов будущего.

«Движение истории и логический процесс развертывания этого понятия предполагаются соответствующими друг другу, так, что все происходящее случается согласно логике одной „идеи“» (Арендт 1996 [1951/1966]: 609).

Именно поэтому приверженцы различных идеологических систем уверены, что обладают «истинным» знанием о том, каким было прошлое (сохранять ли его и что из него сохранять). Облик прошлого задается ожидаемым будущим, различным в разных идеологиях. Будущее может быть либо радикально новым, перечеркивающим прошлое и настоящее, либо новым, продолжающим настоящее, либо новым, отказывающимся от настоящего, но возвращающим к прошлому.

«Тотальные притязания идеологий обещают объяснить весь ход исторических событий, включая полное объяснение прошлого, полное понимание настоящего, надежное предсказание будущего» (Арендт 1996 [1951/1966]: 611).

Ролью идеологии обусловлена партийность историографии Нового времени, которая отличала практически все исторические школы и долго полагалась неизбежным злом даже в научной (позитивистской) интерпретации. Ни одно политическое движение или идейно-политическое направление не обходилось и не обходится без «своей» (идеологизированной) истории: вигской, консервативной, лейбористской, марксистской, ревизионистской, феминистской и т. д. Оценочный подход к социальной реальности, интерпретация политических процессов и сил как движений, уничтожение и замалчивание прошлого с целью создания «правильной» картины социальной реальности, «политика исторической памяти» — все это приметы идеологического знания.

Укорененность идеологических систем в исторических исследованиях вовсе не исключает принадлежности последних к научному знанию. Но применительно ко многим историческим трудам идеология в каком-то смысле «первична», а наука — «вторична». Сколько бы фактов классовой борьбы ни привел квалифицированный историк, в основе классового подхода лежит идеологическая формула. Сколько бы точных замеров черепов ни произвел ученый, выступающий с позиций расового подхода, сам подход рожден в недрах идеологии.

Идеология играла заметную, а порой решающую, роль в становлении историографических направлений и даже в их обосновании. Между романтическим идеалом, возродившим интерес к Средневековью в начале XIX в., и новейшими историографическими школами, отказавшимися от структурного подхода, за которым их адептам виделись «идолы» модернизации, технологического прогресса и насаждения образцов американского образа жизни и массовой культуры, не трудно провести линию преемственности. Правда, новые направления в историографии достаточно редко можно ассоциировать с полноценной идеологией, скорее в них различимы «родовые» признаки идеологического знания о прошлом.

При этом если традиционные идеологизированные истории сегодня не в моде, хотя и создаются (особенно в молодых национальных государствах), то нетрадиционные — очень поддерживаются академическим сообществом, проявляющим политкорректность по отношению к новым «угнетенным» и обеспокоенность новыми проблемами (антиглобализм, мультикультурализм).

Идеологический критерий до сих пор используется при классификации историографии XIX в. В этом не стоит винить традицию: такие водоразделы

действительно очевидны в историческом знании. Но историографию последнего столетия, а тем более последних десятилетий, в современных западных историографических обзорах все-таки определяют по предмету или по научным школам. Не то в России. Даже недавно изданный вузовский учебник историографии новейшего времени по-прежнему составлен по принципу: период — страна — идейно-политическое направление.

д) Искусство

Надо сказать, что искусство как вид знания сравнительно мало анализировалось в философской и научной литературе, во всяком случае гораздо меньше других. Тем не менее эпистемологический подход к искусству имеет свои традиции. Прежде всего речь идет о немецких мыслителях конца XVIII—начала XIX в. (И. Винкельман, Ф. Шлегель, Ф. Шеллинг, И. Гете, Новалис и др.). Они рассматривали «эстетическое», интуитивно-художественное постижение «тайны бытия» как высший вид человеческого познания в противоположность более низкому рациональному научному познанию. Однако в глазах большинства эпистемологов XIX—XX вв. искусство занимало второстепенное место в общей системе знания: на первое место ставились наука и философия.

С социологической же точки зрения, искусство является одной из важнейших систем знания, не менее значимой, чем та же философия. Существенно при этом, что искусство представляет собой прежде всего элемент массового знания. Философия, наука, техническое знание, право, отчасти религия (по крайней мере теология как теоретический компонент религиозного знания) — в значительной мере эзотерические системы знания, предназначенные для профессионалов, экспертов в той или иной области. Искусство «принадлежит» всем членам общества, а не только создателям произведений искусства. И хотя в XX в. наблюдались попытки сделать искусство эзотеричным (начиная с лозунгов «искусство ради искусства» и кончая группами художников, музыкантов или писателей, которые создают свои произведения только для «внутригруппового потребления»), тем не менее подавляющая часть произведений искусства является экзотеричной, как по намерениям их создателей, так и *de facto*.

Анализ искусства как системы знания затрудняется разнообразием форм искусства, познавательные функции и характеристики которых весьма различны. Тем не менее при всех отличиях (в том числе терминологических) в подходах к искусству как системе знания представляется возможным выделить два компонента знания, обнаруживаемого в произведениях искусства (вербально-визуальных). Эти два вида знания мы обозначим как «пропозиционное» и «аксиологическое» (иногда также выделяется «эмоциональное» знание).

Пропозиционное, или фактуальное, знание есть знание о реальности, и в этом смысле оно корреспондирует с научным знанием (хотя формируется по иным принципам). Аксиологическое, или ценностное, знание — это знание об эстетических (и отчасти моральных) ценностях и нормах. Конечно, даже в вербально-визуальных произведениях искусства не обязательно присутствуют оба компонента, но в большинстве произведений есть хотя бы один из них.

Вербальные и визуальные виды искусства несут в себе существенный пропозиционный компонент, т. е. прямую информацию о мире. Эта информация охватывает все три вида реальности — божественную, природную и социальную. Пропозиционное знание в значительной мере формирует наше представление о том, как «выглядит» та или иная реальность. Например, практически исключительно благодаря живописи мы знаем, как выглядят Иисус Христос и Сатир, украинская ночь и девятый вал, как сватались военнослужащие и устраивали пикники на траве в XIX в., и многое, многое другое.

В искусстве как виде знания особенно выпукло и наглядно проявляется проблема реальности, которая в XX в. стала (наряду с проблемой сознания) едва ли не центральной проблемой европейской философии, а может быть, и культуры в целом. Как выяснилось, граница между «реальным» миром и «возможными», «вымышленными», «виртуальными»

мирами является абсолютно неопределенной в общем виде. В других видах знания (прежде всего в науке и религии) та или иная изображенная реальность признается действительностью (истиной) на основании ряда дополнительных критериев (в частности, процедур или правил конструирования реальности).

Конечно, в «производстве» произведений искусства также есть свои правила, однако они намного более свободны и изменчивы, чем, например, в науке. Поэтому семиотические реальности, конструируемые в искусстве, отличаются от других видов знания гораздо большим разнообразием, а грань между вымыслом и действительностью является весьма размытой. В любом литературном произведении, сколь бы фантазийными ни были ситуации, обстановка, характеры и действия, присутствует огромное количество элементов «действительной» реальности. В свою очередь, даже то, что внешне признается «потребителем» произведения искусства как вымысел, на самом деле активно формирует представления о действительности и тем самым становится ее частью в сознании этого «потребителя».

Если говорить о роли искусства в формировании представлений о прошлой социальной реальности, то эта тема остается очень мало исследованной, по крайней мере в целостном виде. Как правило, анализ ограничивается отдельными авторами (например, историческими взглядами Данте, Шекспира и т. д.) или даже отдельными произведениями искусства. Помимо разнообразия жанров искусства, при рассмотрении этой темы вызывает затруднения и присущая искусству склонность к «смещению времен», которая проявляется и на уровне восприятия художественных произведений. Во многих жанрах существуют собственно «исторические» произведения, посвященные прошлому (исторические пьесы, романы, оперы, кинофильмы, живопись). Но эти произведения сливаются с «современными» для соответствующего исторического периода художественными творениями. Строго говоря, никого кроме специалистов-литературоведов не интересует то обстоятельство, что Фенимор Купер и Лев Толстой писали исторические романы, а не были современниками описываемых ими событий.

В результате в конструировании прошлой реальности участвует множество произведений искусства, изначально не ориентированных на изображение собственно прошлого, — от «Медеи» до «Кубанских казаков». Большое значение здесь имеет «исторический контекст», степень и характер знакомства с которым может оказывать решающее влияние на представления о прошлом, «генерируемые» тем или иным произведением (например, Седьмой симфонией Шостаковича).

*Савельева И., Полетаев А. Знание о прошлом: теория и история. Конструирование прошлого // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/savel/05.php

Любарский В. Критерии научности и типы. Знания в исследовании*

Совокупное человеческое знание лежит как в области науки, так и вне её. В целях управления прогрессом необходимо с уверенностью определять свойства научной составляющей в совокупном знании. В то же время, нельзя недооценивать знание, лежащее за пределами науки. Какое знание следует считать научным? Критерии научности в мире современных исследований не согласованы. Количество авторских концепций, подчас противоположных друг другу, весьма велико. Поэтому для понимания признаков научности нужно исследовать те конструкты, которые наименее противоречивы.

В рамках этой установки в данной статье рассмотрены три атрибута научного знания. Оно должно быть: истинным; интерсубъективным; системным.

Истина и знание. Всякое знание – это знание о некотором предмете. Если знание соответствует своему предмету, оно истинно. Однако истинным может быть и знание вне науки. Оно существует в донаучных, обыденных и практических формах, а также в виде догадок, мнений. Истина и собственно знание – далеко не одно и то же. Об истине

говорят, когда знание соответствует действительности, содержание его достоверно вне зависимости от познающего субъекта и существует постольку, поскольку оно объективно. Собственно знание подразумевает многообразие форм признания истины. Они варьируют в зависимости от достаточности оснований такого признания и могут быть верой, мнением, обыденно-практическим знанием, выводами науки. Последние не только сообщают о том, что некоторое содержание истинно, но и обосновывают его истинность.

В качестве обоснований могут выступать: логическое заключение; экспериментальный результат; доказанная теорема и т.д. По этой причине достаточная обоснованность – обязательное и базовое требование к научному знанию, в отличие от вненаучного. Критерии научности выдвигают на место фундамента наук формулу принципа, трактующего о достаточном основании. Лейбниц, провозгласивший этот принцип, показал, что мысль, в доказательство её истинности, необходимо обосновывать иными мыслями, которые, в свою очередь, уже доказаны в их истинности.

Интерсубъективное знание. Научность требует от знания быть всеобщим для человечества, общеобязательным и общезначимым для любого человека. Для сравнения: мнение как вненаучное знание индивидуально и необщезначимо. Существует граница, разделяющая научное знание в его истинности и другие модификации знания. Вненаучные знания персонифицированы. Они удостоверяют истину без достаточных на то оснований, признавая это нормой. Истины науки признаются только в качестве объективных и достаточно обоснованных. Они являются универсальными и безличными. Интерсубъективность научного знания делает актуальной его воспроизводимость. Это означает, что у всех исследователей, изучавших один и тот же объект и поставивших это изучение в одни и те же условия, получится один и тот же результат.

Если же всякий (каждый, любой) познающий субъект не подтверждает инвариантность своего знания для всех познающих субъектов, оно не обнаруживает воспроизводимости и научным не является.

Системное знание. Системность организует и художественное, и обыденное, и научное знание. Однако системные критерии научности отличаются рядом особенностей. Они базируются на рассудочном знании, которое порождено связным рассуждением. Опора такого рассуждения – опытные данные. Спецификой рассудочного знания является строгая индуктивно-дедуктивная структура. Она придаёт знанию такую обоснованность, которая подтверждает, что оно истинно.

Научное и вненаучное знание: некоторые уточнения. Научные формы знания не отменяют, не упраздняют других форм, не делают их бесполезными. Разграничение рационально обоснованного научного и не обоснованного рассудком вненаучного знания должно вести к пониманию следующих важных обстоятельств. Вненаучное знание – не выдумка и не фикция. Оно обладает собственными средствами и источниками познания. Его эталоны и нормы отличны от рамок рационализма, их производят вполне реальные интеллектуальные сообщества. Зачастую вненаучное знание оказывается предшественником научного, как астрологическое для астрономического, алхимическое для химического, и несёт в себе зачатки появления научных истин. Такие типы знания, лежащие в исторической ретроспективе по отношению к наукам, называются эзотерическими. Они могут быть названы предзнанием.

Новизна исследования. Критерии научности, указывающие в исследовании на конкретизированные данные, на содержание и смысл преобразований и дополнений, называются научной новизной исследования. Научная новизна признаётся тогда, когда: исследование разрабатывает проблему, ранее не поднимавшуюся в науке; исследуемый объект ранее не изучался в науке; относительно объекта получены новые знания; вышеуказанные условия выполнены в любой комбинации. Трактовка знания как нового возникает, когда известные данные: изменены коренным образом в результате исследования; расширены и дополнены; уточнены (конкретизированы).

Признаки достоверных критериев научности. Признаки научности перестают быть её критериями, если их рассматривать отдельно друг от друга. Так, истина рождается не только в пределах науки. Интерсубъективной может быть не только наука, но и, например, массовое заблуждение. Системность, рассматриваемая вне связи с другими признаками научности, закладывает основы для псевдонаучных рассуждений. И лишь результат познания, в котором одновременно реализованы вышеуказанные признаки, во всей полноте характеризует научное знание.

***Любарский В. Критерии научности и типы. Знания в исследовании //** <http://fb.ru/article/49629/kriterii-nauchnosti-i-tipyi-znaniya-v-issledovanii>

Канке В. Наука в поисках истины*

Бескорыстный поиск истины — это ли не задача ученого? Этот поиск связан, однако, с преодолением целого ряда сложностей. Вспомним три концепции истины: корреспонденции, когеренции и прагматическую. Каждая из этих концепций получает в науке нетривиальное развитие.

Понимаемая в рамках науки *корреспондентская концепция* истины настаивает на соответствии теории экспериментальным данным. Это требование принимается в науке, причем именно оно является одним из основных в определении того, действительно ли предлагаемая концепция-гипотеза относится к сфере науки. Теоретическая концепция должна находиться в соответствии с экспериментом, не противоречить ему, позволять предсказывать его результаты. Неопозитивисты считали, что эксперимент является исчерпывающей характеристикой правильности теории. Теория проверяется, верифицируется экспериментом: либо она проходит эту проверку успешно, либо нет; либо она верна, либо неверна. К. Поппер нашел в этой аргументации пробел: так как теории рано или поздно опровергаются, фальсифицируются, то предыдущие их соответствия эксперименту фактически не являются подлинными проверками. Попперу можно возразить: если теория пришла в противоречие с некоторыми экспериментальными данными, то она неприменима для их истолкования, но ее действенность сохраняется для других экспериментальных данных. В науке часто, но далеко не всегда, новая теория "ставит крест" на старой. Физики по сей день для истолкования некоторых физических явлений не без успеха используют ньютоновскую механику. И это несмотря на то, что она вроде бы давно опровергнута новейшими физическими теориями. Ньютоновская механика сохранила свое значение как частный, сравнительно простой случай теории относительности и квантовой физики.

Несоответствия теории эксперименту часто удается ликвидировать простыми средствами, а именно: внесением в старую теорию некоторых усовершенствований. В таких случаях дело не доходит до научной революции. По Лакатошу, наиболее принципиальные положения теории как бы окружены некоторым защитным слоем менее важных положений, которые принимают на себя первые "удары" экспериментальных данных. Ядро теории будет разрушено лишь после того, как произошло разрушение защитного слоя теории.

Отметим также, что в эксперименте проходит проверку и опровергается не то или иное частное положение теории, а теория в целом. Всякое конкретное положение есть следствие теории как целого. В силу этого эксперимент соотносится со всей теорией как целым.

Но теория реализует свои идеи в "развертке", для понимания которой необходима наряду с корреспондентской *когерентная* концепция истины. Согласно последней, все научные утверждения образуют единое гармоническое целое. Истинное всегда выступает элементом гармонического целого, каковым в нашем случае и является наука в единстве ее как экспериментальных, так и теоретических составляющих. Новые теоретические и экспериментальные данные проходят проверку

на их согласованность с уже известными данными. Такое согласование может потребовать более или менее кардинальной перестройки системы научного знания. Современное научное знание имеет именно системный и весьма разветвленный характер. Разумеется, успешно ориентироваться в нем не просто. На заре своего становления научное знание было относительно простым, научные доказательства содержали не слишком много логических ходов, мысль то и дело "заземлялась" на факты. Частое обращение к фактам замедляло движение научной мысли. В наши дни ученый имеет возможность обратиться к фактам уже после проведения значительной теоретической работы, после преодоления большого расстояния в фактуально разряженном пространстве абстракций (компьютерная техника помогает ему в этом деле). За счет описанного феномена, а он оказался возможным лишь в силу системности научного знания, мысль человека стала столь эффективной, какой ранее никогда не была. Итак, человек реализует в науке свои уникальные возможности отнюдь не тривиальным образом. В соответствии с этим изменилась трактовка научной истины. Истинное научное утверждение входит в состав науки как системы знания.

Обратимся теперь к **прагматической** концепции истины, согласно которой практика — критерий истины. В науке критерий практики часто довольно прямолинейно связывают со значением эксперимента. Но научная практика не сводится всего лишь к эксперименту, а представляет собой все поле применения науки, ее жизненное значение для человека. Нет такой области деятельности человека, где бы не использовалась наука, она стала одной из важнейших сущностных сил человека. С учетом этого не будет преувеличением утверждать, что полем проверки науки на истинность стала вся жизнь человека, все ее сферы, в которых она действительно используется.

Разветвленный, сложный характер науки предъявляет непростые требования к ее истолкованию. В чем сила науки? Каковы ее идеалы? Достаточно ли требовать от науки ответа лишь на вопрос "Как происходят явления?" или же на вопрос "Почему они именно так происходят?". Не противоречит ли наука искусству, религии, другим областям человеческой жизни? Не приведет ли наука человечество в конечном счете к катастрофе?

*Канке В. Наука в поисках истины // <http://eurasialand.ru/txt/kanke/menu.htm>

Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность*

В современном отечественном обществоведении наибольшей популярностью пользуются три социологические макротеории: формационная, цивилизационная и модернизационная. Активное освоение последней началось относительно недавно. Оставшаяся в годы советской власти закрытой темой, в которой видели объект критики и инструмент для изучения развивающихся стран, негодный в силу его «порочной» идеологической основы, сегодня теория модернизации является одной из широко изучаемых теорий в отечественной науке.

Модернизационная парадигма была сформирована в середине XX века в условиях распада европейских колониальных империй и появления большого количества «молодых наций» в Азии, Африке и Латинской Америке. Возникнувшие первоначально в лоне университетской науки США, теории модернизации были созданы как альтернатива коммунистической ориентации (С. Хантингтон, Д. Эптер, др.).

Термин «модернизация» в переводе с английского означает осовременивание и обозначается наличием ряда характеристик, свойственных современному обществу.

Существуют различные интерпретации понятия модернизации. П. Штомпка выделяет три значения данного понятия. Согласно его мнению, в первом, общем смысле, модернизация – это синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед. В этом смысле выход из пещер и строительство первых укрытий, столь

же явный пример модернизации, как и приход автомобилей на смену лошадиным повозкам или компьютеров на смену пишущим машинкам. Однако он считает, что применительно к теории модернизации ближе следующие две интерпретации данного понятия: в первом смысле понятие «модернизации» тождественно понятию «современности» и означает комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI-го века и достигших своего апогея в XIX-XX веках. Сюда включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, бюрократизации, демократизации, доминирующего влияния капитализма, распространения индивидуализма и мотивации успеха, утверждения разума и науки и т.д. Модернизация в этом смысле означает достижение современности, «процесс превращения традиционного, или дотехнологического общества, по мере его трансформации, в общество для которого характерны машинная технология, рациональные и секулярные отношения, а также высоко дифференцированные социальные структуры»[1]. Классические социологические работы по модернизации в этом смысле принадлежат Конту, Спенсеру, Марксу, Веберу, Дюркгейму и Теннису.

Во втором смысле термин «модернизация» относится к отсталым или слаборазвитым обществам и описывает их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества. Другими словами, в таком случае понятие «модернизация» описывает движение от периферии к центру современного общества. В самом общем виде модернизация характеризуется как общественно-исторический процесс, в ходе которого традиционные общества становятся прогрессивными, индустриально развитыми.

В общем виде модернизация определяется как переход от традиционного общества к современному, которое, по мнению В. Федотовой, включает в себя прежде всего коренное отличие от традиционного, т.е. ориентацию на инновации, преобладание инноваций над традицией, светский характер социальной жизни, поступательное (нециклическое) развитие, выделенную персональность, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности, индустриальный характер, массовое образование, активный деятельностный психологический склад и т.д. [2].

С момента появления по настоящее время теория модернизации эволюционировала и прошла ряд этапов. Период популярности этой теории в их классическом, первоначальном виде приходится на 50-е и середину 60-х гг. прошлого столетия в связи с работами М. Леви, Э. Хагена, Т. Парсонса, Ш. Эйзенштадта, Д. Эптера и др. основополагающими категориями в теориях модернизации стали понятия «традиция» («традиционное общество») и «современность» («современное общество»). Суть этой теории на начальных этапах ее формирования сводилась к трактовке этих категорий как абсолютных противоположностей. Модернизацию представляли как процесс вытеснения традиции современностью, или восходящего развития от традиционного общества к современному. В первоначальных теориях модернизации процесс перехода от традиционного общества к современному характеризовался как революционный, т.е. считалось, что переход от традиции к современности требует коренных, радикальных изменений в моделях социальной жизни; сложный, т.е. включает изменения во всех без исключения областях человеческой мысли и поведения; системный, т.е. изменения в одной сфере обязательно вызывает изменения и в остальных сферах; глобальный, т.е. зародившись в Европе XV - XVI вв., с течением времени охватил все страны мира; длительный, т.е. имеет протяженность во времени, причем темпы этого процесса ускоряются; поэтапный; порождающий сближение общественных систем: поскольку современные общества в отличие от разнотипных традиционных имеют целый ряд однотипных характеристик, постольку и продвижение традиционных обществ к современности будет сопровождаться нивелированием их культурных систем;

необратимый: считалось, что направление изменений для всех типов общества будет одним и тем же; прогрессивный, т.е. способствует улучшению материального и культурного благосостояния человека и т.д. О.А. Осипова отмечает, что на первых этапах формирования теории модернизации научные взгляды на традицию, по существу, мало отличались от толкования традиции учеными XIX века. Традиция, за редким исключением, трактовалась как тормоз в истории, как исключительно консервативная сила, которая противостоит нововведениям и которую, следовательно, необходимо преодолеть и сломать с тем, чтобы обеспечить условия для внедрения всего нового [3].

В конце 50-х, а особенно начиная с середины 60-х гг. стала нарастать критика ранних теорий модернизации, которая постепенно подорвала большинство положений, выдвигавшихся в них. Главным фокусом этой критики стала неспособность объяснить разнообразие переходных обществ, присущей им внутренней динамики, а также возможности самостоятельного развития современных дифференцированных политических и экономических комплексов.

Критика ранних подходов к модернизации была направлена против дихотомии традиция – современность, в том числе на выявление неисторичности и западноцентричности этой модели.

В первой половине 60-х гг. был опубликован ряд страноведческих социологических и политологических исследований, посвященных различным аспектам модернизации в странах Востока. В числе работ необходимо назвать исследования К. Гирца, М.Зингера, М.Леви, Д.Эптера и др. Особое внимание и ранее всего привлек к себе вопрос о путях модернизации Японии, где модернизация была осуществлена в рамках национальной традиции, поставив тем самым под сомнение основные положения начальных теорий модернизации. Это обстоятельство позволяло говорить о том, что модернизация традиционного общества может протекать в рамках национальной традиции и не должна с неизбежностью и во всех случаях сопровождаться ее радикальной ломкой, как это ранее утверждалось. Внимание ученых привлек вопрос о том, что же именно в конкретной традиции препятствует, а что способствует процессу модернизации. Важным соображением, существенно обогатившим научные представления того периода, стал тезис о системной жизнеспособности так называемых переходных систем. Традиция под напором сил современности не сдавала своих позиций, как того ожидали; она обнаружила значительные адаптивные способности, порождая специфически национальные формы модернизации. Подтверждению этой мысли послужили работы Ф. Риггса, М. Зингера, Д. Левина, К. Гирца, показавших каким образом традиционные институты и социальные группы, реорганизуясь, эффективно приспосабливаются к изменяющимся условиям.

В 60-70-х гг. продолжается критика идеи модернизации как с эмпирической точки зрения, поскольку многие ее утверждения противоречили очевидным историческим фактам, так и в теоретическом плане. Отмечалось, что попытки модернизировать общество чаще всего не приводит к обещанным результатам. Масштабы нищеты в отсталых странах увеличились, вместе с тем наблюдались и другие многочисленные побочные эффекты. Уничтожение традиционных институтов и жизненных укладов нередко влекло за собой социальную дезорганизацию, хаос и аномию, рост девиантного поведения и преступности. Критики указывали на ошибочность прямого противопоставления традиции и современности и приводили примеры преимуществ в некоторых областях. Не только современные общества включают в себя многие традиционные элементы, но и традиционные общества, в свою очередь, нередко обладают такими чертами, которые обычно считаются современными. Кроме того, модернизация способна усиливать традицию (С. Хантингтон, З. Бауман). Традиционные символы и формы лидерства могут оказаться жизненно важной частью ценностной системы, на которой основывается модернизация (Дж. Гасфилд). Оппоненты теории модернизации и отмечали большую роль внешнего, глобального контекста и внутренних причин. Была

поставлена под сомнение и строгая последовательность стадий модернизации: «Те, что пришли позднее, могут быстро модернизироваться благодаря революционным средствам, а также опыту и технологиям, которые они заимствуют у своих предшественников. Таким образом, весь процесс может быть сокращен. Предположение о строгой последовательности фаз (предварительное состояние, начальная фаза, переход к зрелости и т.п.), которые должны пройти все общества, похоже ошибочно» (С. Хантингтон, Д. Белл).

Таким образом, во второй половине 80-х гг. окончательно складывается концепция «модернизации в обход модернисти» - модернизации, при сохранении национальной культуры без жесткого навязывания обществу западных ценностей (А. Абдель-Малек, А. Турен, Ш. Эйзенштадт). Как отмечал А. Турен, реальный ход модернизации в последнее время опроверг либерально-рационалистический универсализм, который полагал, что модернизация продвигается самим Разумом, наукой, технологией, путем развития системы образования. Но на смену приходит не партикуляризм - «вера в особый путь» для каждой страны, а синтез универсализма и партикуляризма. Поиски такого синтеза становятся главной проблемой стратегии развития многих стран, поскольку нарушение равновесия между современностью и традиционностью ведет к неудаче преобразований и острым социальным конфликтам. По мнению Турена, судьба мира зависит от того, будет ли наведен мост между Разумом и культурами, современностью и национально-культурной идентичностью народов, между развитием как универсальной целью и культурой как ценностным выбором, экономическим развитием и социальными преобразованиями.

Казавшаяся несколько устаревшей, теория модернизации с 80-х гг. возрождается вновь. Интерес к ней усиливается с распадом коммунистического блока и переходом их на капиталистический путь развития. В ответ на призыв возродить исследования модернизации (Ш. Эйзенштадт, М. Леви) были выдвинуты «теории неомодернизации» (Э. Тирикьян), «теории постмодернизации» (Дж. Александер), *теории экологической модернизации* (Э. Гидденс, У. Бек). Реанимированная и пересмотренная теория модернизации учла опыт посткоммунистического мира и действительно видоизменила, смягчила свои ключевые понятия. (П. Штомпка).

С точки зрения неомодернизации, модернизация рассматривается как исторически ограниченный процесс, узаконивающий институты и ценности современности: демократию, рынок, образование, разумное администрирование, самодисциплину, трудовую этику и т.д. [4].

Р. Инглхарт, отмечая в качестве ключевых аспектов модернизации индустриализацию, урбанизацию, рост профессиональной специализации и повышение уровней формального образования в любом обществе, считает, что в последние десятилетия зрелые индустриальные общества вышли в своем развитии на поворотную точку и стали двигаться в новом направлении, которое можно назвать «постмодернизацией». Согласно его мнению, постмодернизация меняет характер базовых норм политической, трудовой, религиозной, семейной, половой жизни. «И тем не менее этот термин имеет важное значение, - пишет он, - поскольку в нем заложен определенный концептуальный смысл, согласно которому процесс, называемый модернизацией, уже не является самым последним событием в современной истории человечества и социальные преобразования развиваются сегодня совершенно в ином направлении»[5]. По мнению ученых, постмодернизация предусматривает отказ от акцента на экономическую эффективность, бюрократические структуры власти и научный рационализм, которые были характерны для модернизации, и знаменует переход к более гуманному обществу, где самостоятельности, многообразию и самовыражению личности предоставляется большой простор.

Немаловажное место в изучении теории модернизации имеет теория экологической модернизации, которая зародилась в 80-х гг. и развивается в настоящее

время в западной науке в рамках социально-экологической традиции. На постсоветском пространстве данная теория представлена работами О. Яницкого и И. Кулясова. Одним из первых эту теорию начал разрабатывать нидерландский социолог А. Мол, утверждающий, что данная теория ставит целью понять и интерпретировать, как модернистское индустриальное общество справляется с экологическим кризисом.

Наиболее важными теориями такого рода считаются теория позднего модерна Э. Гидденса и теории рефлексивной модернизации и общества риска У. Бека. В их работах экологический фактор показан как играющий в настоящее время определяющую роль в общественном развитии. Оба автора рассматривают взаимодействие природы и общества, в первую очередь, как продуцирующие постоянные риски. Э. Гидденс полемизировал с теми, кто считал, что современное общество – это постмодернистское или другое «пост», считая современную эпоху радикализированным или универсализированным модерном, за которым может последовать постмодерн, которое будет нечто отличное от того, как его представляли ученые до Гидденса. Э. Гидденс выделяет три основные черты, определяющие характер современного общества от досовременного: 1) это во много раз возросшая скорость изменения социальных процессов, особенно – скорость изменения технологии; 2) это втягивание социально и информационно различных районов мира во взаимодействие друг с другом, что в конечном счете выразилось в процессе глобализации; 3) изменение внутренней природы современных институтов [6]. Согласно теориям экологической модернизации, изменение технологии и техники вызывает уже не только ускорение социальных процессов, но и экологических. Глобализация способствует распространению экологической модернизации. К взглядам Гидденса на место риска в современном обществе близки взгляды У. Бека, который особое внимание уделял экологическим рискам [7]. Оба эти исследователи подчеркивали, что природа перестает быть естественной рамкой для социальных систем, т.е. больше не может рассматриваться как «окружающая среда», превращаясь в «сотворенную среду» обитания и жизнедеятельности человека. Современная эпоха приходит к «концу природы» в смысле, что она утрачивает свойство внешности по отношению к человеку и социуму, а все больше превращается в систему, структурированную человеком и подчиненную в своем развитии требованиям социальной организации и социального знания [8]. Таким образом, по Гидденсу и Беку, в контексте позднего модерна разделение на естественную и социальную среды теряет смысл. Общество со всеми его системами – экономической, политической, семейной культурной – нельзя воспринимать автономным от среды. Экологические проблемы становятся не проблемами окружающей среды, а в своем генезисе и последствиях – это целиком общественные проблемы.

С момента возникновения теории модернизации ее создатели взяли на вооружение междисциплинарный подход к объяснению и обоснованию общественного развития. В рамках этой теории попытались объединиться представители самых разных наук - социологи, экономисты, этнологи, политологи, социальные психологи, экологи. Именно такой союз позволил этой теории стать весьма влиятельным направлением общественно-теоретической мысли.

Модернизация предполагает социальные, экономические, политические, экологические, демографические, психологические изменения, претерпеваемые обществом традиционного типа в процессе его трансформации в общество современного типа.

Можно выделить ряд критериев модернизации в различных отраслях общественной жизни. Например, в социальной сфере базовой социальной единицей во все большей степени становится индивид, а не группа; происходят дифференциация – передача отдельных функций, ранее принадлежавших семье, специализированным социальным институтам; формализация – подход к социальным институтам как действующим на основе абстрактных и универсальных законов и правил, предполагающий доминирующую позицию науки и экспертов; разделение сфер частной и

общественной жизни; ослабление родственных уз; рост профессиональной специализации; рост формального образования, улучшение качества жизни; в демографическом плане - снижение рождаемости, увеличение продолжения жизни, рост численности городского населения и сокращение сельского. В экономической сфере – технологическое развитие, основанное на использовании научного (рационального) знания, появление вторичного (индустрия, торговля) и третичного (услуги) секторов хозяйства, углубление общественного и технического разделения труда, развитие рынков товаров, денег и труда, обеспечение устойчивого экономического роста; в политической – образование централизованных государств; разделение властей; возрастание политической активности масс; формирование, развитие и распространение современных институтов и практик, а также современной политической структуры. Опыт модернизирующихся стран показал, что институты и практики могут как соответствовать современным западным моделям, так и отличаться от них. Таким образом, под современными политическими институтами следует понимать не слепок с политических институтов стран развитой демократии, а те политические институты и практики, которые в наибольшей степени способны обеспечивать адекватное реагирование и приспособление политической системы к изменяющимся условиям и вызовам современности.

В духовной области происходит изменения в ценностных ориентациях социальных групп, возникает необходимость освоения новых ценностей, соответствующих современным реалиям, секуляризация образования и распространение грамотности, многообразие течений в философии и науке, религиозный плюрализм, развитие средств распространения информации, приобщение крупных групп населения к достижениям культуры.

Культура – один из важных моментов в изучении процессов модернизации. Она пронизывает любой аспект общественной жизни. В процессе модернизации не менее важным является замена устаревших культурных привычек и обычаев новыми и продуктивными системами культурных ценностей. А.П. Манченко предлагает понятие «культурошок», которого определяет как стремительный и глубокий процесс изменений экономических, социальных, политических и мировоззренческих структур и отношений, в ходе которого большинство утвердившихся ранее ценностей, концепций, норм поведения и направлений мысли неожиданно становятся устаревшими и ненужными [9]. Одним из широко исследуемых проблем модернизации является проблема конфликта ценностей. Признается, что многие ценности западной культуры не подходят и потому не уживаются в некоторых культурных средах. Индивидуализм в некоторых случаях признается как чисто западный продукт. В связи с этим представляет интерес изучения западными учеными проблемы «современной личности».

Влияние на человека процессов современности формируют в нем также личностные установки, качества, ценности, привычки, которые являются предпосылками для эффективного функционирования современного общества. Некоторые авторы пытались выделить «личностный синдром», «современный менталитет» (Р.Белла) или модель «современного человека» (А. Инкелес). Классическое исследование по данному вопросу было проведено в 70-х гг. под эгидой Гарвардского проекта по социальным и культурным аспектам развития. Сравнительное изучение шести стран – Аргентины, Чили, Индии, Израиля, Нигерии и Пакистана – позволили построить аналитическую модель современной личности. Были выявлены следующие качества: открытость экспериментам, инновациям и изменениям; готовность к плюрализму мнений и даже к одобрению этого плюрализма; ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое; экономия времени, пунктуальность; уверенность в способности организовать жизнь так, чтобы преодолевать создаваемые ею препятствия; планирование будущих действий для достижения предполагаемых целей как в общественной, так и в личной жизни; вера в регулируемость и предсказуемость социальной жизни (экономические законы, торговые правила, правительственная политика), позволяющие рассчитывать действия; чувство

справедливости распределения, т.е. вера в то, что вознаграждение не зависит от случая, а по возможности соответствует мастерству и вкладу; высокая ценность формального образования и обучения; уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус или кто обладает меньше властью.

«Для теоретиков модернизации, - пишет В. Рукавишников, - «человек современный (modern man)» - это по сути дела не кто иной как представитель западной культуры – независимо мыслящий, и социально, и политический активный индивидуалист самостоятельно добивающийся успеха в жизни («self-made man») и признающий право других действовать подобным же образом, соревнуясь с ними за место на вершине дохода и власти [10].

Существует различная типология модернизации. В самом общем виде специалисты различают две основных разновидностей модернизации: *органическая и неорганическая*. Органическая модернизация относится к тем странам, где модернизация происходила в силу эндогенных факторов. Такой вид модернизации присущ Англии, где модернизация «была естественной, как долго вызревавший продукт развития общества»[11]. В отличие от этого, вторичная, неорганическая модернизация является ответом на внешний вызов со стороны более развитых стран и совершается путем заимствования чужой технологии, приглашения специалистов, обучения за рубежом, инвестиций. Соответствующие изменения происходят в социальной и политической сферах: меняется система управления, вводятся новые социальные институты, меняется система ценностей и т.д. Неорганическая модернизация начинается не с культуры, а с экономики и политики. Иными словами, если органическая модернизация происходит «снизу», то неорганическая - «сверху». Неорганическая модернизация так же характеризуется как «догоняющая» или «запаздывающая» модернизация.

В политическом плане различаются *либеральная и консервативная модернизация*. Для либералов успешное развитие и модернизация связаны со степенью вовлеченности рядовых граждан в систему представителей демократии и возможностями для открытой и безопасной конкуренции внутри правящей элиты за голоса избирателей, а по мнению консерваторов модернизация требует высокоцентрализованных, политических институтов, жесткого режима, способного обеспечить стабильность, порядок, интеграцию общества.

В рамках теории модернизации существуют термины «*контрмодернизация*» и «*антимодернизация*», введенные А. Туреном. Первый означает альтернативный вариант модернизации по незападному образцу, а второй термин означает открытое противодействие модернизации. Вслед за А. Туреном Н.Н. Зарубина предлагает следующую типологию: модернизация, контрмодернизация и антимодернизация.

Считая эту типологию обоснованной, Холмогоров также предлагает типологию в форме модернизации, контрмодернизации и антимодернизации, добавив еще один тип - *сверхмодернизацию*, которую определяет как попытку достижения превосходства над цивилизацией-лидером, когда основные социокультурные показатели «современности» принимаются и превосходятся на собственном ценностном и технологическом фундаменте. Осуществившая сверхмодернизацию цивилизация становится новым лидером, формируя свою ойкумену и бросая модернизационный вызов другим цивилизациям, через создание притягательного образа современности [12].

П. Штомпка, рассматривая теорию модернизации, предлагает *понятие «ложной модернизации»* по отношению к посткоммунистическим странам, под которой подразумевает несогласованное, дисгармоничное, внутренне противоречивое сочетание трех элементов: 1) современных черт в отдельных областях общественной жизни; 2) традиционных, домодернистских характеристик во многих других областях и 3) всего того, что облачали в изысканные одежды, призванные имитировать современную западную действительность.

Опыт стран также показывает, что безболезненный переход к современному обществу мало вероятен. Массовые проблемы социально-экономического, политического и т.п. характера свидетельствуют о «неприемлемой, высокой социальной цене», которую Н.Наумова рассматривает как *рецидивирующую модернизацию* [13].

В первоначальных теориях модернизации отмечалось целостность характера модернизации, который предполагал изменения во всех без исключения областях общества. Но критика теории модернизации выявил такие характеры модернизации как *сплошной и частичный*. Суть частичной модернизации сводится к тому, что «формирование новых институтов и современных организационных принципов не обязательно приводит к целостному обновлению общества, а может даже сопровождаться укреплением традиционных систем через влияние новых форм организации [14].

Вместе с тем можно выделить такие типы модернизации, как *вестернизация без модернизации* и *модернизация без вестернизации* (Египет, Филиппины), где модернизация происходит на основе национальных культурных ценностей (Япония, новые индустриальные страны).

Появление различных вариантов модернизации свидетельствует о невозможности механического воспроизведения опыта развитых государств. Здесь немаловажную роль играет внутренний потенциал модернизируемого общества. Примером может послужить успешный опыт модернизации Японии и «новых индустриальных стран», которые заставили заговорить о «*модернизации без вестернизации*» (С. Хантингтон). Например, В.Хорос утверждает, что «модернизация, развитие могут успешно осуществляться лишь на почве собственных национальных традиций» [15].

Развивающееся общество не стремится к обретению гомогенности на основе заимствования новых ценностей и институтов, но является сложной гетерогенной структурой, в рамках которой эндогенные и заимствованные ценности находятся в состоянии сложных взаимодействий. Успех модернизации зависит, таким образом, не от интенсивности реформ или заимствований, которые порой пересаживаются на традиционную почву, еще не готовую их воспринять, а от формирования структурированного синтеза смыслов, ценностей, норм и институтов, в котором возможно конструктивное взаимодействие традиционных и современных, эндогенных и заимствуемых ценностей.

Таким образом, модернизация – принятие ценностей, институтов и культурных моделей «современности», стремление полностью уподобиться лидеру в значимых для его культурной модели характеристиках. При этом могут сохраняться значительная культурная вариативность и многочисленные традиционные элементы.

Использованная литература:

1. O'Connel, James 1976. The concept of modernization, in: Black, pp.13-24: цит. По П. Штомпка Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996
2. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения// Вопросы философии №4, 2000 с. 10
3. Осипова О.А. Американская социология о традициях в странах Востока. М.: Наука, 1985 с. 75-76
4. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996 с. 184
5. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая индустриальная волна на Западе. Под ред. В. Иноземцева. М., 1999 с. 268
6. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. с. 101-122
7. Ульрих Бек Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
8. Сен-Марк Ф. Социализация природы. М.: изд-во «Прогресс», 1977
9. Манченко А.П. Социальная модернизация в современной России. М., 2000

10. Рукавишников В.О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социс №1, 1995 с. 35
 11. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999 с. 7
 12. Холмогоров: <http://holmogorov.rossia.org/modern.htm>
 13. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999 с. 7
 14. Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации.// Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Сост. Б.С. Ерасов. с 473
 15. Хорос В. Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты)// Мировая экономика и международные отношения №8, 1991 с. 70-79
- *Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность // http://yaneuch.ru/cat_08/teoriya-modernizacii-istoriya-i-sovremennost/1736.73963.page1.html

Побережников И.В. Теоретико-методологические проблемы модернизационного подхода*

В современном отечественном обществоведении наибольшей популярностью пользуются три социологические макротеории: формационная, цивилизационная и модернизационная. Активное освоение последней началось относительно недавно, лишь в постсоветской России. При этом интерес к модернизационной парадигме во многом объясняется надеждами на ее познавательную эффективность при изучении той коренной политической, экономической и социокультурной трансформации, которая началась в стране с конца 1980-х гг.

Модернизационная парадигма была сформулирована в середине XX в. В 1950 — начале 1960-х гг. различные аналитические течения и теоретические традиции объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу (теория, или точнее теории, модернизации). В дальнейшем, на протяжении второй половины XX века, в рамках модернизационной перспективы был накоплен значительный теоретико-методологический и эмпирический опыт изучения различных аспектов, в том числе исторических, перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу. Сторонники модернизационного подхода рассматривает процесс модернизации как сложную, многомерную трансформацию, которая охватывает различные уровни общества от экономики и политики до культуры. Проявлениями модернизации принято считать становление капиталистической экономики, индустриализацию, урбанизацию, демократизацию, секуляризацию и т.д. К числу важных проблем модернизационного подхода следует отнести вопросы, касающиеся идентификации хронологических рамок и внутренних рубежей модерна, источников, факторов и механизмов модернизации.

Традиционное общество. Проблема предмодернити

Серьезной проблемой в рамках модернизационного анализа является определение начальной границы модернизации, выявление предпосылок модернизации в предшествующих социальных состояниях. Очевидно, что эпоха модерна не отделяется четко от пред-modernity. Предпосылки модернизации обнаруживаются в глубинах истории, в частности, в классической греческой и римской античности, в раннем христианстве, в итальянском и северном Возрождении с их растущей денежной экономикой, товарным оборотом, дифференциацией социальных сфер, все более и более расширяющимся индивидуализмом и зарождением абстрактного мышления.

Домодерную эпоху не следует рассматривать как статическую. Дело в том, что модернизация не являлась первым или единственным динамическим процессом в истории человечества. Эпоха modernity — лишь одна из эпох, в рамках которой изменения получили заметное ускорение.

В связи с этим особую актуальность приобретает дифференцированный анализ предмодерных обществ. Хорошо известно, что сторонники классических модернизационных теорий не уделяли значительного внимания разнообразию предмодерных обществ, которые обычно трактовались как традиционные. Между тем, возможности и перспективы модернизации существенно зависят от состояния предпосылок, накопленных в домодерный период, от потенциала традиционных обществ. При этом важным критерием модернизации является наличие/отсутствие в домодерных обществах культурных ценностей и социальных институтов, способных отвечать на вызовы современности, адаптироваться к функциональным потребностям «модернити».

В этой связи представляет интерес попытка типологии домодерных обществ, предпринятая Гидеоном Шобергом (1). Автор предлагает выделять два типа традиционных обществ — «народное» и «феодалное». Идеал-типическая модель «народного общества» (folk society) была предложена Р. Редфилдом применительно к небольшим, изолированным, бесписьменным и гомогенным обществам, характеризующимся сильным духом солидарности. Для эффективного функционирования «народных обществ» чрезвычайно важны первичные групповые связи, особенно родственные. Данные общества характеризуются минимальным разделением труда и отсутствием классовой стратификации. Ценностная ориентация имеет священную природу, а действия членов общества имеют тенденцию к строгому соответствию коллективистским нормам.

Модель «народного общества» в наибольшей степени отвечает образу жизни так называемых «примитивных» обществ. В то же время, как справедливо отмечает Г. Шоберг, данная модель теряет свою эффективность, когда ее начинают применять при изучении более сложных обществ Азии, Европы или Латинской Америки, — обществ «письменных», «крестьянских».

Г. Шоберг пытается сконструировать теоретическую модель традиционного общества, как раз соответствующую этим более продвинутым обществам. Автор идентифицирует более сложное традиционное общество как «феодалное» (при этом он подчеркивает социологическую природу предлагаемого концепта, отличающегося от более узкого понятия феодализма, которое разделяют историки-медиевисты, обычно связывающие данное понятие с системой сеньориально-вассальных отношений, существовавшей в чистом виде лишь в средневековой Западной Европе). По мнению Шоберга, феодальное и народное общества обладают сходными чертами — статичностью, священным характером ценностных ориентаций.

В то же время феодальное общество, в отличие от народного, характеризуется гораздо большей гетерогенностью и сложностью. Ему присущи четкая классовая или кастовая стратификация и наличие сложных государственных, образовательных и экономических институтов, требующих широкого разделения труда. Кроме того, феодальное общество имеет существенно большую демографическую и территориальную основу.

Г. Шоберг характеризует феодальное общество как преимущественно крестьянское. Крестьяне проживают в небольших поселениях и получают средства к существованию прежде всего за счет интенсивной обработки земли при помощи примитивной техники. Деревни формируют опорную сеть феодальной системы. В то же время, как подчеркивает Г. Шоберг, крестьянские селения не изолированы друг от друга.

В отличие от членов народных обществ, крестьяне производят достаточный избыток продуктов для обеспечения ограниченного числа концентраций населения, представляющих собой фокусы феодального общества. Это города, возникающие как политические, религиозные и торговые центры, социальную роль которых Шоберг оценивает весьма высоко. Жизнь в феодальном городе отличается от деревенской жизни. Кроме того, феодальные города связаны друг с другом. При этом, конечно, уровень

коммуникаций в феодальном обществе еще существенно уступает уровню коммуникаций индустриального общества.

В феодальных городах проживают представители элиты, в частности, чиновники, священнослужители, ученые, знать, землевладельцы, представители воинских сословий. При этом уникальное культурно-историческое развитие конкретного социума определяет состав элит, который варьируется не только между обществами, но и подвергается со временем изменениям в рамках одного общества. В феодальном обществе получает развитие более сложное, по сравнению с народным, промышленное производство — ремесло.

Рассматривая процессы индустриализации и урбанизации в феодальных обществах, Г. Шоберг обращает внимание на сопротивление феодальных структур как в Азии, так и в Европе. Особенностью модернизации феодальных обществ автор считает наложение индустриально-урбанистической структуры на существующую феодальную, которая может до некоторой степени сохраняться. В связи с этим возможны бифуркации в пределах обществ, хотя и в различной форме и с весьма различными эффектами. Эмпирическое подтверждение указанной возможности Г. Шоберг обнаруживает в таких странах как Франция и Италия, где крестьянские анклавы увековечивали феодальную организацию. Ситуация усложнялась присущей феодальным обществам перенаселенностью, соединенной с сопротивлением элит, не желавших изменений. Следствием подобных обстоятельств становилось сосуществование двух обществ, «множественной» (многоукладной) экономики и дуалистической социальной структуры. Очень важен вывод Шоберга о том, что модернизация ведет, скорее, к модификации, а не к разрушению феодальных обществ (в этом плане судьба народного общества, напротив, исчезающего в процессе модернизации, представляет противоположность судьбе феодального общества). При этом автор не отрицает, что, вне зависимости от конечного результата, наложение индустриально-городского общества на уже разработанную социальную организацию феодального общества будет сопровождаться дезорганизацией, серьезными напряжениями и конфликтом.

Дифференцированный подход, предложенный Г. Шобергом, для анализа традиционных обществ, более плодотворен по сравнению с органическими концепциями традиционности. Тем не менее, он может быть развит с целью конструирования более диверсифицированных субмоделей традиционного общества, применимых к различным регионально-локальным, этно-социальным, профессиональным сообществам эпохи становления современного общества. При этом необходимо учитывать неравномерность развития социальных страт, возникновение сети сложных взаимоотношений между ними с очевидными обоюдными влияниями, модифицирующими характеристики взаимодействующих социальных групп.

Социокультурный фактор модернизации

Культура выполняет важнейшие социальные функции, в частности, такие как обеспечение непрерывности, преемственности, эстафетности в общественном развитии; создание условий для социальной интеграции; формирование мотивационных механизмов для разнообразных типов человеческой деятельности. Можно утверждать, что культура пронизывает все человеческое поведение и мышление, все социальные отношения. Верно также и то, что социальные отношения имеют культурную природу. Данное обстоятельство актуализирует проблему функционирования культуры в условиях модернизации. Понятно, что в процессе модернизации подвергается трансформации сама культура. Но не менее важен вопрос о готовности культуры (культуры как предмодерного, так и современного общества) к изменениям.

В связи с разнообразием традиционных обществ можно говорить о культурах с разным уровнем готовности к инновациям. Интересная попытка дифференциации традиционных культур была предложена Д. Эптером (2). Последний предложил различать два типа традиционализма, традиционных культур. Первый тип получил наименование

инструментальной культуры, второй — консамматорной. Д. Эптер возводит предлагаемые концепты к категориям «когнитивно-инструментальные» и «экспрессивно-интегративные ценности», выделенным Т. Парсонсом.

«Инструментальным» системам присущи значительные сектора промежуточных задач, отделенных и независимых от конечных целей. «Консамматорные» же системы характеризуются тесными взаимоотношениями между промежуточными и конечными целями. В консамматорных системах с их всеобъемлющей связанностью, интегративностью любое изменение радикально трансформирует ритуалы, принятые социальные практики, формы социальной стратификации, властные отношения, религиозные обряды, связанные собственно с предметом новации, что не позволяет трактовать нововведение ограниченно, например, только в терминах увеличения эффективности соответствующего типа деятельности. В рамках инструментальной системы, напротив, инновация будет рассматриваться в терминах ее полезности, эффективности; ее внедрение не будет оказывать далеко идущих воздействий на конечные цели системы (соответственно, новшество не будет представлять угрозу для системы в целом; напротив, более вероятно, что новшество будет способствовать усилению системы).

К инструментальным системам относятся те, которые могут легко вводить инновации, распространяя покровы традиции непосредственно на изменение. Типичным примером инструментальных систем Д. Эптер считает военизированные системы с иерархической организацией власти, исходящей от авторитарного лидера (авторитарно-командные системы). Для таких обществ характерна ориентация руководителей на исполнительность и эффективность. В подобных обществах религия обладает вторичным статусом по отношению к государству и государю.

Консамматорные системы отличаются гораздо большей сложностью. В них общество, государство, власть и пр. социальные компоненты выступают частями тщательно поддерживающейся, высоко-интегрированной системы, в рамках которой религия является руководящим познавательным ориентиром. Такие системы обычно враждебны инновациям. Изменения приводят к фундаментальным социальным переворотам в консамматорных системах.

Естественно, выделенные типы являются идеальными. Задача историка — провести сопоставление между идеальными конструкциями и реальными культурно-историческими массивами.

Механизмы модернизации

Большую популярность в рамках модернизационного подхода получила модель структурно-функциональной дифференциации, призванная объяснить механизм перехода от традиционного к обществу модерна. В рамках данной модели процессы структурной и функциональной дифференциации трактуются как неизбежные, «естественные». Сторонники данной модели признают возможность некоторого замедления, торможения или даже временной приостановки модернизации, которая, тем не менее, все равно в конце концов должна найти продолжение (для этого необходимо лишь выявить и устранить, минимизировать воздействие тормозящих структурно-функциональную дифференциацию факторов).

Окончательное оформление схема структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации получила в трудах Нейла Смелзера (3). Н. Смелзер определяет структурную дифференциацию как процесс, посредством которого «одна социальная роль или организация... дифференцируется в две или более роли или организации, которые функционируют более эффективно в новых исторических условиях»; «новые социальные единицы структурно различны, но в совокупности являются функциональным эквивалентом первоначальной (неразделенной. — *И.П.*) социальной единицы»; т.е., согласно Н. Смелзеру, это переход от многофункциональной ролевой структуры к набору более специализированных структур (4).

Смелзер предлагает рассматривать структурную дифференциацию широко, не ограничивая ее лишь технологической специализацией. По мнению ученого, структурная дифференциация тесно связана с социальным процессом модернизации в целом; данная связь обнаруживает себя в том, что для каждой социальной функции можно подобрать определенный набор структуральных условий, при наличии которых достигается оптимум в ее обслуживании. Таким образом, модель структурной дифференциации позволяет представить модернизацию как процесс приобретения структурной независимости социальными функциями. Традиционные социальные единицы, по мнению Н. Смелзера, выполняли множество разнообразных функций. По мере же модернизации возникают специальные социальные единицы для сепаратного осуществления социальных функций.

Вопрос о месте и роли механизма структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации был существенно пересмотрен в работе Я. Мураками, посвященной японскому варианту перехода от традиционного к индустриальному обществу (5). Ученый утверждает, что любое человеческое общество основано на двух главных принципах — принципах интеграции и дифференциации. При этом автор отмечает, что в теориях модернизации до сих пор внимание акцентировалось на дифференциации в ущерб понятию интеграции. Я. Мураками указывает на относительное значение дифференциации как показателя прогресса. Дело в том, что, с одной стороны, необходимо учитывать цену реинтеграции подсистем новой социальной системы, возникшей в результате дифференцирования прежней системы. Функциональная эффективность системы, как отмечает Я. Мураками, в целом улучшится или ухудшится в зависимости от того, будет ли выгода дифференциации превосходить или уступать цене реинтеграции. Я. Мураками приводит исторические примеры чрезмерного, убыточного дифференцирования (бесчисленные субкасты (джати) в Индии; сложившаяся в рамках британской традиции рабочего движения трудовая организация по типу ремесленных союзов). Автор, таким образом, доказывает, что большая дифференциация системы не всегда способствует росту ее адаптивного потенциала — точнее, эффект увеличения адаптивности может быть произведен лишь соответствующим комбинированием дифференциации и интеграции.

Я. Мураками подчеркивает существенную роль в процессах модернизации механизмов интеграции. Например, выделение экономической и политической подсистем в результате дифференциации общества было значимым процессом на ранних стадиях капиталистической индустриализации, но все это сопровождалось — фактически предшествовалось — политической интеграцией, становлением «национального государства», развитием современной бюрократии. Современное (или индустриальное) общество, таким образом, должно быть охарактеризовано двумя противодействующими силами: тенденцией дифференциации, отделением экономики от государства, ростом разделения рабочей силы, с одной стороны, и тенденцией интеграции в национальное государство, сопровождающейся бюрократизацией.

Более того, Мураками предлагает в целом рассматривать эволюцию человеческих обществ как процесс, подталкиваемый силами дифференциации и интеграции, сосуществующими и вступающими в постоянное взаимодействие. Исследователь выделяет в истории человечества эпохи доминирования сил дифференциации или интеграции. Так, период от неолитической революции до становления протоцивилизаций характеризуется, по мнению ученого, превалированием тенденции дифференциации (Мураками имеет в виду, в первую очередь, «выделение» различных организационно-управленческих единиц — от клановых структур до чифдома, царства и теократии). Эпоху исторических цивилизаций или «осевого времени» (по терминологии К. Ясперса), включающую греко-римскую, индскую и китайскую цивилизации, Я. Мураками рассматривает как период, в течение которого тенденция интеграции доминировала над силами дифференциации, что, по его мнению, может объяснить очевидную стагнацию этих исторических образований. Тенденция дифференциации вновь возобладала в Европе

примерно в XVI в. в процессе индустриализации. Однако данный процесс, как подчеркивает Я. Мураками, не может осуществляться без некоторого уровня постоянных интегративных усилий (6).

В эпоху индустриализации тенденция дифференциации наиболее отчетливо проявляется в экономической системе, в то время как первоначальным и окончательным рычагом для интеграции выступала политическая система. Именно хронологическая последовательность политической интеграции и индустриального взлета отличает модернизирующиеся общества друг от друга. В связи с этим Я. Мураками выделяет два региональных типа модернизации. Первый тип нашел воплощение в Англии и многих бывших британских «белых колониях», особенно в Соединенных Штатах Америки, где политическая интеграция предшествовала индустриальному взлету. Такая положительная синхронизация обеспечивала, как иллюстрирует пример Англии, наиболее типичный, эволюционный, автономный рост базирующейся на развитых рыночных отношениях индустриализации в относительной гармонии с парламентской демократией. В этом англо-американском случае основной аксиомой для социального развития выступал принцип *laissez-faire*, т.е. невмешательства государства в сферу экономики.

В случае более поздних европейских последователей модернизации типа Германии, Франции, Италии политическая интеграция отставала если не по форме, то по существу от индустриализации. Процесс политической интеграции должен был совпадать с процессом «догоняющей» индустриализации. Соответственно, в этом континентальном варианте государство не только осуществляло прямое вмешательство в экономику с целью ускорения процессов развития, но и развитие самой политической системы неоднократно прерывалось, заканчиваясь в некоторых случаях перестройкой системы (7). В незападных обществах соотношение между политической интеграцией и индустриализацией было, как полагает Я. Мураками, еще менее благоприятным.

Существенное внимание ученый уделяет интеграции на так называемом промежуточном уровне. Дело в том, что любое индустриальное общество по своей природе является крупномасштабным и сложным. Национальное государство создает рамочную структуру, а рыночный механизм и парламентская система выступают в качестве обычных инструментов для координации разнообразных интересов в пределах этой структуры. Однако зачастую данных механизмов оказывается недостаточно, чтобы интегрировать многообразные интересы и мнения. Следовательно, по мнению исследователя, любое крупномасштабное общество нуждается в определенной интеграционной системе на промежуточном уровне (организация между обществом в целом и минимальной базовой единицей вроде семьи).

Хорошо известно, что в доиндустриальных обществах каждая сельскохозяйственная община играла по существу интегративную роль в качестве промежуточной организации. Однако, этим пред-современным организациям преимущественно была присуща аскриптивная ориентированность (то есть они базировались на родственных отношениях или привязке к земле) и «диффузность» (отсутствие специализации). Следовательно, такая промежуточная организация аграрного общества не обладала возможностями модифицироваться в ключевую организацию индустриального общества типа фирмы, бюрократических институтов, которые должны были быть функционально рациональными (то есть ориентированными на достижение) и функционально-специализированными. Другими словами, организационная традиция в большинстве случаев при переходе от традиционного к модерному обществу должна была прерываться.

Японское общество, по мнению Я. Мураками в этом отношении представляло исключение. Японская история разработала уникальную промежуточную организацию — это общность *йэ*, буквально домашнее хозяйство, была диффузной, подобно сельским общинам в других обществах, но в то же самое время для нее была характерна ориентация на достижение. Первоначально *йэ* являлась военной (самурайской) организацией,

возникшей в восточной Японии в XI в. Восточная Япония в то время была пограничной территорией, где контроль со стороны центрального правительства был неэффективным, а большинство земель еще не обрабатывалось. Военные столкновения были частыми, иногда они выражались в восстаниях, направленных против центрального правительства в Киото. Только сплоченная организация, обладающая достаточной способностью к самообороне, а также к производству продовольствия, могла выжить в такой пограничной ситуации. Таким образом, некоторые самураи организовывали свои поместья, объединяя группы людей, составленных из родственников, слуг и крестьян. В подобной организации все члены, включая воинов и крестьян, должны были сотрудничать как в ирригации, так и в военном деле: воины непосредственно управляли сельским хозяйством и особенно ирригационными работами и распределением воды, в то же время крестьяне были заняты в военных действиях в качестве пехотинцев.

«Тесное сотрудничество среди всех членов, от вершины до основания, неполное отделение военных профессионалов от земледельцев, и сильное чувство внутригрупповой однородности являлось характерной особенностью этой японской общности, представляющей контраст по сравнению с европейским аграрным обществом, в котором военные профессионалы (рыцари или феодалы) и крестьяне были уже четко отделены к VIII столетию и феодалы культивировали свой отчетливо отличный образ жизни», — заключает Я. Мураками (8).

Итак, мы коснулись трех проблем, дальнейшая теоретическая и эмпирическая разработка которых сулит расширение познавательных возможностей модернизационного подхода. Углубленное исследование предмодерных состояний создает почву для объяснения многовариантности перехода от традиционного к современному обществу. Внимание к социокультурным факторам и измерениям модернизации обеспечивает углубленное понимание динамики трансформаций. Исследование интегративных механизмов позволит создать более полные реконструкции сложных процессов перехода от традиционного к современному обществу. Использование теоретических возможностей, вытекающих из анализа указанных проблем, придает в целом большую историчность модернизационному исследованию, в рамках которого дихотомическое представление смены традиционности современностью замещается постепенным многовариантным вращением традиционных структур в модерное социальное пространство.

1. Sjoberg G. Folk and "Feudal" Societies // *Political Development and Social Change* / Ed. by J.L. Finkle and R.W. Gable. N.Y.; London, 1966. P. 45—53.

2. Apter D.E. The Role of Traditionalism in the Political Modernization of Ghana and Uganda // *Political Development and Social Change*. P. 66—67.

3. См.: Smelser N. *Toward a Theory of Modernization* // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences*. New York: Basic Books, 1973. P. 268—284; Idem. *The Modernization of Social Relations* // *Modernization. The Dynamics of Growth*. N.Y.; L., 1966. P. 110—121;

4. See: Smelser N. *Toward a Theory of Modernization* ... P. 271; Idem. *Social Change in the Industrial Revolution*. Chicago, 1959. P. 2.

5. Murakami Ya. *Modernization in Terms of Integration: The Case of Japan* // *Patterns of Modernity* / Ed. by S.N. Eisenstadt. London, 1987. Vol. II: *Beyond the West*. P. 65—88.

6. Ibid. P. 73.

7. Ibid. P. 73—74.

8. Ibid. P. 80—81.

*Побережников И.В. Теоретико-методологические проблемы модернизационного подхода - "Проект Ахей"
[//http://mmj.ru/history_theory.html?&article=495&cHash=4274bad196](http://mmj.ru/history_theory.html?&article=495&cHash=4274bad196)

РАЗДЕЛ 3. МЕТОДЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В этом разделе рассматриваются различные методы эмпирического и теоретического уровня исследования. Этому посвящена целая группа статей.

Так в работе П.С. Ревко-Линардато «Методы научных исследований» дается, прежде всего, определение метода как совокупности приемов и операций практического и теоретического освоения действительности. Раскрываются основания общефилософских методов познания, таких как метафизический, рассматривающий предметы и их мысленные отражения как нечто законченное и неизменное, преобладал в науке примерно до XIX века. Научные открытия, сделанные в XIX веке привели к диалектическим идеям и к формированию диалектического метода. Учет связей исследуемой вещи и явлений с другими вещами и явлениями занимает важнейшее место в диалектическом методе, отличая его от метафизического.

В статье М.В. Зеленова раскрываются сущность, формы и функции исторического знания и познания. Он рассматривает методы реконструктивного познания, специально-исторические методы: условно-документоведческий и грамматически-дипломатический, методы текстологии и историко-политического анализа и др.

Особое внимание студентам следует обратить на статью И.Б. Орлова «Новые истории»: от междисциплинарности к претензиям на статус парадигмы», в которой автор критикует некоторые современные исторические методологические изыскания. В тоже время он признает, что современный этап развития исторической науки (и, прежде всего, «новых историй») демонстрирует ряд новых методологических установок.

В частности, постепенно меняется прежняя установка историографии на приоритет текста: в центр историографической операции становится сам историк как субъект исторического познания. Кроме того, при всей специфичности отдельных направлений «новой истории» в территориальном и проблемном плане выработались общие эпистемологические принципы, например, отрицание позитивистского историографического опыта с присущими ему представлениями об истории, пересказывающей содержание источников, акцент на «тотальности» истории, учитывающей все многообразие социальных практик, ставящей в центр исторической реконструкции «рядового» человека и манифестирующей мультикультурность мира и т.п.

Митченков и др. Эпистемология: основная проблематика и эволюция подходов в философии науки *

Методы исследования эмпирического уровня

Наблюдение - это целенаправленное, систематическое, организованное изучение объектов живой социальной реальности с целью получения первичной информации путем регистрации происходящих событий и условий, в которых они произошли. Объектами наблюдения могут выступать отдельный человек, группы людей, общество, феномены культуры и т.п. По нашему мнению, наиболее распространенным объектом наблюдения, т.е. изучения, в социально-гуманитарном познании является текст - «первичная реальность и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины, которая концентрирует все особенности гуманитарного знания и познавательной деятельности...».

Именно текст чаще всего выступает первичным предметом изучения ученого-гуманитария, постигающего заложенные в нем смыслы, значения, ценности с помощью различных исследовательских методов и приемов. Наблюдение в качестве первичного знакомства с текстом призвано установить его достоверность в качестве подлинного источника - предмета исследования, предельно точно определить (прочитать) его содержание, понять смысл, интерпретировать и т.д., что обуславливает необходимость применения социальных методов, о чем пойдет речь ниже.

Эксперимент есть активное и целенаправленное вмешательство в протекание изучаемого процесса, соответствующее изменение объекта или его воспроизведение в специально созданных и контролируемых условиях. Применяется в социологии, психологии, педагогике и др. дисциплинах. Наиболее часто в социально-гуманитарном познании при исследовании социальных, исторических процессов встречается модельный «мысленный» вид эксперимента. Его применение позволяет исследователю заменить отсутствующий объект исследования (социальные процессы уникальны, неповторяемы или труднодоступны ДЛЯ исследования). Модель схожа с оригиналом, благодаря чему становится возможным получать информацию об оригинале, о его существенных свойствах и отношениях. При этом возрастает роль теоретического обоснования отношения подобия между объектом и моделью и возможность экстраполяции на объект (оригинал) полученной информации.

Экстраполяция есть процедура переноса знаний с одной предметной области на другую - ненаблюдаемую и неизученную - на основании некоторого выявленного отношения между ними.

Сравнение - это познавательная операция, выявляющая сходство или различие объектов (либо ступеней развития одного и того же объекта). Применяется практически во всех социально-гуманитарных науках. В психологии этот метод реализуется в двух вариантах:

а) сопоставление различных групп по возрастам, деятельности и другим параметрам - метод поперечных срезов. Поперечные срезы - это совокупность данных о человеке на определенных стадиях его онтогенеза (младенчество, детство, юность и т.п.), полученных в исследованиях соответствующих контингентов;

б) многократное обследование одних и тех же лиц на протяжении длительного времени - лонгитюдный метод (от лат. long - длинный). Длительное систематическое изучение одних и тех же испытуемых позволяет определить возрастную и индивидуальную изменчивость фаз жизненного цикла человека. Лонгитюд широко применяется при изучении возрастной динамики, преимущественно в детском возрасте.

Измерение - совокупность действий, выполняемых при помощи средств измерений с целью нахождения числового значения измеряемой величины в принятых единицах измерения. Обращают на себя внимание серьезные проблемы применения метода измерения в социальных и гуманитарных науках, связанные, с одной стороны, с трудностями сбора количественной информации о социальных, социально-психологических явлениях, моральных качествах человека, художественном мастерстве и т.п., а с другой стороны, проблемы, связанные с вмешательством в исследовательский анализ «вненаучных» ценностных факторов - предрассудков обыденного сознания, религиозного мировоззрения, идеологических или других запретов.

Описание - познавательная операция, состоящая в фиксировании результатов опыта (наблюдения или эксперимента) с помощью определенных систем обозначения, принятых в науке. Методом описания может выступать нарратив (см. ниже).

К специфическим методам социально-гуманитарного познания эмпирического уровня относят:

1. Тестовый метод (популярен в психологии, социологии и педагогике).
2. Интервью (устный опрос) - высказывание людей по каким-либо проблемам с целью изучения их мнений.
3. Анкетирование (письменный опрос) - метод основан на стандартизированных заданиях, результат выполнения которых позволяет измерить некоторые личностные характеристики (знание, умения, память, внимание и т.п.).

Выделяют три основных вида тестов:

а) тесты интеллекта (IQ), направленные на оценку уровня интеллектуального развития: не только мыслительного (понятийного), но и эмоций, внимания, памяти,

воображения и других познавательных функций. По результатам выполнения заданий вычисляется коэффициент интеллекта (IQ).

б) тесты способностей - методы, направленные на оценку возможностей человека в овладении знаниями, умениями и навыками как общего, так и частного характера. В первом случае речь идет об оценке общих способностей (сенсорных, моторных, мнемонических и т.д.), во втором случае - об оценке специальных способностей (математических, музыкальных, художественных и т.д.).

Особый вид способностей представляют творческие способности, совокупность которых называется креативностью (от лат. *creativ* - создание, сотворение). Они выявляются тестами креативности, которые дополняют тесты интеллекта.

в) тесты достижений - тесты оценки уровня овладения знаниями, умениями и навыками в какой-либо конкретной деятельности - школьной, профессиональной, спортивной и т.п. 4.

Свободная беседа «лицом к лицу», является разновидностью опроса.

5. Изучение и анализ документов. Объектами целенаправленного изучения могут выступать письменные источники, бытовой инвентарь, произведения искусства и т.п.

6. Анализ содержания (метод количественного выявления точного содержания сообщений, пропаганды, официальных речей и т.п.) связан с использованием формализованных процедур изучения скрытого содержания и представлением результата в численном выражении.

7. Социометрические методы (составление социограмм, социо- матриц для визуализации и изучения внутригрупповых взаимоотношений). Основаны на групповой оценке личности.

8. Биомедицинские исследования (изучение функциональных параметров организма, состояния здоровья и пр.)

9. Моделирование (проведение деловых игр).

10. Метод репрезентативной выборки из генеральной совокупности (применяется в социологии). Поскольку ученый не в состоянии исследовать популяцию в целом, то он по установленным в статистике требованиям делает из нее определенную выборку. Важнейшим из этих требований, во-первых, является рандомизация, согласно которой любой элемент может быть выбран из популяции с одинаковой вероятностью, что устраняет предвзятость выборки. Во-вторых, репрезентативность выборки, которая должна обеспечить адекватное представление о структуре популяции. Для получения более правдоподобных результатов применяют стратифицированную выборку, для чего вся популяция делится на соответствующие страты или группы, из которых наугад выбираются отдельные индивиды, что обеспечивает включение в состав выборки примерно одинакового процента важнейших групп популяции.

11. Интроспекция (от лат. *смотрю внутрь*) - самонаблюдение. Метод в основном применяется в психологии. Осознанное систематическое наблюдение за действиями и процессами собственной психики с целью выявления ее особенностей. Для преодоления субъективизма самонаблюдение должно сочетаться с внешним наблюдением («со стороны»).

12. Эмпатия (от лат. *вчувствование, проникновение*) - способность представить себя на месте другого человека и понять его чувства, желания, идеи и поступки, т.е. проникновение в переживания других людей. Применяется в герменевтике, психологии и других гуманитарных науках.

13. Метод групповой дискуссии является разновидностью экспертного опроса (носителями информации выступают эксперты). Существует целый ряд форм организации групповой дискуссии. Наиболее известная из них - «мозговой штурм», метод активизации творческого мышления в группе. «Мозговой штурм» («мозговая атака») - коллективная (чаще всего краткосрочная) работа экспертов с целью найти наилучшее решение сложной научной или практической проблемы.

Исследователи отмечают, что ситуация «мозгового штурма» повышает общую производительность его участников при соблюдении следующих правил: 1) сформулируйте проблему в основных терминах, выделив единственный центральный пункт; 2) не объявляйте ложной и не прекращайте исследовать ни одну идею; 3) подхватывайте идею любого рода, даже если ее уместность кажется вам в данное время сомнительной; 4) оказывайте поддержку и поощрение, столь необходимые для того, чтобы освободить участников от скованности.

14. Экспертиза (метод экспертной оценки) - разновидность опроса, в котором главный источник информации - компетентные лица, специалисты - профессионалы в определенной области деятельности.

Экспертный опрос нацелен на уточнение гипотез, пополнение «банка данных», разработку прогноза, проектирование и принятие оптимальных решений.

Повышение объективности экспертных оценок достигается путем тщательного подбора экспертов; повышения ими надежности представляемой информации; создания условий для их продуктивной работы; сохранения информации экспертов без искажения; применения наиболее эффективных способов и приемов обработки экспертной информации и т.п..

15. Метод монографический (от греч. monos - один, единственный и grapho - пишу) - метод, состоящий в том, что данную проблему или группу проблем тщательно и со многих сторон анализируют на одном социальном объекте («случае»), после чего делают гипотетический вывод от этого объекта к более широкой области сходных объектов. Названный метод требует максимально полного описания данного случая как характерного, типичного.

16. Биографический метод - один из методов исследования субъективной стороны общественной жизни индивида, основанный на так называемых личных документах, в которых кроме описания определенной социальной ситуации содержится также личный взгляд пишущего. В социологии различают три основных типа «историй жизни»:

а) полные - очерчивают весь жизненный опыт субъекта, от рождения до смерти;

б) тематические - отличаются от полных тем, что относятся преимущественно к одной стороне или этапу жизни субъекта;

в) отредактированные, в которых ведущую роль играет социолог - интерпретатор.

Разновидностями биографического метода являются автобиография и просопография, т.е. создание коллективных биографий. Иначе говоря, это выявление определенного круга лиц, их дат жизни, социального происхождения, образования, места жительства, рода деятельности, религии и т.п. Например, группы императоров, президентов, Нобелевских лауреатов, звезд шоу-бизнеса и т.п.

17. Проективные методы (в психологии) - способ опосредованного изучения личностных особенностей человека по результатам его продуктивной деятельности. Эти методы позволяют «проявиться личности вовне» и сделать выводы о тех или иных ее «склонностях», о специфике ее психологического развития.

Наиболее известными и давно применяемыми проективными методами являются метод чернильных пятен Роршаха и методика фрустраций Розенцвейга. В первом случае выявляется связь между продукцией воображения и типом личности, во втором - реакция индивида в ответ на травмирующую (фрустрирующую) ситуацию. (Фрустрация - это состояние, вызванное переживанием неудачи, крушением планов).

18. Метод бессловесной коммуникации, основанный на правильном понимании и толковании языка телодвижений индивида, его поз, жестов, мимики лица, интонации голоса, особенностей лексики и т.п. Применяется в социальной психологии, актерском искусстве, психиатрии и т.д.

19. Метод игры (учебная, деловая, ролевая, имитационная, операциональная, управленческая, инструментальная, исследовательская, организационно-деятельностная, детская и др.). Основан на имитации реально существующих или потенциально

реализуемых систем, отношений, гипотез, теорий, правил (норм) деятельности, особенности конкретной личности и т.д. Применяется в детской психологии, этнопсихологии, психологии искусства, психотерапии, педагогике и т.д.

20. Иконография (греч. - изображение, образ и описание) - систематическое изучение и описание изображений каких-либо (чаще всего - религиозных и мифологических) сюжетов или лиц, истолкование их смысла, символики, атрибутов, характерных особенностей. В искусствознании иконография - это описание и систематизация типологических признаков и схем, принятых при изображении каких-либо персоналий или сюжетных сцен - преимущественно в средневековом искусстве с его символикой.

21. Метод датировки и синхронизации (в истории и археологии) - определение возраста источника (памятника) - датировка и установление соотношения во времени разных памятников данной или иной территории (раньше, позже или одновременно). Выделяют две системы датировок - абсолютную и относительную. Первая отвечает на вопрос «когда?», вторая - на вопрос «до или после чего?».

Источники и методы датирования: письменные источники и подписи на предметах; монеты; художественные особенности предметов; дендрохронология (годовые кольца растений, пыльца и т.п.); радиоактивные (радиоизотопные) методы - основные при установлении абсолютного возраста; остаточная намагниченность горных пород и др.

*Митченков и др. Эпистемология: основная проблематика и эволюция подходов в философии науки. Кемерово. 2007.

Методы и средства научного познания*

Методы научного познания

Прежде всего следует отметить, что в науке используются по сути дела обычные приемы рассуждений, которые характерны для любого рода человеческой деятельности и широко применяются людьми в их обыденной жизни.

Речь идет об индукции и дедукции, анализе и синтезе, абстрагировании и обобщении, идеализации, аналогии, описании, объяснении, предсказании, обосновании, гипотезе, подтверждении и опровержении и пр.

В науке выделяются эмпирический и теоретический уровни познания, каждый из которых обладает своими специфическими методами исследования.

Эмпирическое познание поставляет науке факты, фиксируя при этом устойчивые связи, закономерности окружающего нас мира.

Важнейшими методами получения эмпирического знания являются наблюдение и эксперимент. Одно из главных требований, предъявляемых к наблюдению, — не вносить самим процессом наблюдения какие-либо изменения в изучаемую реальность. В рамках эксперимента, наоборот, изучаемое явление ставится в особые, специфические и варьируемые условия, с целью выявить его существенные характеристики и возможности их изменения под влиянием внешних факторов.

Важным методом эмпирического исследования является измерение, которое позволяет выявить количественные характеристики изучаемой реальности.

В науках о человеке, культуре, обществе большое значение приобретает поиск, тщательное описание и изучение исторических документов и других свидетельств культуры как прошлого, так и настоящего. В процессе эмпирического познания общественных явлений широко применяется сбор информации о реальности (в частности, статистических данных), ее систематизация и изучение, а также разные виды социологических опросов.

Вся информация, которая получается в результате применения такого рода процедур, подвергается статистической обработке. Она многократно воспроизводится.

Источники научной информации и способы ее анализа и обобщения тщательно описываются с тем, чтобы любой ученый имел максимальные возможности для проверки полученных результатов.

Однако, хотя и говорят, что «факты — воздух ученого», постижение реальности невозможно без построения теорий. Даже эмпирическое исследование действительности не может начаться без определенной теоретической установки.

Вот как писал по этому поводу И. П. Павлов: «...во всякий момент требуется известное общее представление о предмете, для того чтобы было на что цеплять факты, для того чтобы было с чем двигаться вперед, для того чтобы было что предполагать для будущих изысканий. Такое предположение является необходимостью в научном деле».

Без теории невозможно целостное восприятие действительности, в рамках которого многообразные факты укладывались бы в некоторую единую систему.

Сведение задач науки только к сбору фактического материала, по мнению А. Пуанкаре, означало бы «полное непонимание истинного характера науки». «Ученый должен организовать факты, — писал он, — наука слагается из фактов, как дом из кирпичей. И одно голое накопление фактов не составляет еще науки, точно так же, как куча камней не составляет дома».

Сущностью теоретического познания является не только описание и объяснение многообразия фактов и закономерностей, выявленных в процессе эмпирических исследований в определенной предметной области, исходя из небольшого числа законов и принципов, она выражается также и в стремлении ученых раскрыть гармонию мироздания.

Теории могут быть изложены самыми различными способами. Нередко мы встречаем склонность ученых к аксиоматическому построению теорий, которое имитирует образец организации знания, созданный в геометрии Евклидом. Однако чаще всего теории излагаются генетически, постепенно вводя в предмет и раскрывая его последовательно от простейших до все более и более сложных аспектов.

Вне зависимости от принятой формы изложения теории ее содержание, конечно, определяется теми основными принципами, которые положены в ее основу.

Теории не появляются как прямое обобщение эмпирических фактов. Как писал А. Эйнштейн, «никакой логический путь не ведет от наблюдений к основным принципам теории». Они возникают в сложном взаимодействии теоретического мышления и эмпирического познания реальности, в результате разрешения внутренних, чисто теоретических проблем, взаимодействия науки и культуры в целом.

Теоретики широко применяют в своих исследованиях процедуры моделирования реальных процессов, выводя затем на основе анализа построенных моделей проверяемые эмпирически следствия. Они используют так называемые мысленные эксперименты, в которых теоретик как бы проигрывает возможные варианты поведения созданных его разумом идеализированных объектов. Развитием этого способа теоретического мышления, который впервые стал широко применяться Галилеем, является так называемый математический эксперимент, когда возможные последствия варьирования условий в математической модели просчитываются на современных компьютерных системах.

Большое значение для научного познания и особенно теоретических исследований имеет философское осмысление сложившихся познавательных традиций, рассмотрение образа реальности, изучаемой ученым, в контексте целостной картины мира. Обращение к философии становится особенно актуальным в переломные этапы развития науки.

В истории развития научного познания в целом, а также в отдельных его дисциплинах складывается особый стиль мышления, который определяется наиболее значимыми в этой области теоретическими концепциями и наиболее эффективными конкретными методами эмпирического познания.

Вот что писал по этому поводу М.Борн.

«...я думаю, что существуют какие-то общие тенденции мысли, изменяющиеся очень медленно и образующие определенные философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке. Паули в недавнем письме ко мне употребил выражение «стили»: стили мышления — стили не только в искусстве, но и в науке. Принимая этот термин, я утверждаю, что стили бывают и у физической теории, и именно это обстоятельство придает своего рода устойчивость ее принципам».

Умение вырваться из плена сложившихся стандартов присуще далеко не каждому ученому. Однако без этого невозможно развитие науки. Философское осмысление опыта научного познания позволяет ученым прокладывать новые пути в постижении действительности. Великие достижения науки всегда были связаны с выдвижением смелых философских обобщений и оказывали воздействие не только на отдельные области науки, но и на развитие ее в целом.

Философия содействует не только поиску эффективного описания и объяснения изучаемой реальности, но и ее пониманию. Она способствует выработке у ученого интуиции, позволяющей ему свободно двигаться в интеллектуальном пространстве, актуализируя не только явное, зафиксированное знание, но и так называемое неявное, невербализованное восприятие реальности. Философия выводит работу ученого за грани стандартности и ремесла и превращает ее в подлинно творческую деятельность.

Средства научного познания

Важнейшим средством научного познания, несомненно, является язык науки. Это, конечно, и специфическая лексика, и особая стилистика. Для языка науки характерна определенность используемых понятий и терминов, стремление к четкости и однозначности утверждений, к строгой логичности в изложении всего материала.

В современной науке все большее значение приобретает использование математики. Еще Г. Галилей утверждал, что книга Природы написана языком математики. В полном соответствии с этим утверждением вся физика развивалась со времен Г. Галилея как выявление математических структур в физической реальности. Что касается других наук, то и в них во все возрастающей степени идет процесс математизации. И сегодня это касается уже не только применения математики для обработки эмпирических данных. Арсенал математики активно входит в самую ткань теоретических построений буквально во всех науках.

В биологии эволюционная генетика в этом отношении уже мало чем отличается от физической теории. Никого уже не удивляет словосочетание «математическая лингвистика». Даже в истории делаются попытки построения математических моделей отдельных исторических явлений.

Современное научное исследование немислимо без создания специальных наблюдательных средств и экспериментальных установок. Прогресс научного познания существенно зависит от развития используемых наукой средств.

Первые закономерности в природе были установлены, как известно, в поведении небесных тел и они были основаны на наблюдениях за их движением, осуществляемых невооруженным глазом. Г. Галилей в своих классических опытах с движением шара по наклонной плоскости измерял время по количеству воды, вытекшей через тонкую трубку из большого резервуара. Тогда еще не было часов.

Однако давно прошло время, когда научные исследования могли осуществляться при помощи подручных средств. Галилей прославился в науке не только своими пионерскими исследованиями, но и введением в науку подзорной трубы. И сегодня астрономия немислима без самых разнообразных телескопов, которые позволяют наблюдать процессы в космосе, осуществляющиеся за многие миллиарды километров от Земли. Создание в XX в. радиотелескопов превратило астрономию во всеволновую и ознаменовало собой настоящую революцию в постижении космоса.

Вспомним, какую огромную роль сыграл в развитии биологии микроскоп, открывший человеку новые миры. Современный электронный микроскоп позволяет видеть атомы, которые несколько десятилетий назад считались принципиально ненаблюдаемыми и существование которых еще в начале нашего века вызывало сомнение.

Мы прекрасно понимаем, что физика элементарных частиц не могла бы развиваться без специальных установок, подобных синхрофазотронам. Наукой сегодня активно используются для проведения экспериментов и наблюдений космические корабли, подводные лодки, различного рода научные станции, специально организованные заповедники.

Научные исследования невозможны без наличия приборов и эталонов, которые позволяют зафиксировать те или иные свойства реальности и дать им количественную и качественную оценку. Они, конечно, предполагают разработку специальных средств обработки результатов наблюдения и эксперимента.

При этом особое значение приобретают точные приборы, измеряющие время, расстояние, энергию.

В практику современной науки все шире входит планирование эксперимента и автоматизированное его осуществление.

Революцию в обработке научной информации и ее передаче производит применение компьютера.

*Методы и средства научного познания // Биофайл. Научно-информационный журнал // <http://biofile.ru/his/2036.html>

Методы исследования*

В соответствии с логикой научного поиска осуществляется разработка методики исследования. Она представляет собой комплекс теоретических и эмпирических методов, сочетание которых дает возможность с наибольшей достоверностью исследовать сложные и многофункциональные объекты.

Применение целого ряда методов позволяет всесторонне изучить исследуемую проблему, все ее аспекты и параметры.

Наблюдение — целенаправленное восприятие какого-либо явления, в процессе которого исследователь получает конкретный фактический материал. При этом ведутся записи (протоколы) наблюдений. Наблюдение проводится обычно по заранее намеченному плану с выделением конкретных объектов наблюдения.

Различают наблюдение включенное, когда исследователь становится членом той группы, в которой ведется наблюдение, и не включенное — "со стороны"; открытое и скрытое (инкогнито); сплошное и выборочное.

Наблюдение — это очень доступный метод, но он имеет свои недостатки, связанные с тем, что на результаты наблюдения оказывают влияние личностные особенности (установки, интересы, психические состояния) исследователя.

Методы опроса — беседа, интервью, анкетирование. Беседа — самостоятельный или дополнительный метод исследования, применяемый с целью получения необходимой информации или разъяснения того, что не было достаточно ясным при наблюдении. Беседа проводится по заранее намеченному плану с выделением вопросов, требующих выяснения. Она ведется в свободной форме без записи ответов собеседника. Разновидностью беседы является интервьюирование. При интервьюировании исследователь придерживается заранее намеченных вопросов, задаваемых в определенной последовательности. Во время интервью ответы записываются открыто.

Анкетирование — метод массового сбора материала с помощью анкеты. Те, кому адресованы анкеты, дают письменные ответы на вопросы. Беседу и интервью называют опросом "лицом к лицу", анкетирование — заочным опросом.

Результативность беседы, интервьюирования и анкетирования во многом зависит от содержания и структуры задаваемых вопросов. План беседы, интервью и анкета — это перечень вопросов (вопросник). Разработка вопросника предполагает определение характера информации, которую необходимо получить; формулирование приблизительного ряда вопросов, которые должны быть заданы; составление первого плана вопросника и его предварительная проверка путем пробного исследования; исправление вопросника и окончательное его редактирование.

Особую роль в исследованиях играет эксперимент — специально организованная проверка того или иного метода, приема работы для выявления его эффективности.

Собственно эксперимент — проведение серии опытов (создание экспериментальных ситуаций, наблюдение, управление опытом и измерение реакций).

Трудности экспериментального метода состоят в том, что необходимо в совершенстве владеть техникой его проведения.

Перечисленные методы еще называют методами эмпирического познания. Они служат средством сбора научных фактов, которые подвергаются теоретическому анализу.

Выделяется специальная группа методов теоретического исследования.

Теоретический анализ — это выделение и рассмотрение отдельных сторон, признаков, особенностей, свойств явлений. Анализируя отдельные факты, группируя, систематизируя их, мы выявляем в них общее и особенное, устанавливаем общий принцип или правило. Анализ сопровождается синтезом, он помогает проникнуть в сущность изучаемых явлений.

Индуктивные и дедуктивные методы — это логические методы обобщения полученных эмпирическим путем данных. Индуктивный метод предполагает движение мысли от частных суждений к общему выводу, дедуктивный — от общего суждения к частному выводу.

Теоретические методы необходимы для определения проблем, формулирования гипотез и для оценки собранных фактов. Теоретические методы связаны с изучением литературы: трудов классиков; общих и специальных работ; исторических документов; периодической печати и др.

Изучение литературы дает возможность узнать, какие стороны и проблемы уже достаточно хорошо изучены, по каким ведутся научные дискуссии, что устарело, а какие вопросы еще не решены. Работа с литературой предполагает использование таких методов, как составление библиографии — перечня источников, отобранных для работы в связи с исследуемой проблемой; реферирование — сжатое переложение основного содержания одной или нескольких работ по общей тематике; конспектирование — ведение более детальных записей, основу которых составляет выделение главных идей и положений работы; аннотирование — краткая запись общего содержания книги или статьи; цитирование — дословная запись выражений, фактических или цифровых данных, содержащихся в литературном источнике.

Математические и статистические методы применяются для обработки полученных данных методами опроса и эксперимента, а также для установления количественных зависимостей между изучаемыми явлениями. Они помогают оценить результаты эксперимента, повышают надежность выводов, дают основания для теоретических обобщений. Наиболее распространенными из математических методов являются регистрация, ранжирование, шкалирование. С помощью статистических методов определяются средние величины полученных показателей: среднее арифметическое; медиана — показатель середины; степень рассеивания — дисперсия, или среднее квадратическое отклонение, коэффициент вариации и др. Для проведения этих подсчетов имеются соответствующие формулы, применяются справочные таблицы.

Результаты, обработанные с помощью этих методов, позволяют показать количественную зависимость в виде графиков, диаграмм, таблиц.

Методы научных исследований

Научный метод – это система правил и предписаний, направляющих человеческую деятельность (производственную, политическую, культурную, научную, образовательную и т.д.) к достижению поставленной цели.

Если методология – это стратегия научных исследований, обеспечивающих достижение цели, сформулированной в гипотезе предполагаемых научных результатов (генеральный путь познания), то метод – это тактика, показывающая как лучше всего идти этим путем.

Метод (гр. *methodos*) это способ познания, исследования явлений природы и общественной жизни; прием, способ и образ действий.

Метод — путь исследования, способ достижения какой-либо цели, решения конкретных задач. Это совокупность подходов, приемов, операций практического или теоретического освоения действительности.

Методология и методы исследования

Метод научного исследования – это способ познания объективной действительности. Способ представляет собой определенную последовательность действий, приемов, операций.

В зависимости от содержания изучаемых объектов различают методы естествознания и методы социально-гуманитарного исследования.

Методы исследования классифицируют по отраслям науки: математические, биологические, медицинские, социально-экономические, правовые и т.д.

В зависимости от уровня познания выделяют методы эмпирического, теоретического и метатеоретического уровней.

К методам эмпирического уровня относят наблюдение, описание, сравнение, счет, измерение, анкетный опрос, собеседование, тестирование, эксперимент, моделирование и т.д.

К методам теоретического уровня причисляют аксиоматический, гипотетический (гипотетико-дедуктивный), формализацию, абстрагирование, общелогические методы (анализ, синтез, индукцию, дедукцию, аналогию) и др.

Методами метатеоретического уровня являются диалектический, метафизический, герменевтический и др. Некоторые ученые к этому уровню относят метод системного анализа, а другие его включают в число общелогических методов.

В зависимости от сферы применения и степени общности различают методы:

1) всеобщие (философские), действующие во всех науках и на всех этапах познания;

2) общенаучные, которые могут применяться в гуманитарных, естественных и технических науках;

3) частные – для родственных наук;

4) специальные – для конкретной науки, области научного познания

*Сластенин В., Исаев И. и др. Педагогика: Учебное пособие
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/slast/06.php

Ревко-Линардато П.С. Методы научных исследований*

Метод (греч. *μέθοδος* – способ, путь к чему-либо) означает совокупность приемов и операций практического и теоретического освоения действительности. Метод предоставляет систему принципов, требований и правил, руководствуясь которыми исследователь может достичь намеченной цели. Владение методом подразумевает знание того, каким образом и в какой последовательности совершать те или иные действия для решения тех или иных задач. При этом, в методе всегда отражено знание о предмете исследования. Применение методов может быть стихийным, а может быть сознательным. Только осознанное применение методов, связанное с пониманием их возможностей, границ, делает научную деятельность, при прочих равных условиях, более эффективной.

Следует отметить, что сами по себе методы не определяют успех научного исследования. Он лишь дисциплинирует поиск истины, служит своеобразным компасом в ходе научного познания.

Понятие методология (греч. μεθοδολογία) дословно означает «учение о методах». С развитием науки, техники, производства, возрастанием в социальной деятельности роли умственных операций произошло выделение методологии в специальную область знания.

Методология представляет собой систему принципов, устанавливающих наиболее эффективные способы приращения и практического применения знаний. Изучая закономерности познавательной деятельности, методология вырабатывает методы ее осуществления. Методология занимается изучением происхождения, сущности, эффективности и других характеристик методов познания.

Определение и обоснование методов необходимы для своевременного избавления на каждом этапе развития научного знания от старых и выработки новых методов познания, которые соответствуют современному уровню освоения мира.

Общеподилософские методы познания

Философия дает наиболее общую картину мира, которая служит предпосылкой и условием для разработки частнонаучных картин мира в качестве универсальной онтологической установки. Благодаря философии становится возможным увидеть место и роль частнонаучных представлений, вписать их в качестве необходимых элементов общей картины мира. Кроме того, философия дает исследователю знание, исходные ориентиры об общих закономерностях самого познавательного процесса, путях и формах постижения истины. Частные науки тоже осуществляют процесс познания, но ни одна из них не имеет предметом изучения закономерности, формы и принципы познания в целом. Этими и вопросами занимается философия (гносеология), конечно, опираясь на данные других наук, анализирующих отдельные стороны познавательного процесса.

Философия разрабатывает всеобщий, мировоззренческий метод, который адекватен широте ее содержания. Общеподилософские (всеобщие) методы в истории познания разделяются на две группы: метафизические и диалектические.

Метафизический (греч. Μετα φυσικά – то, что после физики) метод, рассматривающий предметы и их мысленные отражения как нечто законченное и неизменное, преобладал в науке примерно до XIX века. Метафизический метод тяготеет к абсолютизации какой-либо определенной стороны процесса познания или любого элемента целого.

Первоначально слово «метафизика» использовалось для обозначения сборника трактатов Аристотеля, посвященных рассмотрению «первых причин». В издании работ Аристотеля, подготовленном позже Андроником Родосским, эти трактаты были расположены после (μετά) «Физики» (φυσικά), отчего и получили своё название. В эпоху просвещения, метафизика начинает систематически рассматриваться как особый способ понимания мира.

Метафизичность мышления многих ученых, не учитывающих реальные взаимосвязи, существующие между объектами материального мира, приводила к ряду трудностей в научном познании. Научные открытия, сделанные в XIX веке привели к диалектическим идеям и к формированию **диалектического** метода.

Учет связей исследуемой вещи и явлений с другими вещами и явлениями занимает важнейшее место в диалектическом методе, отличая его от метафизического. Слово «диалектика» (греч. διαλεκτική – искусство спорить, вести рассуждение) первым применил Сократ, для обозначения действия человека, выражающегося в умении вести разговор. Появление этого термина связано с развитием полисной демократии, требующей для достижения успеха в общественных делах умения вести дискуссию, доказывать и обосновывать свою позицию. Сократ, а вслед за ним Платон понимали под диалектикой диалог, содержащий логические операции разделения и соединения понятий, что

осуществляется с помощью вопросов и ответов. В результате происходит определение содержания понятий. Не случайно работы Платона, главным действующим лицом которых был Сократ, написаны в форме диалогов. В греческой философии стихийно-диалектические идеи развивал Гераклит. Им было понято движение как универсальное свойство природного и социального бытия. Гераклит считал, что мир находится в постоянном движении, противоречив, а потому должен рассматриваться в единстве противоречий (показательны в этой связи его фразы «Все течет, все меняется», «Нельзя войти в одну и ту же реку дважды»). разделяли, Эпикур, Лукреций Кар и др.).

Значительный вклад в развитие диалектики внесли атомисты (Левкипп, Демокрит) представители Элейской школы (Парменид, Зенон). На основе диалектики Гераклита и элеатов возникла диалектика софистов. Целостная концепция диалектики была разработана в рамках немецкой классической философии. Основная заслуга в разработке диалектики как системы принципов, законов и категорий принадлежит Георгу Гегелю. Он представил весь мир как процесс, непрерывное движение, изменение и предпринял попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения. Гегель впервые противопоставил метафизику и диалектику как два различных метода. В XIX веке наметилась тенденция перехода научных исследований от познания вещей и явлений к изучению связей и процессов что потребовало развития диалектического метода.

Если метафизический метод рассматривает вещи и явления изолированно друг от друга, то диалектический метод исходит из того, что причина вещей и явлений – взаимодействие противоположностей. Согласно диалектике, источник развития находится в самих вещах или явлениях.

Диалектика функционирует не в виде жесткой и однозначной совокупности норм, и приемов, а в качестве гибкой системы всеобщих принципов и регулятивов человеческой деятельности.

Диалектика включает в свое содержание принципы, законы и категории, которые отражают взаимосвязь и противоречия действительности. Как метод диалектика представляет собой систему регулятивных принципов, ориентирующих человека в его познавательной деятельности на рассмотрение действительности в качестве процесса постоянного становления.

Диалектические принципы играют важнейшую роль в современных научных исследованиях. Прежде всего, рассмотрим **принцип историзма** (развития). Этот принцип базируется на представлениях о сущности развития, о прогрессе, синтезировании, взаимосвязи качества и количества, причинности и т.д. Историзм является исходной диалектической идеей, с осознания которой началась разработка диалектики. Данная идея позволяет увидеть мир в постоянном движении, приводящем к качественным изменениям различной направленности (прогрессивной или регрессивной).

Принцип историзма утверждает непрерывность изменения, преобразования и развития всех предметов и явлений, их перехода от одних форм и уровней к другим. Не случайно, в ряде случаев диалектику определяют как науку о движении, изменении и развитии бытия и познания. В принципе историзма заключено требование к исследователю рассматривать материальные системы в их динамике, развитии. Все материальные системы необходимо рассматривать во временном их аспекте. Только изучив прошлое интересующего нас объекта или явления, историю его возникновения и формирования, можно понять его современное состояние и прогнозировать его будущее.

Другой важнейший принцип диалектического метода – **принцип объективности**. Важность ориентации на объективность впервые была зафиксирована еще в античной философии. Сегодня объективность – важнейшая установка познания. Исследователь, постигая через явления сущность, должен руководствоваться принципом объективности. В ходе научного исследования необходимо осознанно руководствоваться этой установкой, поскольку в повседневной жизни человек постоянно имеет дело с мнениями, ссылками на недостоверные (ненаучные) данные.

Требуется отказаться в процессе познания от личных пристрастий, симпатий и антипатий. Принцип объективности нацеливает на обеспечение тождества знаний и познаваемого объекта, то есть действительности, существующей независимо от человеческой воли и сознания. Ученый должен уметь отстраниться от устоявшихся, традиционных, но устаревших взглядов на предмет исследования.

Конечно, невозможно абсолютно отрешиться от субъективного в познании, от присутствия в той или иной степени субъекта в объекте.

Именно поэтом все наши знания носят объект-субъектный характер, содержат в себе определенный момент относительности.

Научное познание невозможно без учета **принципа детерминизма**. Детерминизм (лат. *determino* – определяю) является одним из наиболее выраженных интенций научного познания, явно или косвенно участвующим в регуляции научного поиска.

Детерминизм – это учение о всеобщей обусловленности объективных явлений, в основе которого лежит их универсальная взаимосвязь.

Таким образом, основанием философского детерминизма служит учение о причинной обусловленности всех объективных явлений.

Причинная связь (причинное отношение) является отношением между двумя явлениями (событиями), одно из которых выступает в качестве причины, а другое в качестве следствия. При наличии определенных условий причина с необходимостью порождает следствие.

Общенаучные методы познания

Общенаучные методы направляют процесс познания во всех науках, то есть имеют междисциплинарный спектр применения.

Классификация общенаучных методов связана с понятием уровней научного познания: одни общенаучные методы относятся к эмпирическому уровню познания, другие – к теоретическому уровню познания, некоторые имеют отношение и к эмпирическому, и к теоретическому уровням. Конечно, общенаучные методы научного познания на всех уровнях тесно взаимосвязаны между собой. В основе их взаимодействия лежит единство эмпирической и теоретической сторон.

*Ревко-Линардато П.С. Методы научных исследований: Учебное пособие. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2012.

Зеленов М.В. Сущность, формы и функции исторического знания и познания*

Историческая наука (история) может рассматриваться 1) как форма общественного сознания, 2) как социальный институт.

С точки зрения формы общественного сознания историческая наука представляет собой, во-первых, один из способов познания мира, которому свойственны специфические методы, во-вторых, область научного знания о процессах и закономерностях развития.

Среди других форм общественного сознания выделяется и *историческое сознание*, т.е. совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии.

При рассмотрении исторической науки как социального института на первый план выходят другие ее составные: институты исторической науки (исторические общественные организации, Академия Наук), группы ученых (востоковеды, медиевисты, ученые ленинградской школы), система исторического образования (средняя школа – исторический факультет университета – аспирантура) и т.п.

Историческое познание – форма отражения исторической действительности. Существуют различные уровни познания – мышление, эмпирическое, теоретическое.

На первом уровне (этапе) познания, историк изучает различные источники для выявления в них фактов.

Методы реконструктивного познания разнообразны и включают в себя как методы конкретно-проблемного (специально-исторического) исследования, так и методы обще-научного исторического исследования.

Основной задачей исторического познания является получение знания, которое зафиксировано в источнике, а также на получение нового знания, которое в нем непосредственно не зафиксировано.

К специально-историческим методам относятся:

- *условно-документоведческий и грамматически-дипломатический методы*, т.е. методы членения текста на составные элементы, применяются для изучения делопроизводства и делопроизводственных документов.

- *методы текстологии*. Так, например, логический анализ текста позволяет интерпретировать различные «темные» места, выявить противоречия в документе, существующие лакуны и т.п. Применение этих методов дает возможность выявить недостающие (уничтоженные) документы, реконструировать различные события.

- *историко-политический анализ* позволяет сопоставить сведения различных источников, воссоздать обстоятельства политической борьбы, породившие документы, конкретизировать состав участников, принявших тот или иной акт.

Есть и другие специальные методы исторического анализа и синтеза.

К методам общеисторического научного исследования относятся:

- *Историко-генетический (ретроспективный) метод* позволяет показать причинно-следственные связи и закономерности развития исторического события (явления, структуры). Он заключается в последовательном проникновении в прошлое с целью выявления причин каких-либо фактов, событий, явлений. Историко-генетический метод применяется и для выявления соотношения субъективного, личностного фактора в историческом развитии и объективных факторов (логики политической борьбы, экономического развития и т.п.).

- *проблемно-хронологический метод* предполагает расчленение широких тем на ряд узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности. Этот метод используется как при изучении материала (на первой стадии анализа, совместно с методами систематизации и классифицирования), так и при его компоновке и изложении внутри текста работы по истории.

Методы эмпирического исторического познания относятся к методам общеисторического исследования:

- *историко-сравнительный метод* (в сочетании с методом отождествления, аналогии как логической основы этого метода) позволяет выявить как общие, так и особенные черты в развитии разных событий, явлений, структур.

- *историко-типологический метод* позволяет упорядочить предметы изучения по качественно различным типам (классам) на основе присущих им существенных признаков. Типологизация по форме является разновидностью классификации, но позволяет выявить существенные признаки предмета. Основой метода является понимание взаимосвязи единичного, особенного, общего и всеобщего в историческом процессе.

- *метод периодизации* позволяет выделить ряд этапов в развитии различных общественных, социальных явлений. Критерии периодизации в каждом случае могут выдвигаться различные.

- *структурно-диахронный метод* направлен на изучение разновременных исторических процессов. Применение этого метода позволяет выявить продолжительность, частоту различных событий, а также динамику развития различных элементов сложной системы.

Понятие «*историческая теория*» до сих пор является спорным и неустоявшимся в научной и философской литературе. И все-таки, историческими теориями являются те, которые 1) фиксируют различия в системах, 2) указывают на переходы от системы одного

качества к другой (например, закон развития общественно-исторических формаций), 3) теории, содержащие законы исторической науки.

К *методам теоретического познания* может быть отнесен *метод моделирования* (хотя он не является собственно историческим).

Историческое знание – проверенный практикой и обоснованный логикой результат процесса исторического познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий.

Историческое знание условно можно разделить (по способам познания) на три уровня.

1) *реконструктивное знание* - фиксация исторических фактов в хронологической последовательности, - формируемое в процессе реконструктивной деятельности историка. В ходе этой деятельности (как правило, с применением специальных исторических методов – текстологических, дипломатических, источниковедческих, историографических и т.п.) историк устанавливает исторические факты. Реконструктивное знание, реконструктивная картина прошлого создается в виде нарратива (рассказа, повествования) или же в виде таблиц, схем.

2) *эмпирическое историческое знание* - знание о регулярностях и взаимосвязях между различными фактами, явлениями, процессами - является результатом обработки реконструктивного. Его целью является выяснение повторяемости в процессе исторического развития. В ходе такого исследования историк устанавливает факты более высокого уровня – эмпирические (открытые регулярности – сходные признаки процессов, типологию явлений и т.п.).

3) *теоретическое историческое знание* - знание о типологии и повторяемости, регулярности фактов, явлений, процессов, структур - объясняет эмпирические факты в ходе теоретического познания. Задачей теоретического знания является формулирование теории, т.е. выявление законов исторического развития (но не функционирования. Так, например, политология изучает законы функционирования государственных институтов, а история – законы их развития. Экономика изучает законы функционирования экономических систем, а история – законы их развития. И т.п.). Функцией исторической теории является объяснение регулярностей исторического процесса, моделирование его развития.

Иногда место теории может занимать идеологическая конструкция, но это не имеет отношения к науке.

Поскольку историческое познание и знание являются формами социального сознания, то их функции (т.е. задачи, методы и результаты) социально обусловлены. К функциям исторического познания относят:

- потребность формирования социального самосознания,
- удовлетворение потребности в социальном воспитании,
- потребности в политической деятельности и самой политики,
- потребности объяснения, предвидения и предсказания будущего.

Методология исторического исследования является объектом внимания как историков, так и философов. Слово методология обозначает учение (понятие) о системе принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности.

В российской историографии сложилось понимание методологии как

- описание объекта и предметов (различных сторон объекта) исторического исследования,

- выяснение цели изучения,
- постановки проблем и задач,
- раскрытие источников поставленных задач,
- историографическое обоснование задач исследования,
- описание инструментария (методов, процедур установления знания),

- описание самого знания, т.е. дефиниций, используемых в исследовании.

Необходимо отметить, что в современной западной историографии понятие «методологии» замыкается или на «техническом» применении методов, или на «философии истории».

*Зеленов М.В. Сущность, формы и функции исторического знания и познания. Методы изучения истории. Классификация источников. В помощь студентам и аспирантам // <http://www.opentextnn.ru/history/?id=1943>

Орлов И. Б. «Новые истории»: от междисциплинарности к претензиям на статус парадигмы*

«Каждое поколение открывает для себя свои горизонты, заявляя об их «новизне» ... однако, эти перспективы могут быть расширены, а притязания на новизну умерены, если опереться на знания предшественников (или пренебречь ими)» (Дональд Р. Келли, американский политолог).

«Впервые столкнувшись с ... новой историей, я думала, что понимаю, о чем идет речь. Сейчас у меня нет такой уверенности» (Гертруда Химмельфарб, американский историк)

Проблемы трансформации исторической науки тесно связаны с общим ходом развития научного знания вообще и гуманитаристики, в частности. Происходящие в науке процессы демонстрирует две противоположных, на первый взгляд, тенденции. С одной стороны, усиливается специализация различных дисциплин, а с другой стороны, очевидны отказ от дисциплинарной «чистоты» и стремление к научному синтезу. При этом каждое новое направление приходит под лозунгом «большей научности» в объяснении тех или иных явлений природы и общества.

История науки свидетельствует о том, что не существует единого для всех отраслей научного знания вектора развития. С одной стороны, их развитие подчиняется некой внутренней логике, а с другой, научные дисциплины по-разному реагируют на внешние вызовы. В этом плане показателен опыт исторической науки, когда профессионализация и укрепление дисциплинарного суверенитета сопровождалась падением общественного престижа и, в силу этого, 86 снижением интереса со стороны властей [1]. А ведь совсем недавно ни одно идейное направление или движение не обходились без «своей» истории [2].

Усиление в последние годы дробления исторических дисциплин объясняется, помимо постмодернистского влияния, результатом указанной профессионализации [3]. Семейство «новых историй» [4] (политической, экономической, социальной и интеллектуальной) пополнилось за счет «новой культурной», «новой локальной», «новой культурно-интеллектуальной» и прочих исторических субдисциплин [5]. Звучат даже предложения обозначить сложившийся историографический феномен как «новую новую» или «новейшую историю» [6]. Но, одновременно, наметилась тенденция к объединению всех этих направлений, прежде всего, в рамках расширительно трактуемой «новой социальной истории» [7]. Тем самым актуализируется высказанная еще Люсьеном Февром мысль о том, что «существует история как таковая во всей своей целостности» [8]. Эпистемологические поиски способствовали формированию полидисциплинарной теории знания о Человеке, открывающей возможность выходить за пределы узко дисциплинарных дискурсов. В свою очередь, процессы интеграции и дезинтеграции исторического знания оказываются взаимосвязаны в силу того, что расширение интеграционного поля является следствием и итогом растущей научной специализации [9].

Но независимо от того, какими видятся пути развития исторического знания, современные приверженцы «новой истории» все чаще высказываются в пользу того, чтобы считать ее современный этап временем новой научной парадигмой. Какие же аргументы приводятся в пользу парадигмального сдвига, связанного с современным

состоянием «новых историй»? Во-первых, наличие кризиса исторической науки, связанного с появлением целого ряда необъяснимых с позиций традиционного исторического знания фактов, и формирование альтернативных теорий. Во-вторых, формирование локальных научных сообществ и появление признанных авторитетов, выступающих движущей силой развития и продвижения в научное сообщество новых идей. В-третьих, наличие качественных изменений в структуре научных знаний. 87

Напомним, что категория «парадигма» (от греческого *παράδειγμα* - пример, модель, образец) означает совокупность явных и неявных предпосылок, определяющих научные исследования и признанных на данном этапе развития науки. Во всех сложившихся научных дисциплинах существует свой «своеобразный эталон», который как трафарет накладывается на реальный объект [10]. Другими словами, парадигма - это то, что объединяет членов научного сообщества, которое, в свою очередь, состоит из людей, признающих определенную парадигму [11].

Посмотрим, так ли это?

Ведь в начале XX в. переход от нарратива «старой» истории к интерпретационной парадигме исторического исследования уже расценивался как «коперниканский» переворот в историографии. Еще в 1912 г. американский историк Джеймсон Робинсон в книге «Новая история: этюды, иллюстрирующие перспективу в современной истории» манифестировал наступление эры «новой» истории, понимаемой им как история «обыденного человека» [12].

Но пионером «новой истории» и ее признанным лидером стала Франция, где предтечами нового направления выступили Анри Берр с его «Журналом исторического синтеза» (1900) и Марк Блок и Люсьен Февр с «Анналами экономической и социальной истории» (1929).

Именно в рамках школы «Анналов» «новая история» оформилась институционально и получила свое эпистемологическое и методологическое выражение. Более того, исторические институты Франции стали признанными центрами междисциплинарного сотрудничества и перестройки структуры гуманитарного знания, как в стране, так и за ее пределами [13]. Сторонники «новой исторической науки» (или «новой социальной истории»), исходя из идеи единства гуманитарных и социальных наук, отводили истории особое положение аналитической дисциплины [14].

Французская «новая историческая наука» 1970-1980-х, при всей своей специфичности, как по своему происхождению, так и многими исследовательскими подходами связана со школой «Анналов».

Характерный для анналистов междисциплинарный подход включал теперь не только социологию и психологию [15], но также демографию, этнографию, антропологию и лингвистику. На первый план в исследованиях представителей школы «Анналов» третьей 88 волны (Жак Ле Гофф, Жорж Дюби, Мишель Вовель), в противовес лишенной человека глобальной истории Фернана Броделя, выдвинулись «антропологическая история» и «история ментальности». Но с 1980-х гг. появилась новая плеяда историков во главе с Аленом Буро и Роже Шартье, ревизующих воззрения их предшественников. В частности, не отрицая роли изучения ментальности при разработке «тотальной» истории, Буро в качестве главной задачи новой «специальной истории ментальностей» выдвинул изучение того, как общие представления превращаются в индивидуальные. Впрочем, сам историк не претендует на лавры основателя нового исследовательского направления, считая, что основные идеи могут быть отнесены к творчеству Эрнста Кассирера и Мишеля Фуко. В свою очередь, Шартье для преодоления эпистемологических трудностей, предлагает анналистам отказываться от проекта глобальной истории. Он отказывает текстам в смысловой универсальности в силу множественности культурных дифференциаций и традиций чтения. В силу этого главным инструментом социально-культурного анализа становятся представления людей, рождаемые из потребности сделать это общество «менее непрозрачным» и более доступным для восприятия [16]. То есть

представители школы «Анналов» четвертой волны не высказывают претензий не только на парадигмальный сдвиг, но даже на тотальность объяснительных конструкций, которая всегда была одним из основополагающих принципов историзма «новой истории», наряду с проблемностью и открытостью.

На рубеже 1970-80-х гг. в русле «новой истории» формируется новая исследовательская стратегия культурной истории и исторической антропологии, выдвинувшая на первый план изучение культурного механизма социального взаимодействия в разных областях жизни социума и способов репрезентации исторической реальности. В свою очередь, разграничение между реальностью и ее осмыслением стимулировало развитие такого направления как «интеллектуальная история» с ее интересом к социальным навыкам мышления и миру воображения [17]. Но в общих чертах данная методологическая ориентация присутствовала уже у основателей школы «Анналов», в силу чего не может претендовать на статус новой историографической парадигмы. 89

Более того, сегодня «новая история», наряду с другими формами профессионального языка, снова апеллирует к историческому нарративу [18], хотя и на ином уровне аналитических возможностей и профессионального сознания. В частности, озвучиваются претензии на разработку нового варианта «исторического реализма», основанного на дискурсивной природе человеческой жизни. Например, «реабилитация» политической истории поставила в исследовательский фокус «человека в политике» и проблемы власти как таковой и, прежде всего, ее символики и знаковых систем. «Новые» политические историки считают, что политика, как лингвистически сконструированный феномен, может быть познана только через языковые формы. Да и в рамках «новой истории» в целом расширяется сфера политических исследований, интерпретируемых как социолого-политический, лингво-политический или семиотико-политический анализ общества [19]. А с середины 1990-х гг. отчетливо проступила еще одна тенденция, заключающаяся в отходе от радикальных лингвистических и культурологических позиций.

Возвращаясь к вопросу о том, имеем ли мы дело с формированием новой исторической парадигмы, отметим наличие широкого спектра альтернативных теорий, концепций и направлений: социальная, антропологическая, устная, ментальная, ангажированная, эмпирическая, клиометрия, популистская, психоистория, макроистория, микроистория, гендерная, специфические формы: «черная», этническая, сексуальная и пр.

Но ни одно из них не выполняет той интегрирующей роли, на которую оказались способны в свое время французская школа «Анналов», американская «социальная научная история» или немецкая *Gesellschaftsgeschichte* (Билефельдская школа). Отчасти это вызвано сложностью научного языка (постмодернистского и деконструктивистского) «новых историй», частично - дроблением предмета истории. Чрезмерное разветвление исторических исследований («тоннельная история»), на практике ведет к тому, что некоторые темы и проблемы (например, история чихания или курения) выглядят как случайные. Все большая специализация исторического знания угрожает потерей связей между историками, работающими с различными эпохами и странами. Тем самым барьеры и расстояния между отдельными историческими субдисциплинами увеличиваются, а перспективы «тотальной истории» становятся все более туманными.

Кроме того, одно из главных методологических достоинств «новой истории» - установка на междисциплинарный синтез – делает ее объектом методологической «агрессии» других наук, что, в свою очередь, размывает границы профессиональной историографии и препятствует реализации собственного интеграционного потенциала.

Специфично (хотя и объяснимо постмодернистским дискурсом) понимание «новой историей» междисциплинарного подхода как артефакта культуры и характеристики состояния интеллекта, что лишает сам подход инструментальности. В итоге, в «новой исторической науке», по сей день, отсутствует общая теория исторического процесса.

И, наконец, нередко в новых концептах современных направлений исторического знания можно увидеть «давно забытое» (или даже не забытое) «старое». Например, активно пробивающая собственный путь на историческом поле «новая локальная история» ориентирована на снятие традиционного противопоставления между «главным» и «периферийным» в исторических исследованиях, когда историей становится буквально всё. При этом «исторический ландшафт» историк обязан выстроить сам [20]. Но изменение исследовательского масштаба (причем, не только размеров, но и формы, и содержания объекта исследования) является принципом и сущностной чертой микроистории. Именно микроисторики впервые обратились к поведенческой сфере, социальному опыту и групповым идентичностям. Также они изменили саму процедуру анализа: текст не помещался в некий глобальный контекст, а реконструировалось множество контекстов [21].

Таким образом, претензии «новых историй» на статус новой парадигмы далеко не всегда обоснованы. Очевидно, что сегодня отсутствует общий историографический проект, способный объединить значительное число историков из разных стран. Нет и фигур, подобных Леопольду фон Ранке или Фернану Броделю, способных возглавить новое историческое сообщество. Также вряд ли развитие «междисциплинарных исследований» само по себе приведет к созданию некой «междисциплинарной истории».

Однако следует признать, что современный этап развития исторической науки (и, прежде всего, «новых историй») демонстрирует ряд новых методологических установок. В частности, постепенно меняется прежняя установка историографии на приоритет текста: в центр историографической операции становится сам историк как субъект исторического познания [22]. Кроме того, при всей специфичности отдельных направлений «новой истории» (в территориальном и проблемном плане) выработались общие эпистемологические принципы:

во-первых, отрицание позитивистского историографического опыта с присущими ему представлениями об истории, пересказывающей содержание источников. «Истории-повествованию» противопоставлена «история-проблема», нацеленная на реконструкцию скрытых в источниках представлений, стереотипов поведения и социально-психологических установок;

во-вторых, акцент на «тотальности» истории, учитывающей все многообразие социальных практик, ставящей в центр исторической реконструкции «рядового» человека и манифестирующей мультикультурность мира;

в-третьих, конституирование нового принципа исторической хронологии, в основу которой положены открытие различных ритмов временных изменений и датировка исторических феноменов с точки зрения их продолжительности и эффективности функционирования;

в-четвертых, необходимость междисциплинарности в рамках наук о человеке при определяющей роли истории;

в-пятых, сохранившееся позитивистское убеждение в сходстве истории с социальными науками, всегда видевшими образец в естествознании, и уверенность в способности истории «предвидеть» будущее с помощью прогнозов и даже предсказаний [23].

Следует признать, что «новая историческая наука» сегодня стала влиятельным и в научном отношении многообещающим направлением. Все это, вместе взятое, позволяет говорить, что у «новой истории» есть серьезный потенциал (институциональный, организационный и интеллектуальный) для формирования общей системы подходов, принципов источниковедческого и историографического анализа, и исследовательского инструментария.

Только в таком виде (а не в качестве собирательного наименования) все богатство представленных в ней направлений и центров способно объединить значительную часть исторического сообщества, рассыпанного на отдельные интеллектуальные группы,

«варящиеся в собственном соку». Местом «сборки» может выступить именно историографическая «площадка», так как только непредвзятый историографический анализ сложившейся на историческом «рынке» ситуации позволит выявить наметившиеся точки соприкосновения и возможного субдисциплинарного диалога.

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. – М., 2003. –С. 8-10.

2. Подробнее по этому вопросу см.: Орлов И.Б. Социогуманитарное знание на распутье: истина, власть или бизнес? // Российская гуманитарная наука: генезис и состояние. Материалы научного семинара. Вып. 2. – М., 2007. – С. 187-189.

3. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры: Пер. с англ. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 363.

4. С 1980-1990-х гг. все чаще для обозначения всех направлений, так или иначе оппозиционных позитивизму, используется собирательное понятие «новая история».

5. Так, экзистенциальные переживания отдельных людей, которые прежде находились в тени истории, стали главным объектом изучения формирующейся «новой социокультурной истории».

6. Олабарри И. «Новая» новая история: структура большой длительности // Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. –Х., 2004. – Вып. 2. – С. 176, 183-184.

7. Наглядным примером может служить изменение в 1994 г. подзаголовка журнала «Анналы» с «Экономики. Общества. Цивилизации» на новый – «История - социальная наука», что издатели объясняют расширением проблематики за счет более основательного обращения к политике и проблемам современности.

8. Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 71.

9. Движение к «человеку» и «тотальность» подхода к его изучению в разных дисциплинах гуманитарного цикла во второй половине столетия привели к утверждению новых научных направлений (этологии, семиологии и др.), развитию междисциплинарности (историческая антропология, историческая психология, историческая социология и пр.) и обновлению на уровне проблематики традиционных наук («новые науки»).

10. Лефевр В.А. Рефлексия. – М.: «Когито-Центр», 2003. – С. 96.

11. При этом сам термин «парадигма» сохраняет свою многозначность. Так, в грамматике он обозначает «слово, служащее образцом склонения или спряжения», а в риторике - «пример, взятый из истории и приведенный с целью сравнения». В лингвистике Фердинанд де Соссюр обозначал этим понятием класс элементов, имеющих схожие свойства. В философии и социологии науки с конца 1960-х гг. в термин «парадигма» стали использовать для обозначения исходной концептуальной схемы, модели постановки и решения проблем, а также ведущей теории науки. В методологии науки парадигма трактуется как совокупность ценностей, методов, подходов, технических навыков и средств, принятых в научном сообществе в рамках устоявшейся научной традиции в определенный период времени. Томас Кун вообще предлагал рассматривать парадигму в качестве целого мировоззрения.

12. Ястребицкая А.Л. «Новая история» // Культурология. XX век. Энциклопедия в 2-х тт. Т. 2. – СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 92-94

13. Но распространение «новой истории» во всех европейских странах и США не было простым копированием французской историографии. Не отрицая влияния «Школы Анналов» на национальные историографии, можно констатировать наличие собственных историографических традиций и даже школ. В качестве состоявшихся можно отметить Билефельдскую школу социальной истории, Кембриджскую группу по истории народонаселения и социальных структур, Институт истории Макса Планка в Гейдельберге и пр.

14. Ястребицкая А.Л. Указ. соч. – С. 91.

15. Если Л. Февр отдавал предпочтение психологии, то М. Блок опирался на социологическую традицию.
16. См.: Историческая наука второй половины XX века (1945 – середина 1990-х гг.) [Электронный ресурс] // История США в МГУ. URL: http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/dementyev/part2/part2_vv.htm
17. При этом исторический мир воссоздается с помощью воображения историка и, воссозданный, исследуется вновь как собственно историческая реальность.
18. Вспомним, что под влиянием постмодернистской эпистемологической революции 1970-х годов «новая» история отвергла как основной предмет «старой» истории (политические события), так и ее ведущий методологический прием – нарратив.
19. См.: Кукарцева М.А. Современная философия истории США. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 215 с. [Электронный ресурс] // ABUSS URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/kukartzeva2_3.htm
20. Маловичко С.И. Новая локальная история в России: рефлексия о коммуникативной открытости // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна»: Материалы научной конференции 28-29 апреля 2005 г. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 132.
21. Леви Д. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. – М.: ИВИ РАН, 1996. – С. 169,172,180-182; Ревель Ж. Микроанализ и конструирование социального // Там же. – С. 236,238,240-242,246-247,252.
22. См.: Маловичко С.И., Орлов И.Б. «Новая локальная история»: познавательные и интеграционные возможности // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики: Материалы Всерос. научн. конф. Казань, 5-7 октября 2006 г. – М.: ИВИ РАН, 2006. – С. 46-50.
23. Подробнее по этому вопросу см.: Олабарри И. Указ. соч. – С. 183; Ястребицкая А.Л. Указ. соч. – С. 92-94.
- *Орлов И.Б. «Новые истории»: от междисциплинарности к претензиям на статус парадигмы // Харьківський історіографічний збірник. Вип. 10. 2010. С. 85-96 // www.hse.ru/data/2014/03/16/1331786972

РАЗДЕЛ 4. ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном разделе студентам для изучения предлагаются статьи, которые помогут практическому написанию и оформлению их исследовательской работы.

В статье В.И. Воронова и В.П. Сидоров рассматриваются вопросы о методологическом замысле исследования и его основных этапах.

Работы А.С. Ахременко и И.Н. Кузнецова помогают правильно проанализировать документальные источники информации с целью их использования в исследовании.

П.С. Ревко-Линардато дает четкие рекомендации по написанию и оформлению научно-исследовательской работы.

Важно внимательно изучить статью И. Лакатоса «Фальсификация и методология научно-исследовательских программ», чтобы остаться честным исследователем.

Статья П.И. Образцова дает рекомендации по интерпретации, апробации и внедрению полученных результатов исследования.

На наш взгляд большой интерес представляет статья З.А. Чеканцева о Борисе Федоровиче Поршневе, дающая штрихи к портрету большого ученого.

Воронов В.И., Сидоров В.П. Методологический замысел исследования и его основные этапы*

Замысел исследования – это основная идея, которая связывает воедино все структурные элементы методики, определяет порядок проведения исследования, его основные этапы.

В замысле исследования выстраиваются в логический порядок следующие необходимые элементы:

- цель, задачи, гипотеза исследования;
- критерии, показатели развития конкретного явления, соотносящиеся с конкретными методами исследования;
- последовательность применения этих методов, порядок управления ходом исследования (эксперимента);
- порядок регистрации, накопления и обобщения исследовательского материала;
- порядок и формы представления результатов исследования.

Замысел исследования определяет и его этапы. Обычно исследование состоит из трех рабочих этапов.

Первый этап включает в себя:

- выбор научной проблемы и темы;
- определение объекта и предмета исследования, целей и основных задач;
- разработку гипотезы исследования.

Второй этап работы содержит:

- выбор методов и разработку методики проведения исследования;
- непосредственно специальные процессы самого научного исследования;
- формулирование предварительных выводов, их апробирование и уточнение;
- обоснование заключительных выводов и практических рекомендаций.

Третий этап является заключительным

Он строится на основе внедрения полученных научно-исследовательских результатов в практику. Работа литературно оформляется.

Логика каждого исследования специфична. Любой исследователь исходит из характера научной проблемы, целей и задач работы, конкретного информационного материала, которым он располагает, уровня ресурсной оснащенности исследования и своих возможностей. Каждый рабочий этап исследования имеет свои характерные особенности.

Первый этап состоит из выбора области сферы исследования, причем этот весьма важный выбор обусловлен как объективными факторами (актуальностью, новизной, перспективностью, ценностью и т.д.), так и субъективными (опытом исследователя, его научным и профессиональным интересом, способностями, склонностями, складом ума и т.д.).

Проблема научного исследования принимается как категория, означающая нечто неизвестное в науке, что предстоит открыть, доказать.

Тема. В ней отражается научная проблема в ее характерных чертах. Удачная, точная в смысловом отношении формулировка темы уточняет проблему, очерчивает рамки исследования, конкретизирует основной замысел, создавая тем самым предпосылки успеха работы в целом.

Объект исследования. Это та совокупность связей, отношений и свойств, которая существует объективно в теории, практике, требует некоторых определенных уточнений и служит источником необходимой для исследователей информации.

Предмет исследования. Этот элемент является более конкретным и включает только те связи и отношения, которые подлежат непосредственному изучению в данной исследовательской работе, устанавливая границы научного поиска в каждом объекте.

В научной работе можно выделить несколько предметов исследования, но их не должно быть много.

Из предмета исследования вытекают цель и задачи исследования.

Цель формулируется кратко и предельно точно, в смысловом отношении выражая то основное, что намеревается сделать исследователь. Она подробно конкретизируется и развивается в задачах исследования.

Например, задачи исследования в научной работе могут быть проранжированы в следующем виде:

Первая задача, как правило, связана с выявлением, уточнением, углублением, методологическим обоснованием сущности, природы, структуры изучаемого объекта.

Вторая связана с анализом реального состояния предмета исследования, динамики, внутренних противоречий развития во времени и пространстве.

Третья касается основных возможностей и способностей преобразования предмета исследования, моделирования, опытно-экспериментальной проверки.

Четвертая связана с выявлением направлений, путей и средств повышения эффективности совершенствования исследуемого явления, процесса, т.е. с практическими аспектами научной работы, с проблемой управления исследуемым объектом.

Задач в исследовательской работе не должно быть много.

Второй этап исследования носит ярко выраженный индивидуализированный характер, не терпит жестко регламентированных правил и предписаний. И все же есть ряд принципиальных вопросов, которые необходимо учитывать.

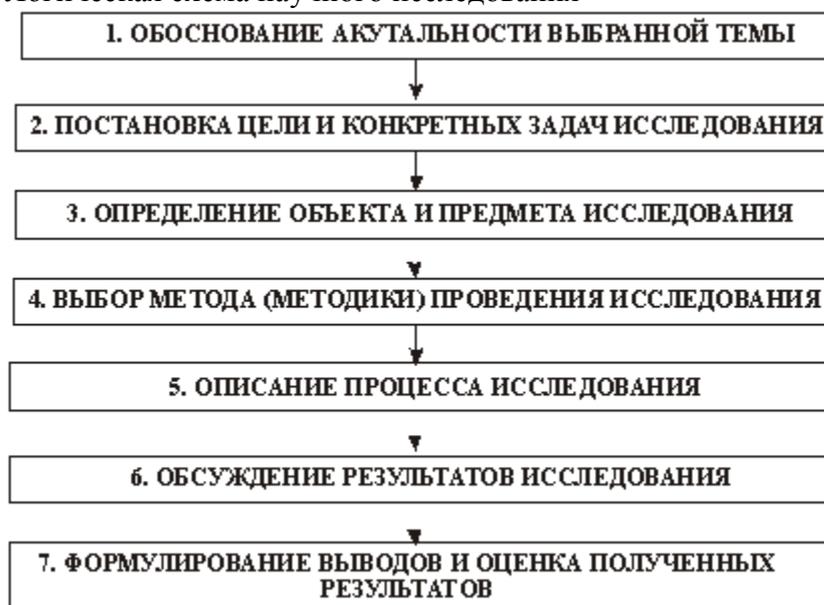
В частности, вопрос о методике исследования, поскольку с ее помощью возможна техническая реализация различных методов. В исследовании мало ставить перечень методов, необходимо их сконструировать и организовать в систему. Нет методики исследования вообще, а есть конкретные методики исследования различных объектов, явлений, процессов.

Методика – это совокупность приемов, способов исследования, порядок их применения и интерпретации полученных с ее помощью результатов. Она зависит от характера объекта изучения; методологии; цели исследования; разработанных методов; общего уровня квалификации исследователя.

Третий этап – это внедрение полученных результатов в практику с литературным оформлением работы.

Литературное оформление материалов исследования является неотъемлемой частью научного исследования и представляется трудоемким и очень ответственным делом.

Логическая схема научного исследования

Ревко-Линардато П.С. Написание и оформление научно-исследовательской работы. Язык науки*

Любое научное произведение условно можно разделить на три основных части: вводную, основную и заключительную. Структура большинства научно-исследовательских работ состоит из следующих элементов:

1. титульный лист;
2. оглавление;
3. введение;
4. основная часть;
5. заключение;
6. список использованных источников;
7. приложения (в случае необходимости).

Титульный лист является первой страницей научно-исследовательской работы и заполняется по строго определенным правилам, устанавливающим формы титульного листа для различных видов научных работ в различных организациях. На титульном листе указываются заглавие, сведения об авторе, о научном руководителе, место и год выполнения работы.

В **оглавлении** приводится содержание работы путем обозначения всех глав, параграфов и других рубрик с указанием страниц, с которых они начинаются. Заголовки оглавления должны точно повторять соответствующие заголовки в тексте. Оглавление помещается в начале либо в конце работы.

Введение призвано дать общее представление о затрагиваемых в работе проблемах и вопросах. Обычно в введении обосновывается актуальность темы исследования, формулируются цели и задачи, объект и предмет исследования, указываются методы исследования, сообщается научная новизна полученных результатов. В большинстве случаев объем введения не превышает 5–7% объема основного текста.

В главах **основной части** научно-исследовательской работы подробно рассматривается методика и техника решения поставленных задач, описываются полученные результаты.

Содержание основной части должно точно соответствовать теме исследования, логично и аргументировано ее раскрывая.

Заключение представляет собой последовательное, логически стройное изложение полученных итогов в их связи с целями и задачами, указанными во введении. Из конечных результатов исследования вытекает его научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность. Заключение обусловлено логикой проведенных работ и носит форму синтеза научной информации, изложенной в основной части. Объем заключения не превышает 5–7% объема основного текста.

В **список литературы (библиографический список)** вносятся литературные источники, которые были использованы при написании работы и упомянуты в тексте или сносках. Делая ссылку на какие-либо заимствованные факты или цитируя работы других авторов, исследователь обязан указать источник приводимых материалы.

Включенные в список литературные источники должны иметь отражение в тексте работы. Список составляется с учетом требований государственного стандарта.

Вспомогательные материалы, которые не являются существенно важными для понимания решения научных задач, выносятся в **приложения**. По форме они могут

представлять собой тексты, графики, таблицы, карты. Связь основного текста с приложениями осуществляется через ссылки, используя слово «смотри», которое обычно сокращается и заключается в круглые скобки, например, . Обратим внимание, что при подсчете объема научной работы приложения не учитываются.

Работа должна быть написана **научным языком**, особенностью которого является подчеркнутая логичность. Эта логичность характеризуется последовательным переходом от одной мысли к другой. Для связи между ними используются:

1. вводные слова и предложения (как было отмечено, как уже говорилось и т. д.);
2. местоимения, прилагательные и причастия (такой, указанные и т. д.);
3. специальные функционально-синтаксические средства, указывающие на последовательность развития мысли (затем, далее, во-первых, во-вторых и т. д.), противительные отношения (однако, тем не менее, между тем и т. д.), причинно-следственные отношения (поэтому, вследствие этого, следовательно и т. д.); переход от одной мысли к другой (рассмотрим, перейдем к..., и т. д.) итоги, выводы (итак, таким образом, значит и т. д.).

При написании научного текст автор должен стремиться к точности и однозначности выражений, к исключению многозначности толкования слов. Для этого необходимо давать четкие определения используемых понятий.

Обращаясь к предшествующим результатам работ других авторов, оформляются ссылки на то, кем высказана та или иная мысль и в каком источнике содержится приведенная информация.

При этом используются вводные слова и словосочетания, указывающие на авторство (по мнению (кого-то), по данным (кого-то), по сведениям и т. д.).

В тексте научного произведения не отражаются личные пристрастия, эмоциональные моменты, что также ведет к объективности изложения. Для выражения позиции автора научно-исследовательской работы традиционно используются слова: по нашему мнению, нам представляется и т. д. Так автор преподносит свою точку зрения как точку зрения группы ученых, относящихся к одной научной школе или научному направлению. Употребление местоимения «мы» вместо «я» придает тексту внешнюю объективность. Однако, в последние года авторы стали все чаще излагать свое мнение от первого лица единственного числа (по моему мнению, я полагаю и т. д.) или от третьего лица (по мнению автора, с точки зрения автора и т. д.). Чтобы избежать употребления местоимений, можно писать неопределенно-личными предложениями или предложениями со страдательным залогом (представляется, в работе предложено и т.д.).

*Ревко-Линардато П.С. Методы научных исследований: Учебное пособие. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2012.

Зеленов М.В. Сущность, формы и функции исторического знания и познания*

Понятие исторического источника, их классификация.

Историческим источником называется любой документ, привлеченный для познания действительности. Документ, который содержит в себе информацию о прошлом, но не используется историком, не является для последнего источником (информации).

Классификация – распределение предметов какого-либо рода на взаимосвязанные классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов, при этом каждый класс занимает в получившейся системе определенное постоянное место и делится на подклассы. Правильно составленная классификация отражает закономерности развития классифицируемых объектов, глубоко вскрывает связи между ними и служит основой для обобщающих выводов и прогнозов.

В исторической науке существуют различные подходы к классификации источников.

1) выделение категорий исторических источников *по методам и формам отражения действительности*:

- вещественные
- письменные,
- изобразительные (изобразительно-художественные, изобразительно-графические, изобразительно-натуральные),
- фонические.

Эта классификация позволяет определить общие методы решения проблем, возникающих при анализе и использовании каждой группы источников.

2) видовая классификация, в основе которой лежит определенная функция воздействия источника на те или иные сферы общественных отношений. Видовая классификация дает возможность выявить и проследить эволюцию источников.

Так, источники периода феодализма можно разделить на

1) Публично-правовые акты:

А) договорного вида – международные договоры с X в., княжеские договоры с XII в. и т.п.

Б) договорно-законодательного вида - жалованные грамоты с XII в, кормленные грамоты с XIV в., акты земских соборов с 1566 г. и т.п.

В) судебно-процессуального вида – с XV в.

И т.п.

2) Частные акты:

А) договорного вида – акты на землю с XII в. акты на движимое имущество с XIII в., денежные акты с XVI в., акты трудового найма с XVII в. и проч.

Б) распорядительного вида – письма приказчикам, инструкции об управлении имением с XVII в.

3) делопроизводственные документы – распорядительного вида, докладного вида, протокольного вида, отчетного вида,

4) частные письма.

*Зеленов М.В. Сущность, формы и функции исторического знания и познания. Методы изучения истории. Классификация источников. В помощь студентам и аспирантам // <http://www.opentextnn.ru/history/?id=1943>

Ахременко А.С. Документальные источники информации*

Документальные источники информации чрезвычайно разнообразны по целому ряду позиций. Политический документ — это и отчет о статистике работы с законопроектами на официальном интернет-сайте Государственной думы, и хранящиеся в архиве письма В. И. Ленина, и аудиокассета с репортажем о политическом митинге на Красной площади.

Документы различаются формой представления информации. Например, выступление президента страны может быть представлено аудиовизуально (видеозапись), аудиально (звукозапись), иметь вид текстовой записи. Для одной и той же формы представления информации возможны разные виды ее кодировки. Так, видео - и звукозапись может быть осуществлена аналоговым или цифровым способом. Разным формам представления информации и разным видам кодировки соответствуют свои носители информации: в нашем примере аналоговая видеозапись будет храниться на видеокассете, цифровая — на электронном носителе. Эти, казалось бы, «технические подробности» могут иметь очень существенное значение при принятии аналитиком решений об информационном обеспечении своей работы.

В огромном массиве документальной информации выделяется несколько ее видов, наиболее активно используемых в качестве источников информационного обеспечения политического анализа:

- материалы средств массовой информации;
- статистические данные;
- нормативно-правовые акты;
- политико-идеологические документы;
- агитационно-пропагандистские материалы.

К основным средствам массовой информации относятся телевидение, радио, пресса, информационные агентства. Иногда к этой группе относят и Интернет, но более корректно говорить об этой глобальной сети как особой, уникальной системе хранения и передачи информации, по ряду характеристик радикально отличающейся от традиционных СМИ.

Специфика СМИ с позиций информационного обеспечения политического анализа заложена уже в названии этого источника данных: СМИ по определению рассчитаны на массовую аудиторию. Разумеется, масштаб этой «массовости» может колебаться от нескольких тысяч или даже сотен подписчиков одного журнала до многих миллионов зрителей общенациональных и международных телеканалов. Однако в любом случае ориентация на широкую аудиторию предопределяет возможность политического влияния. Информация в политике сама по себе является мощным ресурсом, а способность транслировать ее в массы ценится вдвойне. СМИ не только и не столько информируют свои аудитории о происходящих событиях, сколько формируют определенный угол зрения на эти события, задают вектор их восприятия. Это происходит и в том случае, когда руководство СМИ не ангажировано какой-то определенной политической силой и далеко от стремления грубо навязать ту или иную точку зрения общественности. Однако даже простой выбор из очень большого числа ежедневно происходящих событий тех немногочисленных «информационных поводов», которые попадают в «повестку дня» и становятся фактом массового сознания, уже является актом формирования определенной «картины мира».

Уровень достоверности политической информации в СМИ сложно оценить однозначно. С одной стороны, прямое искажение фактов в прессе практически неизбежно ведет к судебному преследованию: по роду своей деятельности политики отличаются от звезд шоу-бизнеса несколько более внимательным отношением к своей репутации, здесь не действует принцип «известность любой ценой». С другой стороны, в прессе (особенно, к сожалению, в отечественной) широко распространена практика «политического заказа».

Информация СМИ отличается достаточно высокой оперативностью, хотя по этому показателю среди СМИ есть свои лидеры и аутсайдеры. К первым принадлежат прежде всего информационные агентства: максимально быстрая доставка сообщений о событиях — это почти в прямом смысле слова их хлеб. Информационные агентства — единственные СМИ, способные обеспечивать непрерывный поток данных по политической тематике. Оперативны также телевидение и радио, особенно в формате «прямых включений с места событий». В числе «отстающих» — печатные СМИ, оперативность которых ограничена периодичностью их выхода в свет и особенностями технологического цикла. Даже специальный выпуск ежедневной газеты необходимо сверстать, отпечатать и доставить на точки распространения, что неизбежно влечет за собой существенное (по меркам СМИ) запоздание информации.

Бесспорным достоинством всех средств массовой информации является их высокая доступность. Данный вид источников доступен, что называется, по определению. Единственным ограничением может служить высокая стоимость, однако это относится лишь к незначительной категории узкоспециализированных изданий.

Отдельного внимания заслуживает такой глобальный источник информации, как сеть Интернет. Как было отмечено выше, это особая коммуникативная среда, обладающая рядом уникальных характеристик.

Во-первых, сеть Интернет является колоссальным и непрерывно пополняемым хранилищем документальной информации, своего рода глобальной базой данных. В Интернете имеются официальные сайты всех значимых политических партий и общественных организаций, государственных и, в меньшей степени, муниципальных структур власти, многих неформальных политических групп, в том или ином виде там представлено большинство средств массовой информации. Все более активно развиваются специальные интернет-СМИ: новостные ресурсы, существующие исключительно в Сети и отличающиеся высокой оперативностью обновления информации. В интернет-СМИ имеются банки данных статистической и нормативной информации, большой объем вторичных данных. Вся эта информация представлена в электронном виде, что обеспечивает простоту ее получения и обработки.

Во-вторых, специфика сети Интернет состоит в активности потребителя информации. В отличие от традиционных СМИ, Интернет предполагает не пассивное восприятие данных, а их получение по определенному запросу. С одной стороны, это открывает огромные возможности целевого поиска данных, с другой — предъявляет повышенные требования к навыкам пользователя. Объемы содержащейся в Интернете информации таковы, что могут «похоронить» под собой неопытного пользователя. Особенно это актуально для более насыщенного, по сравнению с российским, западного сектора сети Интернет, где даже на детально сформулированный запрос можно получить сотни тысяч ссылок.

При этом рядовой пользователь Интернета может выступать не только активным потребителем, но и продуцентом данных. В отличие от информационного поля, формируемого традиционными СМИ, пространство Интернета значительно менее регламентировано. Чтобы помещать сообщения, документы в глобальную информационную среду, его отправитель не должен обладать соответствующими лицензиями, необходимыми для телеканалов и печатных изданий. Более того, выявление авторства того или иного документа подчас вызывает серьезные затруднения. Поэтому информация, циркулирующая в Интернете, требует особо тщательной проверки на надежность.

Отдельной и очень важной составляющей информационного обеспечения политического анализа являются статистические данные, которые, в отличие от индивидуальных показателей, характеризуют определенные свойства групп людей, взятых в целом, причем эти свойства не могут быть распространены на каждого члена групп в отдельности. Так, если мы утверждаем, что на выборах депутатов Государственной думы 2003 г. избиратели Ямало-Ненецкого автономного округа в среднем поддержали партию «Единая Россия» на 8% лучше, чем избиратели Смоленской области, это никоим образом не означает, что каждый отдельный избиратель ЯНАО больше поддерживает «Единую Россию», чем избиратель Смоленщины.

Как правило, группы людей, которым присваиваются статистические характеристики, формируются по территориальному или социально-демографическому признаку. В первом случае речь идет о населении города, района, области, страны, во втором — о возрастных, тендерных, национальных и иных общностях.

В силу официального происхождения большинства статистических данных они обладают достаточно высокой надежностью. Впрочем, иногда статистические показатели могут становиться инструментом политического влияния, и тогда уровень доверия к ним снижается. Важным плюсом статистической информации является то, что она изначально дана в количественной форме. Соответственно, к ее данным может применяться весь арсенал статистических методов, позволяющих не только представлять информацию в наглядном виде, но и осуществлять поиск скрытых закономерностей, связей,

зависимостей между признаками. При условии владения такими методами — обязательном для специалиста по политическому анализу — статистические данные представляются удобным для обработки информационным массивом.

Большинство статистических данных являются суммарными показателями. К примеру, уровень поддержки определенного кандидата в президенты на федеральных выборах рассчитывается путем суммирования всех голосов, поданных за этого кандидата. Соответственно, суммарные статистические данные обеспечивают возможность проведения сплошного исследования без построения выборочной совокупности, тем самым повышая обоснованность итоговых результатов.

К плюсам статистической информации относится также ее достаточно высокая доступность. Скажем, результаты выборов можно без труда найти в информационной системе Центризбиркома. Основные показатели социально-экономической статистики доступны на сайте Федеральной службы государственной статистики, а также на официальных сайтах многих субъектов Федерации. Все это публикуется и в печатном виде — в специальных статистических сборниках. Определенные проблемы с доступностью информации могут возникнуть тогда, когда речь идет о небольшой социальной или территориальной общности (например, о населении муниципального образования). В таких случаях может возникнуть необходимость обратиться с запросом в местные органы власти.

Однако статистические данные не отличаются оперативностью обновления.

Полезные для политического анализа данные содержат демографическая и социально-экономическая статистика. Эти данные важны для того, чтобы понять, в какой среде протекают властные процессы, какие неполитические факторы влияют на политическое поведение масс и элит. Например, особенности институциональной организации власти в Дагестане, структуру политической элиты региона невозможно понять, не зная численности титульных этносов этой республики.

Высокую протестную активность определенной социальной группы можно объяснить, исходя из показателей социального самочувствия, операциональными индикаторами которого выступают: отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму; уровень детской смертности; уровень безработицы; доля населения, живущего за чертой бедности; направление миграционных потоков (люди переезжают из менее благополучных мест в более благополучные) и т. д.

Политико-идеологические документы формулируют социально значимые цели и приоритеты, стратегии их достижения; постулируют фундаментальные политические ценности. Под «социальной значимостью» понимается актуальность таких целей, ценностей и стратегий для всего общества или больших социальных групп. К основным видам политико-идеологических документов относятся:

- программы политических партий, общественно-политических объединений;
- декларации, хартии, меморандумы, принимаемые на государственном уровне (например, Декларация независимости, Великая хартия вольностей);
- программные выступления политических лидеров. Так, в России одним из ключевых политико-идеологических текстов является ежегодное послание Президента РФ Федеральному собранию.

Политико-идеологические документы являются хорошей основой не только для традиционного, но и для политико-психологического анализа. Так, анализ программных выступлений политических лидеров позволяет реконструировать фундаментальные характеристики их мировоззрения, способ восприятия мира политического и т. д.

С точки зрения информационного обеспечения политического анализа политико-идеологические документы обладают примерно теми же свойствами, что и нормативно-правовые акты — прежде всего надежностью и доступностью.

Агитационно-пропагандистские материалы (АПМ) представляют собой документы, целью которых является формирование политических ценностей и установок

и побуждение к определенным политическим действиям. В какой-то мере их можно считать разновидностью политико-идеологических документов. В то же время агитационно-пропагандистские материалы обладают меньшей «всеобщностью», ориентированы на более адресные аудитории. Ценности и цели политико-идеологических документов преломляются в материалах агитационной продукции через призму более локальных задач, например мобилизации электората на предстоящих выборах.

Кроме того, агитационно-пропагандистские материалы значительно более разнообразны по форме представления информации. В силу своей базовой функции — убеждать и побуждать — они используют практически все возможные каналы коммуникации. Агитационно-пропагандистские документы — это листовки, плакаты, буклеты, рекламные щиты, аудио - и видеоролики, книги и фильмы, сувениры с соответствующей символикой.

Анализ агитационно-пропагандистских материалов может дать ответы на многие вопросы относительно продуцента АПМ — партии, кандидата, общественной организации, органа государственной власти, в частности об особенностях позиционирования политического субъекта по отношению к оппонентам; специфике понимания им ожиданий населения; видении важнейших локальных или общих проблем; представлении об оптимальной форме передачи информации.

Агитационно-пропагандистские материалы, будучи доступными документами, не обладают «заведомой» степенью надежности, как нормативно-правовые акты и политико-идеологические документы. Степень надежности АПМ как источника информации для политического анализа особенно понижается в ситуации избирательной кампании. Нередко избирательные штабы политических партий и кандидатов идут на сознательную фальсификацию агитационных материалов своих оппонентов, чтобы снизить уровень их электоральной поддержки. От исследователя в таких ситуациях требуются особая аккуратность, использование специальных методов проверки надежности источника.

*Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование. М., 2005 // <http://all-politologija.ru/knigi/politicheskij-analiz-i-prognozirovanie-axremenko>

Кузнецов И.Н. Документальные источники информации*

Под «источником научной информации» понимается документ, содержащий какое-то сообщение, а отнюдь не библиотека или информационный орган, откуда он получен. Это часто путают. Документальные источники содержат в себе основной объем сведений, используемых в научной, преподавательской и практической деятельности, и поэтому в этом разделе речь идет именно о них.

Характеризуя документальные источники научной информации, необходимо, прежде всего, подчеркнуть их многообразие. Все документальные источники научной информации делятся, прежде всего, на первичные и вторичные. В первичных документах и изданиях содержатся, как правило, новые научные и специальные сведения, во вторичных – результаты аналитико-синтетической и логической переработки первичных документов. Оценка документальных источников информации включает в себя такие критерии, как полнота и достоверность данных, сроки их опубликования, наличие теоретических обобщений и критических материалов, реальность их получения.

Применительно к задачам конкретного поиска каждый из перечисленных источников имеет свои достоинства и недостатки.

Техника изучения документов. Классические методы

Исторический метод ставит проблему валидности в трех аспектах:

Подлинность текста и установление его автора. Исследователь должен быть уверен, что документ является именно тем, каким он его принимает, и действительно принадлежит далекому автору. Такая подлинность устанавливается по характеристикам

документа: материальным признакам – бумага, почерк и т.д. или признакам формы – тон, стиль, словарь.

Валидность интерпретации текста, его значение по отношению к автору текста, по характеру, целям, которые он преследует.

Правдивость фактов, изложенных в документе. Первый и третий аспекты, то есть подлинность и правдивость, особенно важны для исторического метода. Но применяться он может и при изучении литературного или юридического текста.

Литературный метод. Выявляет подлинность текста и автора, изучая тон, стиль и словарь. Устанавливается, например, что автором такой-то пьесы не мог быть Шекспир.

Психологический метод. Более индивидуален, позволяет исследовать характеры как самих авторов, так и изображаемого ими, соотносит героев с социальным контекстом, который их породил. Объяснение может быть психоаналитическим, экзистенциалистским и т.д. в зависимости от школы, к которой принадлежит исследователь.

Юридический метод. Применяется при изучении текстов или судебной практики, он позволяет сравнивать тексты, исследовать мотивы решения, цели законодателя и т.д.

Социологический метод. Объясняет документ в его социальном контексте.

Лингвистический метод. За последние годы шагнул далеко вперед и еще не исчерпал всех своих возможностей. По времени возникновения он может быть отнесен к числу классических, однако его специфичность и особенности эволюции в последнее время ставят этот метод особняком и весьма сближают с современными и структурными методами.

Например, задачи лингвиста в основном состоят в выявлении минимальных единиц языковой системы, фонемы и морфемы, а также в исследовании последовательности и сочетаний этих единиц. Лингвиста интересует не значение текста, а его структура, другими словами, распределение морфем и фонем. Наконец, лингвист наблюдает наличие или отсутствие определенных лингвистических единиц, а также частоту их употребления.

Таким образом, можно подойти к проблеме возможного, значения распределений и структур.

Так называемые классические методы, кроме лингвистического анализа документов, имеют много общего, хотя они могут быть не только рациональными (юридический анализ), но и в определенной степени интуитивными, личными, субъективными. Качественный элемент является здесь основным, а то, что может исчисляться количественным путем, воспринимается только интуитивно и нерасчлененно.

Такие виды анализа имеют дело с различными случаями несистематизированного творчества, ценность которого зависит только от его исполнителя. Количественный рост средств коммуникаций (радио, телевидения) и пропаганды увеличивал потребности в поиске значений, корреляций, закономерностей в оценке факторов влияния и предвидении некоторых событий. Современный метод анализа документов возник из необходимости проводить исследования в новых направлениях.

*Кузнецов И.Н. ИНФОРМАЦИЯ: сбор, защита, анализ. Учебник по информационно-аналитической работе. М., ООО Изд. Яуза, 2001 // <http://www.eartist.narod.ru/text/25.htm>

Образцов П.И. Интерпретация, апробация и внедрение полученных результатов исследования*

Заключительный этап исследования связан с систематизацией его результатов, их интерпретацией и изложением.

Систематизация результатов заключается в их представлении в виде упорядоченной взаимосвязанной структуры, элементы которой должны соответствовать поставленным в исследовании задачам. Системно представленные результаты должны быть корректно интерпретированы.

Интерпретация (от лат. *interpretatio*) в науке – толкование, раскрытие смысла, разъяснение.

По существу, интерпретация должна служить приближению к истине, т. е. к раскрытию сущности исследуемого процесса или объекта.

В основе интерпретации лежит процедура объяснения полученных результатов на основе принятой в исследовании концепции, причем объяснения в чем-то нового, не тривиального. Например, факт резкого снижения учебной успеваемости учащихся при переходе из начальной школы в среднюю традиционно объясняется изменением системы отношений, снятием опеки педагога, трудностями привлечения к предметному (многопредметному) обучению. Процедура интерпретации, однако, требует сверки принятого концептуального толкования с иными, альтернативными толкованиями, с проверкой разных версий истолкования результатов. В случае с выпускниками начальной школы требует, например, проверки версия о влиянии возрастных психофизиологических изменений на работоспособность учащихся, версия об их недостаточной подготовке к систематическому овладению более сложным и значительным по объему материалом вследствие несформированности основных познавательных умений.

Первоначальная интерпретация, как правило, связана с объяснением результатов на основе рабочей гипотезы, однако последующее выведение следствий, мысленное проигрывание ситуаций зависит от изменения влияющих факторов, а иногда и изменения гипотезы, уточнения концептуальных установок.

В задачи интерпретации входят: выявление объективного значения полученных результатов для теории и практики обучения и воспитания, степени их новизны и предполагаемой эффективности в использовании, а также смысла, т. е. значения для самого исследователя или заинтересованного в результатах исследования круга лиц.

Особую трудность представляет интерпретация результатов парадоксальных, не соответствующих ожиданиям, принятой концепции. Возникает необходимость их перепроверки или пересмотра концептуальных оснований. Несет в себе опасность и полное совпадение полученных результатов с ожидаемыми, ибо это не стимулирует дальнейшие поиски, вызывает соблазны поддаться “вектору” инерции, пойти по привычному пути.

Необходимыми этапами созревания работы являются ее апробация и внедрение в педагогическую практику.

Надежная апробация исследования – одно из условий его корректности, состоятельности, истинности результатов, один из самых реальных способов избежать серьезных ошибок, перекосов, преодолеть личные пристрастия исследователя, вовремя скорректировать и исправить допущенные промахи и недочеты.

Слово “апробация” латинского происхождения и дословно означает “одобрение, утверждение, установление качеств”. В современном понимании это установление истинности, компетентная оценка и конструктивная критика оснований, методики и результатов работы. В роли ценителей, судей, критиков, оппонентов выступают отдельные компетентные в области исследования ученые и практики, а также научные и педагогические коллективы.

Апробация может проходить в форме публичных докладов, обсуждений, дискуссий, а также в форме рецензирования (устного или письменного) представленных работ. Официальная апробация выполненных работ часто связана с их публичной защитой (защита проекта, отчета, курсовой или выпускной работы, диссертации).

Основными формами информации о ходе и итогах научного поиска являются выступления исследователя с лекциями, научными сообщениями. Непосредственный контакт с массовой аудиторией позволяет ему облечь свои выводы в наиболее доступную и убедительную форму, показать их практическую значимость путем показных и инструктивных занятий и т.п. Одновременно анализируется реакция слушателей, проверяются и уточняются выдвинутые положения, сделанные выводы.

Большие возможности для апробации полученных результатов исследования представляют научные практические и методические конференции, дискуссии, творческие диспуты и другие формы обсуждения проблемы исследования или смежных с ней тем. В ходе этих мероприятий демонстрируются, иллюстрируются, разъясняются материалы, раскрывающие суть предлагаемых новинок и показывающие их преимущества перед привычным, давно используемым. В результате исследователь обретает еще большую уверенность в силах, стремится активнее продолжать работу, внедрять научные результаты в жизнь.

Немаловажную роль играет и неофициальная апробация: беседы, споры со специалистами и коллегами.

Естественно, что для апробации должен быть представлен хотя бы в первом варианте оформленный текст доклада, отчета, сообщения, проекта, диссертации (квалификационной или курсовой работы).

Естественно, апробация включает осмысление и учет возникающих вопросов, позитивных и негативных оценок, возражений и советов. Она стимулирует доработку, более глубокое и аргументированное обоснование или пересмотр ряда положений исследования и способов доказательства, помогает либо утвердиться в признании истинности защищаемых положений, либо скорректировать или пересмотреть их. В данном случае речь идет об итоговой апробации исследования, хотя вообще-то очень полезна, нередко просто необходима поэтапная апробация исходных положений, гипотез, методики исследования, его промежуточных результатов.

Положительные отзывы, если они не носят комплиментарного характера, приносят удовлетворение, придают уверенность, помогают раскрыть перспективы дальнейших поисков. Менее приятны, но не менее полезны критические замечания, советы и предложения. Очень полезен глубокий анализ возникших вопросов.

Есть основания утверждать, что полезны, в конечном счете, любые возникшие в процессе представления работы вопросы. Все связано с тем, как они воспринимаются и используются исследователем. Среди вопросов можно выделить уточняющие, связанные с непониманием, неполным или неверным пониманием изложенного. Они побуждают к уточнению, поиску более четких формулировок, доработке стиля, т. е. помогают исследователю сделать изложение более конкретным и убедительным. Вопросы дополняющие представляют запрос на дополнительную информацию об источниках и перспективах развития, фактах, причинах, следствиях и т.д. Они побуждают исследователя ввести в оборот новые факты, дать дополнительные оценки и прогнозы. Такие вопросы расширяют диапазон оценок и подходов. Корректирующие вопросы побуждают к уточнению, усиливают аргументацию, устраняют двусмысленность. Проблемные вопросы вскрывают проблемы, нацеливают на более глубокую интерпретацию, выводят на новые проблемы и задачи.

Следует порекомендовать очень внимательно и благожелательно принимать все оценки, советы, рекомендации, как от соратников, так и оппонентов, в том числе критические. Однако реализовать следует те из них, которые помогают углубить исследование, повысить его корректность и доказательность, которые не противоречат принятой концепции и не сделают работу эклектичной. Желание же угодить всем, отреагировать на каждое замечание может значительно ухудшить или даже разрушить изложение результатов.

Практика, как известно, критерий истинны. Поэтому, обязательным элементом решения любой научной проблемы является внедрение разработанных положений и идей в педагогическую практику. Это – завершающий этап исследования и его следует отличать от внедрения результатов научной работы после ее завершения. Первое – уточняет, развивает, совершенствует психолого-педагогическую теорию и методику, второе – претворяет в жизнь уже проверенные, отработанные выводы и рекомендации.

Результаты научно-педагогического труда могут выполнять следующие функции:

- уточнять, конкретизировать отдельные, как правило, несущественные теоретические и практические положения;
- дополнять, расширять и углублять известные теоретические положения и практические рекомендации, открывая тем самым новые аспекты, грани проблемы, выделяя новые элементы, части, которые ранее не были известны;
- преобразовывать психолого-педагогическую действительность, то есть разрабатывать принципиально новые подходы, которых ранее в теории и практике не было, коренным образом отличающиеся от традиционных представлений в данной области науки и практики.

Успех внедрения результатов исследования в практику определяется, прежде всего, готовностью к этому теоретических и методических положений, доведенных до уровня конкретных нормативов, правил, предписаний и рекомендаций. Решающую роль в целенаправленном внедрении выводов и положений исследования играет исходная теоретическая концепция. Если она достигла высокой степени общности, хорошо систематизирована, выражена в форме психологических или педагогических принципов, правил, требований, отработана методика ее претворения в жизнь и определены условия эффективности, то можно считать, что теоретическая основа исследования вполне готова для внедрения в практику. Методические рекомендации воплощаются в педагогическую практику обычно путем разработки учебных, учебно-методических и методических пособий, методик обучения и воспитания.

Широтой, глубиной и объемом внедрения результатов исследования в практику определяется их научная новизна, теоретическая и практическая ценность.

Процесс внедрения результатов исследования в практику можно разделить на следующие этапы:

- ознакомление потребителей с выводами и рекомендациями исследования;
- формирование положительного отношения, интереса к ним;
- практическое обучение преподавателей умению использовать, применять новые идеи, правила, методы и приемы в практике воспитания и обучения;
- предъявление этим лицам требований об активном внедрении результатов исследования в образовательный процесс и контроль за выполнением этих требований.

Все эти звенья охватывают и информацию о результатах исследования и организацию их внедрения в массовую практику.

Ознакомление общественности с материалами исследования - половина дела. После того как уяснена суть выводов и рекомендаций, необходимо научить руководителей, преподавательский состав практическому использованию предложенного, нового. Для этого используются показательные, пробные, открытые занятия, воспитательные мероприятия и т.п. Большую помощь в этом оказывают школы передового опыта, краткосрочные курсы повышения квалификации, университеты педагогического мастерства.

Внедрение нового всегда связано с преодолением косности мышления, возникающих трудностей. При этом возможны ошибки и просчеты, организационные неурядицы, способные поколебать намерения исполнителя, внедрить предложенные ему рекомендации в жизнь: он может занять выжидательную позицию или отказаться от них. Своевременная квалифицированная помощь такому человеку крайне необходима. Она позволяет не только правильно проанализировать его практическую работу, но и еще раз проверить, уточнить выводы исследования.

В организации помощи важен постоянный контроль за ходом работы по внедрению результатов исследования, осуществляемый как исследователем, так и соответствующими структурными подразделениями вуза.

Итоги проверки результатов исследования в экспериментальном, опытным порядке, в ходе экспертизы окончательно определяют теоретическую и практическую значимость выполненного научного труда. Его выводы становятся обязательными

требованиями к работе педагогов, доводятся до кафедр в форме методических и научно-практических рекомендаций, приказов и указаний руководства вуза, требований нормативных документов.

Разумеется, для выполнения всего комплекса работы по внедрению результатов исследования в массовую практику энтузиазма и усилий одного лишь автора научного труда недостаточно. Большая часть работы, определяющая роль здесь принадлежит руководству учебных заведений. Именно его всесторонняя поддержка нового, инициативность и смелость при внедрении результатов научных изысканий обеспечивает успех.

*Образцов П.И. Методология и методы психолого-педагогического исследования: Курс лекций. Орел, 2002 // http://library20.info/book_208_glava_30_Authors_cited.html

ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ

Обязательная

1. Кузнецов И. Н. Основы научных исследований. Учебное пособие для бакалавров [Электронный ресурс] / И. Н. Кузнецов. - М.: Дашков и Ко, 2013. -283 с. - 978-5-394-01947-0. Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=114174>
2. Умнов В. С. Научное исследование: теория и практика [Электронный ресурс] / В. С. Умнов, Н. А. Самойлик. - Новокузнецк: Кузбасская государственная педагогическая академия, 2010. - 99 с. - 987-5-85117-492-6. Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=88691>
3. Шкляр М. Ф. Основы научных исследований [Электронный ресурс] : учебное пособие / М. Ф. Шкляр. - М.: Дашков и Ко, 2012. - 244 с. - 978-5-394-01800-8. Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=112247>
4. Шкляр М.Ф. Основы научных исследований. М., 2014.

Дополнительная

- Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука /Теория решения изобретательских задач. М.,1979
- Андрусенко В.А., Пивоваров Д.В. Методология научного познания (альтернативность и правильность научной экстраполяции). Оренбург, 1995
- Бадалян Л.Г. История. Кризы. Перспективы: новый взгляд на прошлое и будущее. М.: УРСС, 2010.
- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с франц. 2-е изд. М.: Наука, 1986.
- Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
- Гришунин С.И. Философия науки: основные концепции и проблемы. М.: УРСС, 2009.
- Губин В.Д., Стрелков В.И. Власть истории. Очерки истории философии истории. М., 2007.
- Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа "Анналов" М., 1993.
- Джегутанов Б.К. и др. История и философия науки: Учебное пособие для аспирантов. СПб.,2008. Часть 11. Главы 1 и 2.
- Илларионов С.В. Теория познания и философия науки. М.: РОССПЭН, 2007.
- Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки: Учебное пособие. М., 2004.
- Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987.
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. Ростов на Дону: Феникс, 2007.
- Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод. Челябинск: Социум, 2010.
- Крик С.Б., Метель О.В. Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1.
- Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
- Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.
- Методологические проблемы истории / Под ред. В.И. Сидорцова. Минск, 2006.
- Пивоваров Ю.С. Взгляд на историю // Русская история. 2013. № 4.
- Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983; Рикёр Поль. История и истина / Пер. с франц. И.С.Вдовиной и А.И. Мачульской /.-СПб.: Алетейя, 2002.
- Про А. Двенадцать уроков по истории: Пер. с франц. / Рос. гос. гум. ун-т. М., 2000.

- Румянцева М.Ф. Теория истории. Учебное пособие / М.Ф. Румянцева. - М.: Аспект Пресс, 2002.
- Саламатов Ю.П. Как стать изобретателем. М., 1990.
- Смоленский И.И. Теория и методология истории. М., 2008.
- Теория и методы в социальных науках / Под ред .С.Ларсена. М., 2004
- Тош Дж. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка / Пер с англ. М.: Весь мир, 2000.
- Февр Люсьен. Бои за историю: (Сборник статей) / Пер. с франц.-М.: Наука, 1991.
- Философия науки: Общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук: Хрестоматия / отв. Ред.-сост. Л.А.Микешина. М., 2005.Глава 3.
- Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки: Учебное пособие для вузов. М.: Наука, 1995.
- Хвостова К.Д., Финн В.К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997.
- Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978
- Штофф В.А. Введение в методологию научного познания. М.-Л., 1972

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ ПО ДИСЦИПЛИНЕ

1. Понятие науки
http://www.shestopaloff.ca/kyriako/Russian/Physics/Physics_development_analysis/Part1.pdf
2. Классификация наук http://science.logistics-gr.com/index.php?option=com_content&view=article&id=893:2012-01-25-06-58-10&catid=52:2011-11-08-20-34-35&Itemid=56
3. И.А.Горковенко, В.И. Стрельченко, доктор философских наук. Классификация наук: опыт, проблемы и перспективы.
<http://credonew.ru/content/view/830/61/>
4. Возникновение науки. Наука и практика.
<http://www.booksite.ru/localtxt/koh/ano/vsky/4.htm>
5. Классификация наук.
http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/525/%D0%9A%D0%9B
6. Введение в философию и методологию науки (Е.В. Ушаков).
<http://yourlib.net/content/view/5227/63/>
7. Главные отличительные признаки науки. [http://www.e-reading.bz/chapter.php/15814/7/Stepin, Gorohov, Rozov - Filosofiya nauki i tehniki.html](http://www.e-reading.bz/chapter.php/15814/7/Stepin,_Gorohov,_Rozov_-_Filosofiya_nauki_i_tehniki.html)
8. Возникновение науки. Основные этапы её развития.
<http://wiki.pskovedu.ru/index.php/>
9. Наука как социокультурный феномен и её место в современном мире.
http://kurs.ido.tpu.ru/courses/scientific_research_methods/tema3.htm

ГЛОССАРИЙ

Абдукция – способ рассуждения от имеющихся данных к гипотезе, которая объясняет или оценивает их лучше, чем альтернативные гипотезы. Впервые стал разрабатываться и применяться Ч.С. Пирсом для построения объяснительных гипотез в науке.

Абстрагирование – это мысленное выделение, вычленение некоторых элементов конкретного множества и отвлечение их от прочих элементов данного множества.

Абстра́кция – отвлечение в процессе познания от несущественных сторон, свойств, связей объекта (предмета или явления) с целью выделения их существенных, закономерных признаков; абстрагирование; теоретическое обобщение как результат такого отвлечения.

Автореферат диссертации – научное издание в виде брошюры, содержащее составленный автором реферат проведенного исследования, представляемого на соискание ученой степени.

Аксиома – положение, не требующее доказательств, поскольку оно является совершенно очевидными.

Актуальность темы – степень ее важности в данный момент и в данной ситуации для решения данной проблемы (задачи, вопроса).

Алгоритм (от Algorithmi – от латинизированной формы имени среднеазиатского ученого Аль-Хорезми) – конечная совокупность точных предписаний или правил, посредством которых можно решать однотипные или массовые задачи и проблемы.

Анализ – разложение целого на составные части.

Анализ – в философии в противоположность синтезу анализом называют логический приём определения понятия, когда данное понятие разлагают по признакам на составные части, чтобы таким образом сделать познание его ясным в полном его объеме.

Аналогия – рассуждение, в котором из сходства двух объектов по некоторым признакам делается вывод об их сходстве и по другим признакам.

Аналогия – это заключение о сходстве двух предметов в каком-либо признаке на основании установленного их сходства в других признаках.

Апробация – одобрение, утверждение, основанное на проверке, испытании.

Аргумент – суждение или совокупность суждений, приводимые в подтверждение истинности другого суждения (концепции, теории); основание доказательства

Аспект – точка зрения, с позиции которой рассматриваются или воспринимаются те или иные предметы, понятия, явления.

Верификационизм (от латинского verificare – доказывать истину) – философско-методологическая установка на применение «принципа верификации» в качестве одного из основных критериев научной рациональности.

Верификация – проверка, проверяемость, способ подтверждения с помощью доказательств каких-либо теоретических положений, алгоритмов, программ и процедур путем их сопоставления с опытными (эталонными или эмпирическими) данными, алгоритмами и программами; методика распознавания лжи (укрывательства, искажения).

Вероятность – понятие, обозначающее степень возможности появления случайного массового события при фиксированных условиях испытания. Такая интерпретация называется частотной или статистической вероятностью, поскольку она основывается на понятии относительной частоты, результаты которой определяются путем статистических исследований.

Герменевтика – искусство толкования, теория интерпретации и понимания текстов, в том числе текстов классической древности;

Герменевтика – направление в философии XX в., выросшее на основе теории интерпретации литературных текстов. С точки зрения герменевтики задача философии заключается в истолковании предельных значений культуры, поскольку реальность мы видим сквозь призму культуры, которая представляет собой совокупность основополагающих текстов.

Гетерономия – чужеродная закономерность, определяемость какого-либо явления чуждыми ему внешними законами.

Гетерономия в философии – подчинение воли субъекта чуждому ей и независимому от неё закону и причинности (закону природы, влечениям, установленным извне нормам), а не тому закону, который она ставит себе сама (нравственному закону), выведение предписаний нравственности из этих внешних причин. Термин этики И. Канта. Противоположность – автономия.

Гипотеза – научно обоснованное предположение, выдвигаемое для объяснения каких-либо явлений и требующее опытной проверки, подтверждения фактами для того, чтобы стать достоверной научной теорией. Гипотеза считается научной, если она удовлетворяет критерию Поппера, то есть потенциально может быть проверена критическим экспериментом, а также если она соответствует другим научным критериям.

Гипотетико-дедуктивный – выведение (дедукция) заключений из гипотез, истинные значения которых неизвестны. Знание носит вероятностный характер. Включает соотношение между гипотезами и фактами.

Гносеология – раздел философии, в котором изучаются проблемы природы и возможностей познания, отношения знания к реальности, исследуются всеобщие предпосылки познания, выявляются условия его достоверности и истинности. Основные принципы: тождество мышления и бытия (принцип познаваемости мира); диалектика процесса познания; общественная практика (основа познаваемости мира).

Гносеология – учение о всеобщих механизмах и закономерностях познавательной деятельности как таковой.

Дедукция – движение познания от общего к частному, восхождения от абстрактного к конкретному; метод рассуждения от общих положений к частным, логический вывод частных положений из какой-либо общей мысли

Дискурс, дискур́с – в общем смысле – речь, процесс языковой деятельности. В специальном, социогуманитарном смысле – социально обусловленная организация системы речи, а также определённые принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется (представляется) в те или иные периоды времени.

Диссертация – вид научного произведения, выполненного в форме рукописи, научного доклада, опубликованной монографии или учебника. Служит в качестве квалификационной работы, призванной показать научно-исследовательский уровень исследования, представленного на соискание ученой степени.

Закон – вербальное и/или математически сформулированное утверждение, которое описывает соотношения, связи между различными научными понятиями, предложенное в качестве объяснения фактов и признанное на данном этапе научным сообществом.

Знание – форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека. Знание помогает людям рационально организовывать свою деятельность и решать различные проблемы, возникающие в её процессе.

Идеализация – процесс создания чисто мысленных предметов, внесение изменений в изучаемый объект в соответствии с целями исследования (идеальный газ).

Идентичность – свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествление себя с тем или иным человеком, как воплощением присущих этим группам или общностям свойств.

Идеографический метод – метод гуманитарных наук (неокантианцы в основном имели в виду историю), его задачей служит описание существенных черт в индивидуальных явлениях (поэтому он еще называется индивидуализирующим методом). Описание существенного достигается путем «отнесения к ценности».

Идея – определяющее положение в системе взглядов, теорий и т. п. Идея парадигмы была использована американским историком и философом науки Т. Куном в 70-х гг. для характеристики нормального и экстраординарного этапов развития науки. На стадии нормальной науки ученые работают в рамках существующей парадигмы, применяя ее к новым случаям. Когда парадигма оказывается явно неприменимой для объяснения новых фактов, наступает кризис в науке. Несмотря на определенные достоинства концепции Т. Куна, она все-таки упрощает многие особенности развития науки и поэтому подвергается критике.

Измерение – это определение количественных значений, свойств объекта с использованием специальных технических устройств и единиц измерения.

Имманентный – нечто внутренне присущее какому-либо предмету, явлению, процессу. Противоположное – трансцендентный.

Индукция – способ исследования и изложения, при котором от наблюдаемых частных фактов переходят к выделению принципов, общих положений теории, установлению закономерностей.

Интенциональность – понятие в философии, означающее центральное свойство человеческого сознания: быть направленным на некоторый предмет.

Интерпретация в методологии науки, теории познания – совокупность значений (смыслов), придаваемых тем или иным способом элементам (выражениям, формулам, символам и т. д.) какой-либо естественнонаучной или абстрактно-дедуктивной теории (в тех же случаях, когда такому «осмыслению» подвергаются сами элементы этой теории, то говорят также об интерпретации символов, формул и т. д.).

Интуиция – способность непосредственного постижения истины без обращения к развернутому логическому рассуждению. Психологически характеризуется как внутреннее «озарение». В логике и методологии рассматривается как догадка, нуждающаяся в проверке.

Информация:

– обзорная – вторичная информация, содержащаяся в обзорах вторичных документов;

– релевантная – информация, заключенная в описании прототипа научной задачи;

– реферативная – вторичная информация, содержащаяся в первичных научных документах;

– сигнальная – вторичная информация различной степени свертывания, выполняющая функцию предварительного оповещения;

– справочная – вторичная информация, представляющая собой систематизированные краткие сведения в какой-либо конкретной области знаний;

– первичная информация – информация, собранная впервые для какой-либо определенной заранее цели исследования, данные, собранные впервые на основе фиксированных наблюдений, экспериментов, опросов.

Иррациональный – понятие или суждение, находящееся за пределами разума, логики и потому противоположное разумному, целесообразному и обоснованному фактами и логикой.

Исследование научное – процесс выработки новых научных знаний, один из видов познавательной деятельности. Характеризуется объективностью, воспроизводимостью, доказательностью и точностью.

Исследовательская специальность (часто именуемая как направление исследования) – устойчиво сформировавшаяся сфера исследований, включающая

определенное количество исследовательских проблем из одной научной дисциплины, включая область ее применения.

Исследовательское задание – элементарно организованный комплекс исследовательских действий, сроки исполнения которых устанавливаются с достаточной степенью точности. Исследовательское задание имеет значение только в границах определенной исследовательской темы.

Историография – в узком смысле слова это совокупность исследований в области истории, посвященных определенной теме или исторической эпохе (например, историография эпохи Крестовых походов), или совокупность исторических работ, обладающих внутренним единством в идеологическом, языковом или национальном отношении (например, марксистская, англоязычная или французская историография). Историография проверяет, насколько верно применяется научный метод при написании исторической работы, акцентируя внимание на авторе, его источниках, отделении фактов от интерпретации, а также на стилистике, авторских пристрастиях и на том, для какой аудитории написана им данная работа в области истории.

Категория – форма логического мышления, в которой раскрываются внутренние, существенные стороны и отношения исследуемых предметов.

Классификация – это осмысленный порядок вещей, явлений, разделение их на разновидности согласно каким-либо важным признакам

Ключевое слово – слово или словосочетание, наиболее полно и специфично характеризующее содержание текста или его части

Когерентность (лат.) – взаимосвязь. Принцип когерентности заключается в утверждении, что все существующее находится во взаимосвязи; когерентные законы онтологии выражают связь в том плане, в каком она существует между категориями какого-либо слоя.

Компаративистика – философская теория сравнения как базисной логической операции рассудка.

Компаративистика – общее название совокупности сравнительных методов в различных областях гуманитарного знания (правоведение, литературоведение, языковедение, культурология, история и религиоведение).

Контекст – относительно законченный отрывок текста, в пределах которого наиболее точно определяется значение и смысл входящих в него слов, выражений и т.п.

Континуальность – непрерывность, отсутствие лакун, квантованности, разделенности на фрагменты. Противоположность дискретности. М. Мамардашвили нашел, что внутренне пространство бинарной оппозиции под названием субъект-объектное отношение континуально.

Континуум – мощность множества всех вещественных чисел.

Континуум – сплошной, непрерывный, пространство – время – математическое объединение пространства и время в единый комплекс.

Концепция – система взглядов на что-либо, основная точка зрения, руководящая идея для освещения каких-либо явлений; ведущий замысел, конструктивный принцип различных видов деятельности.

Конъюнктура – создавшееся положение в какой-либо области общественной жизни.

Математическое моделирование – реальная система заменяется абстрактной системой (математическая модель, состоящая из набора математических объектов) с теми же отношениями, задача становится чисто математической.

Метод исследования – способ применения старого знания для получения нового. Является орудием получения научных фактов, опирается на некоторые принципы.

Методология науки – это учение о методах и процедурах научной деятельности, а также раздел общей теории познания, в особенности теории научного познания (эпистемологии) и философии науки.

Методология научного познания – учение о принципах, формах и способах научно-исследовательской деятельности

Моделирование – это изучение объекта посредством моделей с переносом полученных знаний на оригинал.

Наблюдение – это целенаправленный процесс восприятия предметов действительности, результаты которого фиксируются в описании. Для получения значимых результатов необходимо многократное наблюдение. Виды: непосредственное наблюдение, которое осуществляется без применения технических средств; опосредованное наблюдение – с использованием технических устройств.

Нарратив – понятие философии постмодернизма, фиксирующее процессуальность самоосуществления как способ бытия повествовательного текста.

Нарратив – изложение взаимосвязанных событий, представленных читателю или слушателю в виде последовательности слов или образов. Синонимами сравнительно нового для русского языка термина «нарратив» являются более традиционные «повествование» и «рассказ».

Нарратология – учение о нарративе

Наука – сфера человеческой деятельности, направленная на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности. Основой этой деятельности является сбор фактов, их постоянное обновление и систематизация, критический анализ и, на этой базе, синтез новых знаний или обобщений, которые не только описывают наблюдаемые природные или общественные явления, но и позволяют построить причинно-следственные связи с конечной целью прогнозирования. Те теории и гипотезы, которые подтверждаются фактами или опытами, формулируются в виде законов природы или общества.

Науковедение – изучает закономерности функционирования и развития науки, структуру и динамику научной деятельности, взаимодействие науки с другими сферами материальной и духовной жизни общества.

Наукометрия – область науковедения, занимающаяся статистическими исследованиями структуры и динамики научной информации.

Научная дисциплина – раздел науки, который на данном уровне ее развития, в данное время освоен и внедрен в учебный процесс высшей школы.

Научная революция – радикальное изменение процесса и содержания научного познания, связанное с переходом к новым теоретическим и методологическим предпосылкам, к новой системе фундаментальных понятий и методов, к новой научной картине мира, а также с качественными преобразованиями материальных средств наблюдения и экспериментирования, с новыми способами оценки и интерпретации эмпирических данных, с новыми идеалами объяснения, обоснованности и организации знания.

Научная тема – задача научного характера, требующая проведения научного исследования. Является основным планово-отчетным показателем научно-исследовательской работы.

Научная теория – система абстрактных понятий и утверждений, которая представляет собой не непосредственное, а идеализированное отображение действительности.

Научное знание – система знаний о законах природы, общества, мышления. Научное знание составляет основу научной картины мира и отражает законы его развития. Научное знание обладает различной степенью достоверности, социально обусловлено и является результатом постижения действительности и когнитивной основой человеческой деятельности.

Научное исследование – процесс изучения, эксперимента и проверки теории, связанный с получением научных знаний. Виды исследований: фундаментальное

исследование, предпринятое главным образом, чтобы производить новые знания независимо от перспектив применения; прикладное исследование.

Научное познание – исследование, которое характеризуется своими особыми целями, а главное – методами получения и проверки новых знаний. Деятельность, связанная с выявлением сущностных связей и отношений в системе "человек- мир". Обязательно требует проверки, обоснования.

Научный доклад – научный документ, содержащий изложение научно-исследовательской или опытно-конструкторской работы, опубликованный в печати или прочитанный в аудитории.

Научный метод – совокупность основных способов получения новых знаний и методов решения задач в рамках любой науки. Метод включает в себя способы исследования феноменов, систематизацию, корректировку новых и полученных ранее знаний.

Научный отчет – научный документ, содержащий подробное описание методики, хода исследования (разработки), результаты, а также выводы, полученные в итоге научно-исследовательской или опытно-конструкторской работы. Назначение этого документа – исчерпывающе осветить выполненную работу по ее завершении или за определенный промежуток времени.

Научный факт – это результат наблюдений и экспериментов, который устанавливает количественные и качественные характеристики объектов, неоднократно полученный стабильный результат эксперимента;

Научный факт – это событие или явление, которое является основанием для заключения или подтверждения. Является элементом, составляющим основу научного знания.

Номотетический метод – это метод естествознания, его задачей является установление законов на основе обобщения явлений (его еще называют генерализующим методом).

Обзор – документ, текст, содержащий систематизированные научные данные по какой-либо теме, полученные в результате анализа первоисточников. Обзорная информация – вторичная, содержащаяся в обзорах научных документов; релевантная – информация, заключенная в описании прототипа научной задачи; реферативная – вторичная информация, содержащаяся в первичных научных документах; сигнальная – вторичная информация различной степени свертывания, выполняющая функцию предварительного оповещения; справочная – вторичная информация, представляющая собой систематизированные краткие сведения в какой-либо области знаний.

Обобщение (лат.) – процесс мысленного перехода от единичного и частного к общему. Наиболее знакомым примером является индуктивное обобщение свойств, отношений и других характеристик предметов и явлений. На этой основе образуются общие понятия и суждения.

Объект исследования – процесс или явление, порождающее проблемную ситуацию и избранное для изучения

Объяснение – важнейшая функция науки, заключающаяся в подведении фактов о предметах, событиях и явлениях под некоторые общие утверждения (законы, теории, принципы).

Онтология – учение о бытии как таковом; раздел философии

Определение (дефиниция) – один из самых надежных способов, предохраняющих от недоразумений в общении, споре и исследовании. Цель определения – уточнение содержания используемых понятий.

Опытное знание – знания, приобретённые в процессе непосредственных переживаний, впечатлений, наблюдений, практических действий, в отличие от знания, достигнутого посредством абстрактного мышления; единство знаний и умений. Одно из основных понятий теории познания.

Палимпсест – рукопись на пергаменте (реже папирусе) поверх смытого или соскобленного текста.

Парадигма – совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом и объединяющая большинство его членов. Обеспечивает преемственность развития науки и научного творчества.

Парадокс – в узком и строгом смысле это два противоположных утверждения, для обоснования каждого из которых существуют убедительные аргументы.

Партикуляризм – стремление к частным моментам, обособлению. Партикуляризм встречается в различных областях. В русском языке данный термин наиболее широко используется в политике и обозначает – преследование отдельными частями государства личных интересов, в ущерб интересам общегосударственным.

Плагиат – умышленное присвоение авторства чужого произведения науки или искусства, технических решений или изобретений. Плагиат может быть нарушением авторско-правового законодательства и патентного законодательства и в качестве таковых может повлечь за собой юридическую ответственность. С другой стороны, плагиат возможен и в областях, на которые не распространяется действие каких-либо видов интеллектуальной собственности, например, в математике и других фундаментальных научных дисциплинах.

Познание – совокупность процессов, процедур и методов приобретения знаний о явлениях и закономерностях объективного мира. Познание является основным предметом гносеологии.

Понимание – важнейшая функция научного познания, состоящая в раскрытии смысла человеческих действий, поведения.

Понятие – есть мысль, в которой отражаются отличительные свойства предметов и отношения между ними.

Постановка вопроса при логическом методе исследования включает в себя, во-первых, определение фактов, вызывающих необходимость анализа и обобщений, во-вторых, выявление проблем, которые не разрешены наукой. Всякое исследование связано с определением фактов, которые не объяснены наукой, не систематизированы, выпадают из ее поля зрения. Обобщение их составляет содержание постановки вопроса. От факта к проблеме — такова логика постановки вопроса.

Постулат – положение, не требующее доказательств, поскольку оно является совершенно очевидными.

Предмет исследования – то, что находится в границах объекта исследования в определенном аспекте рассмотрения

Принцип – основное, исходное положение какой-либо теории, учения, науки.

Проблема – крупное обобщенное множество сформулированных научных вопросов, которые охватывают область будущих исследований. Различают следующие виды проблем:

Редуцированный – водянистый неубедительный, слабый.

Репрезентация – представленность, изображение, отображение одного в другом или на другое, то есть речь идет о внутренних структурах, формирующихся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя. Многозначное понятие, широко употребляется в философии, истории, психологии, культурологии, социологии, социальном познании в целом.

Референтный – выступающий в качестве объекта, факта или события, на которое ссылаются в подтверждение некоторых идей; служащий источником этих идей, образцом для подражания.

Рефлексия – научная деятельность, направленная на исследование конкретных явлений и самого процесса познания

Рефлэксия – междисциплинарное понятие с многовековой историей, обращение внимания субъекта на самого себя и на своё сознание, в частности, на продукты собственной активности, а также какое-либо их переосмысление.

Синтез – метод научного познания, представляет собой соединение полученных при анализе частей в нечто целое. С точки зрения теории познания, синтез представляет собой необходимый этап проявления познавательной деятельности сознания. В совокупности с анализом, метод синтеза позволяет получить представления о связях между составляющими предмета изучения.

Систематизация – мыслительная деятельность, в процессе которой изучаемые объекты организуются в определённую систему на основе выбранного принципа.

Суждение – мысль, с помощью которой что-либо утверждается или отрицается. Такая мысль, заключенная в предложение, содержит три элемента: субъект, предикат и связка – «есть» или «не есть» (слова, выражающие связку, в русском языке обычно не употребляются).

Тезаурус – словарь, в котором максимально полно представлены слова языка с примерами их употребления в тексте.

Тезис – утверждение, требующее доказательства; более широко — любое утверждение в споре или в изложении некоторой теории

Теоретическое познание заключается в отражении явлений и происходящих процессов внутренних связей и закономерностей, которые достигаются методами обработки данных, полученных от эмпирических знаний.

Теоретическое познание отражает явления и процессы со стороны их универсальных внутренних связей и закономерностей, постигаемых путем рациональной обработки данных эмпирического знания.

Теория – система основных идей в той или иной отрасли науки; форма научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях действительности. Совокупность обобщенных положений, образующих науку или ее раздел. Она выступает как форма синтетического знания, в границах которой отдельные понятия, гипотезы и законы теряют прежнюю автономность и становятся элементами целостной системы.

Умозаключение – мыслительная операция, посредством которой из некоторого количества заданных суждений выводится иное суждение, определенным образом связанное с исходным.

Факт научный – форма научного знания, в которой фиксируется некоторое конкретное явление, событие. Событие составляет объективную основу факта. Субъективной его стороной является деятельность учёного по фиксации, описанию событий. Научный факт должен удовлетворять следующим требованиям: 1) отнесённость к определенной предметной области науки; 2) содержательное описание процедуры и обстоятельств фиксации события; 3) усреднённость результатов наблюдений и измерений; 4) воспроизводимость в научной деятельности других исследователей; 5) соотнесённость с некоторой совокупностью, системой родственных или схожих фактов.

Фактографический документ – научный документ, содержащий текстовую, цифровую, иллюстративную и другую информацию, отражающую состояние предмета, исследования или собранную в результате научно-исследовательской работы.

Фальсификационизм – методологическая позиция (особенно Карла Поппера, 1934), основанная на представлении о невозможности проверки индуктивного универсального обобщения из-за большой вероятности появления новых и потенциально опровергающих доказательств. Так, гипотезу способен опровергнуть единичный неподтвержденный случай (например, один черный лебедь не позволяет сказать: "все лебеди – белые"). Согласно этому представлению (и в отличие от логического позитивизма), наука может быть определена с точки зрения скорее

"фальсифицируемости", чем "верифицируемости" теорий и гипотез и главным образом условности научно подтвержденного знания.

Формализация – отображение результатов мышления в точных понятиях или утверждениях.

Формализация – отражение полученных результатов мышления в утверждениях или точных понятиях

Эксперимент в научном методе – набор действий и наблюдений, выполняемых для проверки (истинности или ложности) гипотезы или научного исследования причинных связей между феноменами. Одно из главных требований к эксперименту — его воспроизводимость.

Экспликация – уточнение понятий и суждений научного языка с помощью средств символической или математической логики.

Экстраполяция – процедура перенесения и распространения свойств, отношений или закономерностей с одной предметной области в другую

Эмпиризм, эмпирицизм – направление в теории познания, признающее чувственный опыт источником знания и считающее, что содержание знания может быть представлено либо как описание этого опыта, либо сведено к нему.

Эмпирический метод познания представляет собой специализированную форму практики, тесно связанную с экспериментом.

Эмпирический уровень научного познания характеризуется непосредственным исследованием реально существующих, чувственно воспринимаемых объектов.

Эмпирическое знание – первичное научное знание, которое получается при контакте с изучаемым объектом

Эпистемология – теория познания, раздел философии.

Содержание

РАЗДЕЛ 1. НАУКА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ	
Макарова Е. Функции науки	5
Особенности и характерные черты наук	6
Гаташ В. Как отличить науку от лженауки	8
Кун Т. Структура научных революций	11
Вебер М. Наука как призвание и профессия	16
Захаров В.Е. Наука в России и в современном мире	18
РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ	
Савельева И., Полетаев А. Знание о прошлом: теория и история	21
Любарский В. Критерии научности и типы. Знания в исследовании	33
Канке В. Наука в поисках истины	35
Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность	36
Побережников И.В. Теоретико-методологические проблемы модернизационного подхода	44
РАЗДЕЛ 3. МЕТОДЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
Митченков и др. Эпистемология: основная проблематика и эволюция подходов в философии науки	51
Методы и средства научного познания	55
Сластенин В., Исаев И. Методы исследования	58
Ревко-Линардато П.С. Методы научных исследований	60
Зеленов М.В. Сущность, формы и функции исторического знания и познания	63
Орлов И. Б. «Новые истории»: от междисциплинарности к претензиям на статус парадигмы	66
РАЗДЕЛ 4. ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
Воронов В.И., Сидоров В.П. Методологический замысел исследования и его основные этапы	72
Ревко-Линардато П.С. Написание и оформление научно-исследовательской работы	74
Зеленов М.В. Сущность, формы и функции исторического знания и познания	75
Ахременко А.С. Документальные источники информации	76
Кузнецов И.Н. Документальные источники информации	80
Образцов П.И. Интерпретация, апробация и внедрение полученных результатов исследования	81
ПРИЛОЖЕНИЯ	87